

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 21 (197)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 11

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д-р филол. наук, проф. **О.А. Турбина**
(*отв. редактор*),

д-р филол. наук, проф. **Л.Г. Бабенко**,

д-р филол. наук, проф. **Е.В. Харченко**,

д-р филол. наук, проф. **А.П. Чудинов**,

канд. филол. наук, проф. **Т.Н. Хомутова**,

канд. пед. наук, доц. **О.В. Кудряшова**,

Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

Серия основана в 2004 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 29016 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 2 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

ГОРБАЧЕВСКИЙ Ч.А. Образ городской толпы в рассказе В.Т. Шаламова «Белка»	4
КОВАЛЕВ П.А. Поэтический дискурс русского постмодернизма	9
МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ВЕСТФАЛЬСКАЯ А.В. Средства выражения оценки в научных исторических текстах	14
МУХИН М.Ю. Частота слова в тексте и штрихи к концептуальной системе Михаила Шолохова	20
ПОЛЗУНОВА М.В. Речевой поступок и речевой акт в структуре речевого жанра «неразделенная любовь» на материале художественного произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах»	25
ХОМУТОВА Т.Н. Научный текст: исследование культурной обусловленности лексики	30

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС

КАЗАЧУК И.Г. О соотношении понятий «переходность» и «объектность»	35
ТОМАШПОЛЬСКИЙ В.И., ВЕЙНГАРТ О.С. Явления и механизм склонения инфинитивных предложений в разноструктурных языках	38
ШАКИРОВА Р.Д., АХУНЗЯНОВА Р.Р. Инференциальность и средства её выражения в английском языке	42

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЧЕРНИКОВА Е.М., ШАТРОВИЧ Н.В. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста)	46
--	----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

АНГЕЛОВСКИЙ А.А. Акмеологическая модель формирования профессионального мастерства преподавателей русского языка как иностранного	51
РУЖЕНЦЕВА Н.Б., ЛИ МИНЬ. Формирование культурологической, языковой и лингвопрагматической компетенции в преподавании русского языка как иностранного	58

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

АХМЕТСАГИРОВА Л.И. Об эмотивности фразеологизмов военной сферы (на материале русского и немецкого языков)	63
ВАГАНОВА Е.А. К проблеме реализации замысла автора в СМИ	67
МАРКУСЬ А.М. Русская военная мемуаристика как метажанр	71
МЕНДЫГАЛИЕВА А.А. Применение метода количественного анализа при языковом портретировании	75
ПЕЧЕНКИНА Т.А. Прагматический потенциал цифр в российской и немецкой рекламе	80
СКЛЯР Е.С. Языковая номинация эмоций <i>радость</i> и <i>грусть</i> в поэзии А.А. Фета и Ф.И. Тютчева	85
ХАСАНОВА Г.М. Концептосфера комического на материале текстов английских анекдотов	89

РЕЦЕНЗИИ

МОРОЗОВА И.А. Концепты «мужчина» и «женщина» как отражение гендерных стереотипов в русской лингвокультуре	94
---	----

CONTENTS

TEXT LINGUISTICS AND POETICAL DISCOURSE

GORBACHEVSKIY Ch. A. The Image of the Town Crowd in V.T. Shalamov's Tale «The Squirrel»	4
KOVALEV P.A. Poetic Discourse of Russian Postmodernism	9
MINJAR-BELOROUTCHEVA A.P., VESTFALSKAYA A.V. Assessment and Evaluation in Academic Texts on History	14
MUKHIN M.YU. Lexical Frequency and Some Ideas on the Conceptual System of M. Sholokhov	20
POLZUNOVA M.V. A Communicative Act and a Speech Act in the Structure of the Speech Genre «Unrequited Love» in John Galsworthy's Novel «The Forsyte Saga»	25
KHOMUTOVA T.N. Reseach Text: Culture-Bound Lexis Analysis	30

SEMANTICS AND SYNTAX

KAZACHUK I.G. On the Correlation of the Notions «Transitivity» and «Objectivity»	35
TOMASHPOLSKIY V.I., WEINGART O.S. Phenomena and Procedures of the Predicative Declension Based on the Infinitive in Languages of Different Structures	38
SHAKIROVA R.D., AKHUNZYANOVA R.R. Inferentiality and the Means of its Expression in the English Language	42

CULTURAL LINGUISTICS

CHERNIKOVA E.M., SHATROVICH N.V. Zoonyms and Ornonyms in Idioms as a Way of Revealing Lingua-Cultural Information (in the Texts of Italian and French Mass-media) ...	46
---	----

LINGUISTIC DIDACTICS

ANGELOVSKIY A.A. Acmeological Model of Professional Skills' Formation of Teachers of Russian as a Foreign Language	51
RUZHENTSEVA N.B., LI MIN. Formation of Culturological, Language and Linguapragmatic Competence in Teaching Russian as a Foreign Language	58

GREEN PAGES

AHMETSAGIROVA L.I. Emotiveness of Phraseological Units of the Military Sphere (Russian and German Languages)	63
VAGANOVA E.A. On the Problem of Realization of the Author's Intention in Mass Media	67
MARKUS A.M. Russian Military Memoirs as a Metagenre	71
MENDYGALIEVA A.A. The Use of Quantitative Analysis Method in the Speech Portraying	75
PECHENKINA T.A. A Pragmatic Potential of Numerals in Russian and German Advertisement	80
SKLYAR E.S. The Linguistic Nomination of Emotions Joy and Sadness in A.A. FET'S and in F.I. Tyutchev's Poetry	85
KHASANOVA G.M. Conceptual Domain of the Comic in English Funny Stories	89

REVIEWS

MOROZOVA I.A. The Concepts «Man» and «Woman» as a Reflection of Gender Stereotypes in Russian Linguistic Culture	94
--	----

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111.1.09, 82.09(882)

ОБРАЗ ГОРОДСКОЙ ТОЛПЫ В РАССКАЗЕ В.Т. ШАЛАМОВА «БЕЛКА»

Ч.А. Горбачевский

THE IMAGE OF THE TOWN CROWD IN V.T. SHALAMOV'S TALE «THE SQUIRREL»

Ch. A. Gorbachevskiy

Дается анализ поэтики рассказа В.Т. Шаламова «Белка». Рассматриваются различные системные оппозиционные лексико-семантические ряды и связи. Предметом внимания становятся композиция и сюжетная динамика повествования. В поле зрения автора попадают интертекстуальные связи, библейские мифологические традиции.

Ключевые слова: Шаламов, сюжет, художественный образ, персонаж, композиция рассказа, цветовая палитра.

The article is devoted to the analysis of the main poetic aspects of V.T. Shalamov's tale «The Squirrel». Different lexical and semantic ties between various groups of words are considered. The author tries to focus his attention on the plot and structure of the tale. The author pays special attention to inter-textual connections and mythological traditions of the Bible.

Keywords: Shalamov, plot, artistic image, character, composition of a tale, colour palette.

Рассказ «Белка» написан Шаламовым в 1966 году¹. Сюжет рассказа условно можно разделить на три части. В первой дано описание мира природы и начало движения белки, перепутавшей лес с городом; во второй – описание города, подготовка толпы к «бою» с белкой и смятение последней; в третьей – охота на белку и ее убийство.

Композиционное построение рассказа в значительной степени определяет прием противопоставления. Оппозиционные отношения пронизывают все смысловые уровни текста. Прежде всего, в «Белке» контрастируют, до предела обнажая основной конфликт, два мира – мир природы и мир человека и то, что пространственно связано с миром человека (в том числе и часть природы).

Сквозные оппозиционные системные связи в тексте рассказа образуют ряд характерных лексико-семантических единиц: лес ↔ город; лес ↔ серая мертвая площадь; надежность хвойного леса с броней сосен и шелком елей ↔ предательский шелест тополиных листьев; зелень деревьев ↔

груз земли; небо ↔ земля; тополя и березы ↔ темные ущелья и каменные поляны, окруженные низкорослыми кустами и одинокими деревьями; лесная поляна ↔ каменная поляна; гибкость березовых веток ↔ негибкость веток тополя; камень ↔ дерево; ночь ↔ день. Сам город, который видит вдалеке белка, представляется ей разрезанным на две части зеленым ножом, зеленым лучом пополам.

Два оппозиционных друг другу лексико-семантических ряда возникают и в пространственной организации текста. Детализация пространства первого ряда напрямую связана с движением белки, второго – с движением (бегом) толпы. Непременными атрибутами первого ряда становятся *лес, соседнее дерево, лесная поляна, небо, зелень крон*; второй состоит из *города, бульваров, серой мертвой площади, темных ущелий, каменных полей, улиц города, булыжных мостовых, базара, фронта в ста верстах от города, палисадников, калиток, окон, переулков, деревьев бульвара, переката реки*². Общий вектор сюжета (действие про-

Горбачевский Чеслав Антонович, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. E-mail: chag@74.ru

Cheslav A. Gorbachevskiy, candidate of philological science, professor assistant of the Russian language and literature department of South Ural State University. E-mail: chag@74.ru

исходит во время войны) придает повествованию дополнительный символический смысл, поскольку сам Шаламов во время войны находился в лагере. В охваченном ненавистью городе рассказа «Белка» нельзя не увидеть некую аллюзию на сталинский исправительно-трудовой лагерь, с царящими в нем, как и на войне, жестокими «законами», в котором «все – люди и в то же время не люди»³.

Кроме пространственной оппозиции лес – город существенная роль в повествовании отводится безликой толпе горожан, из которой конструируется демоническое пространство текста. В неистовстве погони толпа заполняет, уничтожает все жизненное пространство белки, необходимое ей для отступления и спасения.

Пространство городской площади, в свою очередь, служит неким символом тоталитарного государства, наделившего себя правом высшего суда над всем, что не соответствует образу и представлениям толпы. По мысли М. Бахтина, на площади, «в этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе (речь у Бахтина идет о хронотопе площади средневекового европейского города. – Ч.Г.) совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина, производилась публично-гражданственная проверка ее»⁴. Нечто схожее с подобной проверкой, но в ином хронотопе происходит с персонажами рассказа Шаламова: у толпы в «Белке» ярко выраженная «публично-гражданственная» позиция, заключающаяся в выработке стратегии и тактики уничтожения попавшего в западню врага, который заведомо слабее и ничем ответить не может. Очевидно, что в данном контексте автор, описывая пространство городской площади, наделяет её в высшей степени оценочной функцией, тем самым, характеризуя облик толпы.

Как было отмечено выше, начало рассказа содержит прием противопоставления: в завязке сюжета лес противопоставлен городу. Этим же приемом отмечен финал рассказа. Так образуется своеобразная кольцевая композиция: в развязке сюжета оппозиционными отношениями отмечены синее небо и тихий город-убийца.

В композиции рассказа также исключительно многофункциональным оказывается повтор, который «<...> является фактором связности и в то же время выполняет в тексте усилительно-выделительную функцию, повтор слов образует тематическую сетку произведения и связан с его содержательной стороной <...>»⁵. Четырехкратное упоминание в небольшом эпизоде слова *советы* усиливает общую прямолинейную направленность толпы на жестокую расправу. *Поодаль, двигаясь вслед за толпой, опытные убийцы давали здравые советы, толковые советы, важные советы тем, кто мог мчаться, ловить, убивать. Эти уже не могли мчаться, не могли ловить белку. Им мешала одышка, жир, полнота. Но опыт у них был большой, и они давали советы – с какого конца забегать, чтобы перехватить белку.*

В описании устрашающих звуков и слов, со-

путствующих движению, повторяются глаголы одной лексико-семантической группы со значением «кричать». Это глаголы *свистеть, улюлюкать, подзадоривать, реветь, рычать, выть, хрипеть*, наиболее полно характеризующие «единонаправленный» настрой толпы.

Жители города любят развлекаться. Первым развлечением является *зрелище пожаров*, вторым – *охота на белку*, а третьим – *революция с убийством буржуев и расстрелом заложников*. Основное внимание повествователь акцентирует на описании классического развлечения горожан – охоте. Собственно охота на белку – своеобразная кульминация разыгрывающегося время от времени на городских улицах кровавого театрального представления.

Сюжет рассказа характеризуется стремительным развитием основного действия с ярко выраженными сюжетными элементами. Действие от экспозиции к развязке убыстряется ровно настолько, насколько увеличивается скорость погони толпы за убегающим зверьком. Повествовательная ткань рассказа создает и нагнетает впечатление катастрофичности и необратимости развивающейся трагедии. В начале рассказа белке видятся вполне мирные картины природы, ей кажется, что *бульвар – это зеленая речка, по которой можно плыть и доплыть в такой же зеленый вечный лес, как и тот, в котором жила белка*. Несколько позже, продолжая движение, белка будет перебираться *с тополя на тополь, с березы на березу – деловито, спокойно* до того самого момента погони, когда от иллюзии спокойного взгляда белки на якобы мирную городскую жизнь ничего не останется.

Глаголы одной лексико-семантической группы, характеризующие движение зверька и его смятение, как бы вступают в оппозиционные отношения с глаголами, характеризующими движение входящей в дикий раж толпы. Белка, услышав, разгадав рев, начинает спешить. Вслед за этим в описании движения белки выстраивается сквозной лексико-семантический ряд со значением «бег»: *стускаться, карабкаться вверх, размерять полет, раскачиваться, лететь, перебежать*. Толпа ревет, мчит, *выбегает из переулка, ветераны провинциальных боев* не могут и мечтать угнаться за молдыми убийцами⁶.

Все деревья с обеих сторон (город и лес): *сосны, елки, клены, тополя, вязы, березы* с виду мало различимы. Но такая одинаковость пейзажа обманчива, поскольку семантика двух топосов в корне различна. В лесу, в естественной среде обитания, для белки нет никаких тайн, а «цивилизация» города ориентирована на другие, вовсе незнакомые белке законы, потому и город для нее полон неожиданных опасностей.

Человеческие отношения в городе подчинены общему духу времени, основа которого – борьба с врагом, которого толпа назначает себе сама. Обиходное и привычное название площади *рыночная* переименовывается в площадь *борьбы со спекуляцией*. О неминуемых катастрофических последствиях

Лингвистика текста и поэтический дискурс

подобных баталий пишет во «Второй книге» Н.Я. Мандельштам: «... тот, кто начал уничтожение людей, пусть даже преступных и повинных в чудовищных убийствах, сам неизбежно станет зверем. <...> Он не сможет остановиться, потому что на этом пути остановки нет. Раз человек поставил себя над людьми и захватил право распоряжаться жизнью и смертью, он уже не властен над собой»⁷. Жизнью и смертью другого люди здесь распоряжаются не задумываясь, поскольку саму власть над собой и своими инстинктами они полностью утратили.

От *стопудового веса*, который ощущает белка и ее слабеющие мышцы в поисках новых сил, можно провести зримую параллель к многочисленным описаниям в документально-художественной прозе Шаламова превращений простого арестанта в умирающего от холода, голода и побоев доходягу. В тот момент, когда силы на исходе, появляется толпа или отдельные ее представители, появляются точно так же, как и во многих рассказах писателя – блатари-уголовники, дневальный, парикмахер, бригадир, воспитатель, надзиратель, конвоир, староста, завхоз, нарядчик любой, кто сильнее, кто при каждом удобном случае воспользуется своей силой, чтобы самому выжить (по известной тюремно-лагерной блатарской поговорке: «Умри ты сегодня, а я завтра»).

Неудивительно, что одно из немногих индивидуализированных, но вместе с тем и общих желаний толпы заключено в стремлении каждого убить белку первым и первым принести кровавое жертвоприношение на алтарь общей ненависти.

Для белки каждое существо в толпе превращается в мифологического Голиафа – громадного ветхозаветного великана-филистимлянина, вооруженного медным шлемом, чешуйчатой броней, медными наколенниками, щитом и мощным копьем⁸. И если толпа персонифицируется в надежно защищенного воинскими доспехами Голиафа, то белка символизирует образ Давида, выступившего против могучего противника с ветхой пращой. Как известно, ветхозаветный сюжет повествует о победе пастуха Давида, выпустившего из пращи камень в Голиафа. Шаламов переосмысливает сюжет, как бы вводя в него своеобразный элемент зеркальной композиции: Голиаф бросает из пращи в *желтое тельце Давида* камень и поражает его. В итоге толпа-Голиаф побеждает белку-Давида⁹. Примечательно, что в том же 1966 году А.А. Галич пишет песню «Засыпая и просыпаясь» (окончательный вариант появился в 1971 г.), посвященную судьбам узников фашистских концлагерей. В этой песне есть такие слова:

«Спи, но в кулаке зажми оружие –

Ветхую (вариант «бедную»). – Ч.Г.) Давидову пращу!

... Люди мне простят от равнодушия,
Я им равнодушным не прошу!»¹⁰

Отметим, что в рассказе отсутствие описаний внешних портретов персонажей, монолитность толпы убедительно компенсируется фрагментами

их высказываний. Все, что выражено прямой речью – это несколько недвусмысленных эмоциональных реплик: *На, дяденька, ударь. <...>... бей! бей! Не давай дыхнуть! <...> Бессмертная, сволоочь. <...> Теперь надо окружать у реки, у переката!*

Не успевшие выйти на улицу остальные жители города, тем не менее, сливаются в своих намерениях с основной частью улюлюкающих и с энтузиазмом подзадоривают участников охоты, дополняя тем самым всеобщий бесовской карнавал. Не удивительно, что на общем фоне наименее кровавыми оказываются те, кто по своей социальной функции и физическим способностям наиболее беспомощен и не в состоянии участвовать во всеобщем развлечении – это паралитики и слепцы.

В рассказе Шаламова «Лида», написанном в 1965 году, автор-повествователь рисует картину *правильной охоты*, но уже не на белку, а на арестанта, заканчивающего свой лагерный срок, за ним тоже ведется охота, имеющая свою собственную не менее жестокую специфику, *охота из провокаций, доносов, допросов*. И в этой охоте по мере приближения к жертве угроза возрастает: «Тон становился все более зловещим, и мало кто мог благополучно – и случайно! – проскочить эту вершину, эту «морду», этот невод, сеть и выплыть в открытое море, где для освобождающегося не было ориентиров, не было безопасных путей, безопасных дней и ночей. <...> уберечься было нельзя» (1, 279). Острое чувство неподчинения чужой воле одинаково свойственно и Кристу – герою «Лиды» – и белке, которая оказалась, как и Крист, в западне: «Спецуказания (речь идет о Кристе. – Ч.Г.) были приказом убить, не выпустить живым <...>» (1, 280). Причины травли и Криста, и белки в своей сути имеют нечто общее: для первого – это *литер с буквой «Т»*¹¹. А белка сама была зверем, и это стало ее смертным приговором¹².

У людей толпы вовсе нет ни лиц, ни имен, исключение составляет один персонаж – Зувев, который, впрочем, от всех остальных мало чем отличается, разве только тем, что он огородник. Всякие различия в поведении толпы полностью нивелированы, нет никаких дифференцирующих признаков между женщинами, детьми и мужчинами. При этом внешне состав толпы в «Белке» довольно пестр – это *горожане, крестьяне, председатель, счетовод, красный командир, мальчишки, взрослые, «дяденька», хозяева города, опытные и привычные убийцы, ветераны провинциальных боев и развлечений* (в городе бой со смертями и развлечения равнозначны по своей сути), «*псы*» и *герои*, и т. п. Основное качество толпы – стихия безумия, она сметает все на своем пути, не щадит никого. Люди в толпе – представители тихого города, жаждут зрелищ, главное из которых – смерть другого и наслаждение этой смертью остальными (пока ещё живыми).

Пожар – одно из развлечений горожан – с символикой красного цвета, его вариациями и различной модальностью представлен такими словосоче-

таниями, как *краснорожие хозяйева города*, в метафоре *красный командир, желтые – ястреб, тельце Давида и тельце белки, рыжий зверек*. В данном контексте особое значение, на наш взгляд, приобретает оппозиция красный – желтый (рыжий). Если красный цвет относится к представителям толпы, то желтый в рассказе связан с ястребом (*желтый ястреб*), библейским персонажем Давидом (*желтое тельце Давида*) и собственно с белкой (*желтое тельце белки*). Кроме прочего желтый цвет символизирует неудавшийся полет белки и невозможность ей стать птицей – улететь от неминуемой насильственной смерти. В итоге белка остается между небом и землей¹³: *Белка и впрямь была похожа на птицу, была вроде желтого ястреба, облетающего лес. Как завидовала белка ястребам в их нездешнем полете. Но птицей белка не была.*

Своеобразие цветовой палитры выражено в символическом смысле словосочетаний *зеленый нож, зеленая речка, зеленый вечный лес, зелень крон*, три цвета пожарных лошадей (*гнедые, серые в яблоках, вороные*), *темные ущелья, серая мертвая площадь, синее небо*.

Представляется очевидным, что тематически рассказ «Белка» отдельными мотивами созвучен одноименному стихотворению Шаламова, написанному десятью годами ранее. Стихотворение «Белка» состоит из десяти четверостиший и входит в поэтический сборник «Высокие широты». По свидетельству Шаламова, все стихотворение «написано ради первой строфы» (3, 473), в которой тема белки, не превратившейся в птицу, является магистральной:

«Ты, белка, все еще не птица,
Но твой косматый черный хвост
Вошел в небесные границы
И долетел почти до звезд. <...>» (3, 246).

Сам полет белки в рассказе, как уже было отмечено, неудавшийся, несмотря на то, что деревья научили белку ощущению неба, полета. И перед своей гибелью она устремляет взор ввысь, в небо, ставшее символом несбывшегося освобождения. Глубоко символически и финал повествования, в котором трагическое противостояние и трагический контраст доходят до своего апогея, знаменуя сюжетную развязку рассказа – мертвое *желтое тельце белки*, лежащей на (зеленой) *траве*, и красная *кровь* на губах и мордочке, с одной стороны, а с другой – ее *глаза, спокойно глядящие в синее небо тихого нашего города* – туда, куда ей было не дано улететь. Известна мысль Ю.М. Лотмана, писавшего по поводу стихотворения Н.А. Заболоцкого «Журавли»: «<...> моральная окраска оси «верх – низ» предельно обнажена: зло приходит снизу, и спасение от него – порыв вверх. <...> Конечная точка низа совмещает в себе все исчезнувшее пространство. Из этого вытекает, что движение возможно лишь вверх и оппозиция верх / низ становится структурным инвариантом не только антитезы добро / зло, но и движение / неподвижность. Смерть – прекращение движения,

есть движение вниз <...>»¹⁴. В рассказе Шаламова оппозиция верх / низ не менее существенна. Не случайно, после того как движение белки вверх становится невозможным, она погибает.

Некоторые ключевые образы, символические детали и мотивы рассказа «Белка» находят свое отражение и толкование в автобиографической повести Шаламова «Четвертая Вологда», написанной после «Белки» в 1968–1971 гг. Так, в сознании уже десятилетнего Шаламова на всю жизнь врезались действительные ночные облавы, ежедневные аресты, собирающиеся толпы людей, уничтожающие друг друга вершители судеб того времени, – Кедров¹⁵, Ягода, Ежов, Берия, Сталин.

В данном контексте вполне уместна цитата из названной автобиографической повести Шаламова, в которой Вологда революционных лет и последующих двадцатых годов находит прямые соответствия с городом, изображенным в «Белке» (тот же набор «развлечений», те же пейзажи, лошади, скачущие на пожар): «Вологда была тихим провинциальным городом, где даже река текла вспять в определенное время года¹⁶, где любимым исконным развлечением горожан была охота за белками, собиравшая густую толпу убийц всех возрастов и всех общественных рангов.

Где на пожары скакали три части – каждая по цвету коней (выделено мной – Ч.Г.), грохоча по булыжникам города, с трубачом, не уступающим по звукам трубам Страшного Суда в Софийском соборе, построенном Иваном Грозным» (4, 145).

После завершения охоты, удовлетворенная толпа собирается разойтись и приступить к своим ежедневным обязанностям. Но прежде каждый считает своим долгом увидеть растерзанное тельце зверька и лично убедиться в том, что охота завершена удачно. Так кровь белки становится данью тому абсурду и жестокости, которыми живет население города.

Концовка рассказа, предельно обостряя основной конфликт, отмечена псевдоэмоциональной развязкой, своеобразным антикатарсисом, логическим завершением всего произошедшего: после совместного убийства толпа расходится, и нет сомнений в том, что когда представится новый случай поохотиться, то все вновь выйдут, не раздумывая на охоту.

Так, всеобщее беснование завершается противоположным – спокойствием в городе, но это спокойствие абсолютно иллюзорно и является всего лишь короткой передышкой, «отдохновением» перед новыми зрелищами и развлечениями. Случившееся – констатация и вместе с тем предзнаменование новых трагедий изобретательного на жестокости человека. Нельзя не отметить, что у толпы в рассказе нет свободы выбора, она полностью детерминирована инстинктами, главный из которых – быть как все и убивать как все.

Примечательно, что при всем этом автор-повествователь «Белки» не снимает и с себя ответственности и вины за происходящее, не отделяет

себя от толпы, и это, безусловно, обостряет этическую проблематику рассказа. Рассказчик-повествователь – не морализирующий отвлеченный наблюдатель, а рядовой участник захватившего всех в городе зла¹⁷. Подобным же образом не отделяет себя от толпы и не снимает с себя общей и своей вины лирический герой Галича в упомянутом стихотворении «Засыпая и просыпаясь»:

«Грешного меня – простите, грешники,
Подлого – простите, подлецы!»¹⁸

Я протискался сквозь редеющую толпу поближе, ведь я тоже улюлюкал, тоже убивал. Я имел право, как все, как весь город, все классы и партии... Эта фраза свидетельствует о всеобщей причастности к всеобщему злу¹⁹. И оказывается, чтобы быть убийцей, вовсе не обязательно первым попасть в белку камнем. Потому и повествователь акцентирует внимание не на отдельных персонажах-убийцах, а на толпе в целом как убийце. Несомненно значимым в рассказе является и то, что авторская точка зрения сфокусирована на судьбе белки, к которой он, безусловно, испытывает чувство сострадания, несмотря на собственные признания в своей причастности к описываемому преступлению.

Парадоксально, но Шаламов никогда не желавший никого учить и не морализировать ни на какие темы, «Белкой» и другими своими рассказами и очерками именно учит, каким не должен быть человек, убедительно показывает, «у какой последней черты теряется человеческое»²⁰ в человеке.

¹ Этой датой отмечен рассказ в 4-томном собрании сочинений Шаламова. Однако «Белка», вероятно, написана раньше 1966 года, поскольку известна аудиозапись рассказа в исполнении автора, сделанная еще в 1965 году в доме Н.В. Кинд-Рожанской (См.: <http://imwerden.de/cat/modules>). Аудиозапись идентична тексту рассказа, изданному И. Сиротинской.

² В статье цитаты из анализируемых текстов даны курсивом, выделения полужирным принадлежат автору статьи.

³ Цитаты из других текстов Шаламова даются по тому же изданию: Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 2. С. 501. В дальнейшем ссылки на это издание представлены в тексте с указанием тома и страниц.

⁴ Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 282–283.

⁵ Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Academia, 2003. С. 30–31.

⁶ Отрицательное отношение самого Шаламова ко всякой охоте сложилось еще в детстве, о чем писатель повествует в «Воспоминаниях» (глава «Берданка»). В «Четвертой Вологде» также есть мысли о «чуждости <...> охотничьих страстей» (4, 119) Шаламова.

⁷ Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М.: Изд-во АСТ, 2001. С. 445–446.

⁸ Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 167.

⁹ В «Четвертой Вологде» Шаламов с большим пиететом отзывается о философе и ораторе А.И. Введенском. Здесь же появляются образы Давида и Голиафа: «Оставалось только послушать – какие стрелы, какие камни бросит из своей пращи Давид – Введенский в правительственного Голиафа – Луначарского» (4, 110).

¹⁰ Галич А.А. Стихотворения и поэмы / Генеральная репетиция. М.: Советский писатель, 1991. С. 86–87.

¹¹ «Четырехбуквенный литер (т. е. «КРТД» – контрреволюционная троцкистская деятельность. – Ч.Г.) Криста был приметой зверя, которого надо убить, которого приказано убить. За этим литером охотился весь конвой всех лагерей страны прошлого, настоящего и будущего – ни один начальник на свете не захотел бы проявить слабость в уничтожении такого «врага народа»» (1, 282).

¹² «Зверями», испытывающими на себе погоню, были Пугачев и его товарищи-фронтовики в рассказе Шаламова «Последний бой майора Пугачева» (1, 324), бежавшие сначала из немецкого концлагеря, а затем из колымского исправительно-трудового лагеря.

¹³ В соответствии с некоторыми общими мифологическими представлениями индоевропейских народов небо, с одной стороны, могло считаться «источником жизни», а с другой – «символом смерти» (Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 229–230).

¹⁴ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. С. 258.

¹⁵ Кедров в сознании Шаламова запечатлелся, как персонаж еще более зловещий, чем один из «бесов» Достоевского – Шигалев (4, 124). Как известно, социальная система Шигалева, этого апологета безграничного деспотизма, предлагала дать избранным «свободу личности и безграничное право над остальными 9/10» человечества (См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 312). Можно лишь констатировать, что все «преlestи» системы Шигалева Шаламов и миллионы его современников извели на «собственной шкуре».

¹⁶ Ср. в «Белке» повторы почти буквальные: «Это был тихий, провинциальный город, встававший с солнцем, с петухами. Река в нем текла такая тихая, что иногда течение вовсе останавливалось – и вода текла даже всять» (2, 265).

¹⁷ «Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник и не в писательском обличье, не в писательской роли» (4, 365), – пишет Шаламов в эссе «О прозе».

¹⁸ Галич А.А. Стихотворения и поэмы / Генеральная репетиция. М.: Советский писатель, 1991. С. 86.

¹⁹ Рассказчик повести В. Гроссмана «Все течет» (1955–1963 гг.; впервые повесть была опубликована во Франкфурте-на-Майне в 1970 г.), размышляя о социально-исторических процессах, происходивших в советском обществе первой половины XX века, приходит к неутешительному, но вполне справедливому выводу: «Все виновны, и ты, подсудимый, и ты, прокурор, и я, думающий о подсудимом, прокуроре и судьбе» (Гроссман В.С. Все течет / Жизнь во тьме. (Антология выставления и преобразования). М.: Университетская книга, 2001. С. 375).

²⁰ Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: Изд-во АСТ, 2001. С. 155.

Поступила в редакцию 27 ноября 2009 г.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

П.А. Ковалев

POETIC DISCOURSE OF RUSSIAN POSTMODERNISM

P.A. Kovalev

Дан анализ структурных особенностей поэтического текста, трансформируемых в русской поэзии XX века для выработки новаторской модели стиха. Формирующаяся на этой основе эстетика нового типа изменяет представления о форме и содержании стихотворного произведения.

Ключевые слова: постмодернизм, концептуализм, метатекст, метр, ритм, рифма.

The article is dedicated to the analysis of the structural particularities of the poetical text, transformed in modern Russian poetry for the production of innovative models of the verse. The new type aesthetics changes the beliefs about the manner and matter of the poetical product.

Keywords: postmodernism, conceptualism, metatext, metre, rhythm, rhyme.

Смена литературных эпох – как правило, сложный и противоречивый процесс, неизбежно проявляющийся на жанрово-тематическом и композиционно-стилистическом уровнях. Так было в конце XIX – начале XX столетия, так происходит и сейчас, когда русская литература ищет себя в постмодернистской парадигме синтеза искусств. Применительно к поэзии, наиболее чутко и динамично реагирующей на вызовы времени, смена веков означает, прежде всего, изменение форм и способов бытования поэтического текста, структуры стиха и даже, в определенном смысле, – самого понимания феномена поэзии.

В «Очерках истории русского стиха» М.Л. Гаспаров отмечал по поводу эпохи Серебряного века следующее: «Это было временем широчайшего обновления и перестройки всей системы поэтических средств, напоминавшим эпоху романтизма, а отчасти даже эпоху реформы Тредиаковского-Ломоносова. В основе этого преобразования лежало переменившееся соотношение двух основных художественных систем – поэзии и прозы.... Вместо унифицирующей простоты поэзия стремится к дифференцирующей сложности, вместо мнимой естественности формы – к сознательной необычности...»¹.

Все признаки перестройки поэтической системы можно найти и в новейшей русской поэзии. При этом важным является то обстоятельство, что, согласно закону эволюционного развития литературы, сформулированному еще Ю.Н. Тыняновым²,

современный литературный процесс не может не учитывать достижения других переломных эпох. Новая культурная ситуация ставит перед поэтами задачу усиления художественной выразительности, преодоления автоматизации поэтической формы, которые решаются каждым художественным течением по-своему, в рамках специфических традиций. И в этом процессе отчетливо выделяются два полюса: с одной стороны, концептуализм, с другой – визуальная поэзия и минимализм. Для них в равной степени характерен отказ от традиционного лирического монологизма, переход к комбинаторным и маргинальным формам стиха, структурирование поэтического текста в направлении традиций Серебряного века и в типологическо-генетическом соперничестве с западной постмодернистской культурой.

В сравнении с началом XX века ситуация в современной поэзии отличается большей степенью синкретизма, что обусловлено особенностями развития мировой цивилизации. Это проявляется в изменении инфраструктуры литературного процесса.

1. Функционирование поэтического произведения заметно усложнилось за счет средств массовой коммуникации (радио, телевидение, компьютерные сети).

2. На смену традиционным средствам издания приходят новейшие технологии (CD-ROM, компьютерные библиотеки, Интернет).

3. Традиционная поэзия во многом начинает уступать приоритет воздействия на читателей син-

---

Ковалев Петр Александрович, канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета. E-mail: kavalller@mail.ru

---

Petr A. Kovalev, candidate of Philological Science, the senior lecturer of chair of Russian literature XX–XXI of centuries and history of the foreign literature of the Oryol state university. E-mail: kavalller@mail.ru

критическому (звучащему с эстрады) песенному стиху, образуемому за счет слияния вербального и музыкального начал. Можно сказать, что в конце XX века читатель уступает место слушателю.

4. Особенное место в современном литературном процессе занимает авангард, до недавнего времени функционировавший только в узком кругу художественной элиты.

5. Наконец, сама российская поэзия под натиском постмодернизма и авангардизма начинает ощутимо меняться. Достаточно сравнить состав таких влиятельных изданий, как «Новый мир», «Нева», «Октябрь», «Юность», даже «Наш современник» (последний можно считать и последним бастионом русского классического стиха как в области формы, так и в области содержания) за последние десятилетия.

6. Следует признать, что в современной российской поэзии на данном этапе сосуществуют принципиально различные, разнородные, специфически ориентированные художественные системы. Без преувеличения можно говорить о том, что за каждым литературным течением закреплена особая модель структурирования поэтического текста.

В исторической ретроспективе концептуализм – одно из первых манифестарно оформленных течений русского Бронзового века, теоретическое обоснование и само название которого парадоксальным образом были даны не поэтами, а критиком и теоретиком литературы М. Эпштейном³. Разрабатывая деконструктивистскую модель поэтического текста, концептуалисты пытаются вложить в нее специфическое (концептуальное) содержание, обусловленное принципами деавтоматизированного письма. В результате такого подхода поэтический текст становится разновидностью метаписьма, неким высказыванием на грани художественного и научного дискурсов. Отсюда тяготение концептуалистов к неклассическим формам стиха и даже стихопрозе, аннулирующей границы художественной формы до полного стирания различий между поэзией и утилитарным высказыванием. Таковыми оказываются выстроенные по принципам пастиша многомерные тексты Д. Пригова, каталогизированные стихи Л. Рубинштейна, гибридно-цитатные построения Т. Кибирова и т. д.

Подвергая деконструкции язык культуры, концептуализм переосмысливает сам феномен художественного творчества, переводя его тем самым в область нехудожественных аллюзий, где царит «постмодернистская усталость» и эпистемологическая неуверенность, выражающиеся в констатации «краха научного детерминизма как основного принципа, на фундаменте которого естественные науки создавали картину мира... всеобщей причинной материальной обусловленности...»⁴. Как справедливо отмечает по этому поводу В.Г. Кулаков: «...само лирическое «я» представляет теперь для поэта мало интереса... Поэт

сосредоточивается на закономерности, рефлекторности своих языковых, культурных реакций, которые, собственно, и формируют постмодернистского автора. Модернистский лозунг «музыка – прежде всего» сменяется чем-то вроде «прежде всего – язык», в чем выражается общая метафизическая интуиция о том, что не мы владеем языком, а язык владеет нами»⁵.

Подобный пессимистический прогноз оказывается особенно актуальным в условиях «кризиса идей» в современном российском обществе, когда литература и искусство остаются один на один перед тем фактом, что им нечего изображать и не к чему призывать, в противоположность выдержанной в духе национал-шовинизма и реваншизма идеологической культуре.

Современная русская поэтическая культура в подобном контексте – это, прежде всего, постмодернистская художественная парадигма, которая может трактоваться не только как течение или даже направление в искусстве и литературе, а как особая культурная ситуация, «характеризующаяся определенным состоянием художественного языка»⁶.

На другом полюсе поэтической деконструкции оказываются сторонники визуальной поэзии и минималисты, которым также близка экспериментальная сущность поэтики Серебряного века. Здесь, как это ни странно, преемственность ощущается сильнее. Фигурные стихи и эксперименты кубофутуристов и конструктивистов произвели в русской поэзии «визуальный прорыв» (С. Бирюков⁷), начатый в 20–30 годах XX века и прерванный затем наступлением социалистического реализма. «С конца 60-х гг. эксперименты в стихе шли именно на уровне почерка, – отмечает по поводу возобновления экспериментов в области визуальной поэзии один из известных теоретиков и практиков современного постмодернизма С. Сигей. – Необходимо было вернуться вспять, чтобы восстановить прерванный путь визуализации»⁸. Но плоды этой реставрации увидели свет лишь в середине 80-годов (за исключением отдельных публикаций за рубежом), а, следовательно, были исключены из реального литературного процесса.

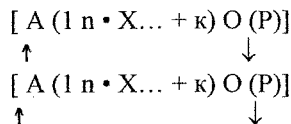
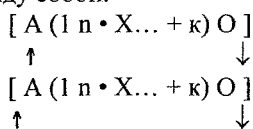
И хотя тенденция к визуализации, по мнению некоторых ученых, «заложена во всяком тексте... и у всех народов»⁹, все же в этой области, в зависимости от степени и направленности используемых приемов, наиболее полно осуществляется постмодернистский принцип синкретичности, реализуемый в выведении вербального ряда за пределы традиционной модели поэтического текста, так как читательское восприятие создаваемых поэтами-визуалистами новых художественных пространств обусловлено антиномичным совмещением вербальной (динамической) и иконической (статичной) знаковых систем: «...при кодировании и декодировании текстов из разных моделирующих систем (словесно-алфавитной и визуально-

Лингвистика текста и поэтический дискурс

Как видно из предложенной схемы, структурирование классической модели русского стиха начинается по горизонтально-вертикальному принципу, при этом метроритмическую основу задают две первые строки, из которых вторая подтверждает или нарушает в определенных моментах структурную обустроенность первой. Отсюда движение вверх в анлауте строк с фиксацией в их конце и последующим движением вниз. Рифменная и строфическая обустроенность текста формируется на уровне корреляции как минимум 4-х строк (стереотипная модель русской поэзии – четверостишие).

В начале XX века в рамках некоторых модернистских практик система поэтических стереотипов подверглась значительной трансформации, что привело к ослаблению метроритмического принципа и графической обустроенности поэтического текста. Так, в результате общего процесса экспансии неточной рифмы и неполной рифмовки компонент (P) мог оставаться на уровне простого окончания (O) или видоизменять саму ритмическую природу этих окончаний, например, за счет неравносложных созвучий (в стихотворении В.Я. Брюсова «Побледневшие звезды дрожали...» рифмование мужских рифмокомпонентов с женскими («тополей-аллее», «зари-Мари») нарушает изосиллабичность четных строк четверостиший), разноударных рифм (в поэме В.Я. Брюсова «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче» созвучие «лучи́-Монома́ховичи» укорачивает акцентную основу строки, противопоставляя долнику предыдущей строки тактовиковый ритм), разнословных механизмов образования созвучий (в стихотворении М.И. Цветаевой «Некоторым – не закон...» рассечение рифмокомпонентов в строчках «Всматриваются – и в скры- / тнейшем лепестке: не ты!», «Впытываются – и сти- / снутым кулаком – в пески!» придает стиховому ряду некоторую акцентную аморфность – ритм 4-стопного хорея здесь ощущается как «сбитый»). Но все же следует отметить, что трансформация классической модели поэтического текста у модернистов не носит последовательный и тотальный характер, как это происходит в постмодернистской поэтике.

Именно в эстетике концептуалистов, визуалистов и минималистов общая формула стиховой модели существенно изменяется по всем параметрам: увеличивается варьированность стиховых определителей (в схеме отмечены жирным курсивом). Так, маркером границы стихового ряда оказывается уже не константный слог как таковой, а, прежде всего, рифменное созвучие (если оно есть), усиливающее свою делимитативную функцию и дающее возможность соотносить стиховые ряды между собой:

Как видно из данной схемы, ослабление парадигматических связей неминуемо сказывается на синтагматике стиховой структуры. Дальнейшее ослабление стихотворной природы (крайним в данном отношении следует признать верлибр, хотя некоторые маргинальные формы дают еще большую трансформацию «стиховности») переводит метрический ряд в область чисто синтаксических связей, на которые накладывается в большей или меньшей степени актуализирующее их графическое членение (соизмеримое с членением на колонны в прозе). Остающиеся при этом рудименты метроритмической организации оказываются лишены синтагматической упорядоченности: векторное движение вверх и вниз полностью заменяется на горизонтальное (слева направо). Из собственно стиховых механизмов (метрическое ожидание, рифменная инерция, строфическая архитектоника) остается лишь графическое членение, аморфное по отношению культурной традиции (не потому ли верлибр тяготеет к астрофической композиции?), предельно индивидуализированное, так как подчиняется лишь авторским представлениям о длине стихового ряда, в большинстве случаев определяемым так называемой «внутренней скандовкой» – синтагматическим членением с актуализацией тех или иных художественных приемов. Именно на этом уровне моделирования поэтического пространства современные поэты начинают активно использовать различные звуковые повторы, словообразовательные формы и средства визуализации, выполняющие в условиях трансформации эстетических канонов функции поэтических маркеров. Оппозиция «стих – проза» в этом случае по-прежнему сохраняется, но уже за счет несобственно-стиховых принципов. Именно так в поэтическом искусстве современности разворачиваются альтернативные системы структурирования текста, аннулирующие традиционную модель даже на последнем стиховом уровне – уровне графики, но выполняющие основную коммуникативную функцию поэзии – передачу специфически выраженной художественной информации, связанной с неутилитарным наслаждением.

¹ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. С. 206–207.

² См.: «...эволюция есть изменение соотношения членов системы, т. е. изменение функций и формальных элементов... Смены эти носят от эпохи к эпохе то более медленный, то скачковой характер и... предполагают новую функцию... формальных элементов». Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 281.

³ Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном

иконической) работают разные части головного мозга человека... Удвоение семантической емкости сопряжено и с лучшим запоминанием данного текста, потому что система двойного кодирования информации приводит к взаимовозбуждению различных зон субстрата ментальности и к реципрокному эффекту, в результате которого единый глубинно усвоенный вербально-визуальный образ является семантически и эстетически более насыщенным, нежели простая сумма отдельных его составляющих – слова и изображения»¹⁰.

С минимализацией стихового ряда возникает не менее сложная проблема восприятия, так как этот чисто технический прием вступает в противоречие с определением стиха как горизонтально-вертикального художественного феномена, возникающего из со-противопоставления соизмеримых объектов. В этом отношении ограниченность одной строкой приводит к нарушению принципа стихового ожидания по вертикали. Минимализация собственно стихового ряда придает тексту семантическую расплывчатость, а сужение до уровня слова, слога, буквы, знака или нулевой вербальности вообще уничтожает такие текстуальные определители, как цельность и связность¹¹.

В области этих специфических систем особенно активно происходит не всегда бесспорная и художественно значимая разработка альтернативной эстетики, требующей от читателя навыков и умений интерпретатора. Не случайно поэтому намечающееся в последнее время сближение некоторых альтернативных художественных систем с методиками филологического анализа, образование специфической замкнутой системы, в рамках которой художественный текст одновременно выполняет и функцию метатекста.

Изменение соотношений между традиционалистской поэзией и маргинальными художественными системами существенно трансформирует представление о сущности поэзии и способах ее функционирования. Формой разрешения этого парадокса можно считать, на наш взгляд, признание литературы динамической системой с довольно сложными культурными определителями, допускающими или не допускающими тот или иной феномен в круг собственно художественных явлений. Об этом писал еще Ю.Н. Тынянов, положения которого использовал Ю.М. Лотман в своей работе об основных литературных дефинициях: «С функциональной точки зрения художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовывать эстетическую функцию... Эстетически функционирующий текст выступает как текст повышенной... семантической нагрузки. Он значит больше, а не меньше, чем обычная речь... Текст предстает... как дважды (как минимум) зашифрованный: первая зашифровка – система естественного языка... В условии эстетического функционирования текста входит предварительное знание

об этой двойной зашифровке и незнание (вернее, неполное знание) о применяемом при этом вторичном коде. Поскольку получатель информации не знает, что в воспринятом им тексте на этом втором уровне значимо, а что – нет, он «подозревает» все элементы выражения на содержательность»¹².

В русском литературоведении проблема художественности, особенно по отношению к поэтическому тексту, разработана относительно слабо. Причины этого кроются не только в идеологической цензуре, до недавнего времени господствовавшей в отечественной филологии, но и не в последнюю очередь в особенностях русского художественного сознания. Относительная закрытость русской философии, эстетики и культуры от влияний западного мира, сознание собственной исключительности создали непреодолимые барьеры вокруг российской художественной словесности. Все это способствовало консервации эстетических предпочтений, особенно в области поэзии.

Так, традиционно с именем А.С. Пушкина в русской культуре связано представление о классической форме и классическом содержании. Не вдаваясь в генетические основы этого феномена, отметим лишь его структурообразующие элементы: 1) силлаботонический стих с доминированием 4-стопного ямба; 2) перспективные эксперименты в области некоторых неклассических метров (гексаметр, раешный стих); 3) альтернирующий ритм симметричных размеров (4-, 6-стопный ямб, 4-стопный хорей); 4) совпадение границ предложений с границами стиховых и строфических рядов (исключения в основном носят актуализирующий характер); 5) доминирование точной рифмы при незначительном проценте приблизительных и неточных; 6) преобладание смешанного типа каталектики (чаще всего – мужских и женских окончаний), а отсюда примерно равное распределение доли мужских и женских клаузул; 7) основной формой строфики является катрен с перекрестной системой рифмования (АвАв, аВаВ).

Все эти составляющие вместе со специфическим лексико-синтаксическим строем¹³ образуют особую знаковую систему, использование каких-либо элементов которой сигнализирует о специфической ориентации текста на осложнение «семантической тесноты стихового ряда» классическими культурными ассоциациями.

Для того чтобы построить ведущую классическую модель поэтического текста, необходимо обратиться к его структурообразующим элементам, которые в их стереотипной модификации можно свести к объемной формуле следующего типа:

$$\begin{array}{c}
 [A(1n \cdot X... + k)O] \\
 \uparrow \qquad \qquad \qquad \downarrow \\
 [A(1n \cdot X... + k)O(P)] \\
 \uparrow \qquad \qquad \qquad \downarrow \\
 [A(1n \cdot X... + k)O(P)] \\
 \uparrow \qquad \qquad \qquad \downarrow \\
 [A(1n \cdot X... + k)O(P)]^{14} \\
 \uparrow \qquad \qquad \qquad \downarrow
 \end{array}$$

развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. С. 151–159.

⁴ Ильин И.П. Эпистемологическая неуверенность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М.: Интрада-ИНИОН, 1996. С. 290–293.

⁵ Кулаков В.Г. Поэзия бронзового века: принципы художественной типологии // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 188.

⁶ Там же.

⁷ Бирюков С. Зевгма. М.: Наука, 1994. С. 142–150.

⁸ Сигей С. Краткая история визуальной поэзии в России // Визуальная поэзия. Курск, 1997. С. 8.

⁹ Штейнер Е. Картины из письменных знаков // Индекс: Альманах по материалам рукописных журналов / Сост. М.Н. Ромм. М.: Гуманитарный фонд, 1990. С. 312.

¹⁰ Там же, С. 311–312.

¹¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.

¹² Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Поэтика. Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета / Сост. Б.А. Ланин. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1992. С. 6–7.

¹³ Ковалев П.А. Некоторые особенности ритмики четырехстопного ямба А.С. Пушкина в контексте эволюции русского стиха // Литературная Россия: от древности до современности. Орел: Изд-во Орловского государственного ун-та, 2001. С. 222–226.

¹⁴ А – анакруса, (1 n) – метроритмический ряд, начиная от первого ударного слога (1) и определенного количества следующих за ним безударных слогов (n), проецируемый определенное (• X...) количество раз вплоть до константы, (к) – константа, последний ударный слог в строке, (O) – клаузула, первоначально не мыслимая как рифменное созвучие (P), но возможно реализуемое как таковое после появления соотносимых стиховых рядов. Вектор (↓) означает моделирование сверху вниз, тогда как вектор (↑) ориентирует на предыдущий стиховой ряд.

Поступила в редакцию 27 января 2010 г.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская

ASSESSMENT AND EVALUATION IN ACADEMIC TEXTS ON HISTORY

A.P. Minjar-Beloroutcheva, A.V. Vestfalskaya

Рассматриваются средства выражения оценки в научных исторических текстах, которая является их неотъемлемым компонентом. Стремление историка быть объективным побуждает его прибегать не только к эксплицитной, но и имплицитной оценке изучаемого им объекта. Эксплицитная оценка проявляется посредством атрибутивных словосочетаний. Имплицитная оценка выражается с помощью разнообразных лингвистических и стилистических средств, не раскрывающих явного отношения историка к описываемому событию.

Ключевые слова: оценка, эксплицитная, имплицитная, текст, история, историк, события, личности, словосочетания, тропы, цитаты.

The article is devoted to the assessment and evaluation of academic texts on history. Assessment and evaluation are expressed explicitly and implicitly. Explicit assessment and evaluation are expressed through attributive word combinations. To express implicit assessment and evaluation historians use such stylistic devices as quotations, idioms, metaphor and analogy. Proper names of historic personalities are evaluative in themselves.

Keywords: assessment, explicit, implicit, texts, history, historian, events, personalities, word combinations, tropes, quotations.

В научных исторических произведениях, воздействующих на ум и чувства читателя, соединились наука и искусство. Способ и форма изложения исторического материала обусловлены самим предметом – историей. История, как известно, изучает развитие человеческого общества во всей его конкретности и многообразии, «как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности процесс»¹. Исторический процесс представляет собой цепь взаимосвязанных фактов, интерпретации которых обусловлены мировоззрением историков, поскольку история – наука об обществе, как любая социальная наука, не может быть беспристрастной к предмету своего исследования, и предполагает изучение общества с определенных идеологических позиций², неотъемлемым компонентом которых является оценка.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, докт. филол. наук, проф. кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ostvera@mail.ru

Вестфальская Анна Викторовна, преподаватель английского языка кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Соискатель кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, научный консультант – А.П. Миньяр-Белоручева.

Оценочный подход, раскрывающий значимость событий прошлого для современности, является одним из важнейших в исторической науке. В своей творческой лаборатории историк постоянно пользуется оценочными понятиями и суждениями, которые находят непосредственное выражение в языке. Связь прошлого и настоящего имеет причинно-следственный характер: прошлое всегда выступает причиной настоящего, а познание прошлого есть не что иное, как познание породивших настоящее следствий. Трактовка исторического прошлого с определенных идейных воззрений, стремление убедить читателя в правильности подхода применяемого автором научного исторического произведения приводят последнего к необходимости использовать в его трудах разнообразные экспрессивно-эмоционально-оценочные

Alla P. Minjar-Beloroutcheva, Doctor of Philology, professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty, Moscow State Lomonosov University. E-mail: ostvera@mail.ru

Anna V. Vestfalskaya, teacher of English of the Department of Foreign Languages of the History Faculty, Moscow State Lomonosov University. Chair post graduate of the Philological Faculty of Moscow State Lomonosov University. Scientific Supervisor – Alla P. Minjar-Beloroutcheva.

языковые средства. Оценка, будучи универсальной категорией, пронизывает все научные исторические произведения независимо от описываемых в них событий, личностей и эпох.

Исторические события и личности, относящиеся к далекому прошлому, стереотипно оцениваются историками определенных направлений. Так, одни историки считают, что битва при Гастингсе была «a strange battle»³, другие рассматривают ее как «a savage tussle»⁴, полагая, что завоевание Англии Вильгельмом Нормандским было не чем иным, как «a fearful gamble»⁵, а сам он был «a barbarous primitive man from a barbarous primitive country»⁶. Другие историки выражают свое восхищение герцогом Нормандский, который, находясь в чужой стране, совершил «a brilliant outflanking march»⁷, вошел в Лондон и тем самым проявил незаурядные военные способности, свой «military genius»⁸.

Однако за неоднозначной оценкой битвы при Гастингсе, решившей судьбу англо-саксонского королевства, стоит определенная мировоззренческая школа пронормандского или прогерманского направления, определяющая выбор оценочных словосочетаний авторами научных исторических произведений. Именно на этом уровне проявляется единство субъективного и объективного, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Все языковые средства оценки, используемые в научном историческом произведении, подчинены творческо-идейному замыслу историка, выдержаны в соответствии с его мировоззренческой концепцией и, следовательно, не считаются стилистически нерелевантными.

Следует подчеркнуть, что эстетические и нравственные оценки историка, обусловленные его идеологическими взглядами, положением в обществе, не всегда противоречат принципу объективности и часто реализуются в его рамках, тем самым определяя выбор лингвистических средств выражения оценки.

Событиям, относящимся к новейшей истории наиболее сложно дать объективную оценку, следовательно, историки и политологи, которые их исследуют, не отличаются категоричностью оценочных суждений. Особенно сложно дать однозначную оценку событиям, относящимся к холодной войне и всем личностям, связанным с ней, поскольку она завершилась только двадцать лет тому назад. Однако историки рассматривают эту странную войну, в результате которой удалось сохранить мир на планете в течение более сорока лет, как историческое событие и анализируют означенный феномен с разных точек зрения.

Поиск истины в вариативной истории не всегда позволяет исследователю давать эксплицитные оценки. Стремление историка быть объективным при изложении исторических событий или описании исторических личностей побуждает его прибегать не только к эксплицитной, но и имплицитной

оценке изучаемого им объекта. Эксплицитная оценка выражается в основном посредством атрибутивных словосочетаний. По силе сцепления своих компонентов атрибутивная связь является наиболее прочной и предоставляет историкам наибольшие возможности для выражения эксплицитной оценки исторических личностей, фактов и событий. Использование атрибутивных словосочетаний в стилистических целях предопределено их категориальными характеристиками⁹. Атрибутивные словосочетания делятся на нейтральные и стилистически окрашенные, которые в свою очередь подразделяются на положительные и отрицательные. К стилистически нейтральным относятся такие словосочетания, как *average man; entire generations; fundamental statement, political meetings, political leader, political systems, etc.*, которые приобретают отрицательную или положительную коннотацию в контексте конкретных научных исторических произведений. Среди маркированных атрибутивных словосочетаний выделяются положительно окрашенные: *successful leader, splendid episode, brilliant thinker, victorious army, excellent commander, free world, etc.* и отрицательно окрашенные, выражающие негативное отношение историка к историческому событию, явлению или личности: *apocalyptic rhetoric, barbarous, primitive country, ruthless suppression, etc.*, которые выражают не только субъективное отношение историка к определенному историческому событию или личности, но и официально принятую точку зрения.

Следует отметить, что при выявлении атрибутивных стилистически маркированных словосочетаний ученые предупреждают о необходимости «отличать экспрессивные качества речи, имеющие своим постоянным источником личные свойства и состояния говорящего или пишущего, от таких фактов языковой экспрессии, которые коренятся в общественной психологии и представляют собой проявление именно общественной реакции на принадлежащий данному обществу язык. Это важно потому, что в последнем случае экспрессивные качества речи становятся в сущности уже объективной принадлежностью самих фактов языка, переставая быть только свойствами носителей данного языка»¹⁰. Следовательно, такие атрибутивные словосочетания, как *predatory wars, obnoxious employers, intolerable conditions, etc.*, выражают не личную, а общественную точку зрения на определенное явление.

Однако оценка содержится не только в прилагательных, входящих в состав атрибутивных словосочетаний, но и в других частях речи, в семантике которых имеются оценочные компоненты, в частности в существительных, дающих наименование предметам, явлениям и действиям¹¹. Такие существительные, как *extremism, terrorism, witch-hunt, danger, atrocities, occupation; totalitarianism, dictators, autocrat, confrontation, fear, war* являются ингерентно отрицательными, и их употребление в

Лингвистика текста и поэтический дискурс

составе словосочетаний как лексических: witch-hunt, occupation forces, atom bomb; etc., так и атрибутивных: backward barbarian societies, disastrous nuclear war, disastrous military experience, permanent nuclear confrontation, etc. только усиливает негативную коннотацию всего словосочетания. Словосочетание «American imperialism», в состав которого входят нейтральное прилагательное «American» и существительное «imperialism», обозначающее политическое и экономическое господство одной страны над другими странами, которое ведет к непосредственному силовому вмешательству в жизнь последних и к их эксплуатации, не соотносится с понятием демократия, и, следовательно, не может рассматриваться как положительное в странах, позиционирующих себя как демократические. Словосочетание «empire by invitation», предложенное Гиром Ландестадом, оправдывающее участие США в делах Европы, за которым скрывался страх последней перед мощью СССР, с которым та не могла справиться в одиночку¹², несет отрицательный заряд, поскольку за этим стоит слабость старого континента. Следовательно, коннотативность того или иного словосочетания может также определяться и фоновыми знаниями.

Ингерентно положительные существительные полярно противоположны отрицательным, и их положительный заряд не менее силен. Словосочетания, в состав которых входят такие ингерентно положительные лексические единицы, как optimism, faith; truth; trust; honesty; hope; goals; dignity; tradition, несут положительную оценку: ancient tradition, universal truths, great dignity, etc. Однако если словосочетание состоит из трех компонентов, два из которых положительные, а один отрицательный, то последний оказывается доминирующим и все словосочетание приобретает отрицательный заряд, как это находим в словосочетании a total triumph of dictators.

Однако не только имена нарицательные могут быть оценочно маркированными. Имена собственные исторических личностей – антропонимы, уже сами по себе являются оценочными. Положительная или отрицательная оценка исторической личности обусловлена эпохой и мировоззрением историков, которые их употребляют. Типы великих правителей сами являются оценочными категориями. К таким именам относятся Roosevelt, Churchill, Kennedy, Stalin, Hitler, etc. Первые три имени ассоциируются с демократией и прогрессом, вторые – с тоталитаризмом и жестокостью.

Для усиления оценки исторической личности историк использует оценочные лексические единицы как положительные, так и отрицательные: Джон Кеннеди характеризуется как «the most overrated US president of the century»¹³; Н.С. Хрущев представлен в виде «pacifically-minded» «admirable rough diamond, a believer in reform and peaceful coexistence»¹⁴; сенатор Джозеф Маккарти изображается как «notorious», инициировавший «the

squalid and irrational frenzy of the anti-Red witch-hunt»¹⁵; Джордж Кеннан описывается как «an ideological crusader» of the Cold War¹⁶; Эдгар Гувер оценивается как «the virtually irremovable chief of the Federal Bureau of Investigations (FBI)»¹⁷; Джозефу Дэвису дается оценка «ubiquitous»¹⁸ etc. Сколько существует историков и исторических школ, столько существует и мнений, каждое из которых обусловленное и обоснованное имеет право на существование.

Имплицитная оценка того или иного события или личности – отличительная черта состоявшегося историка; она позволяет ему в последующем по-новому их оценить. В научных исторических текстах оценка, высказанная в цитатах относится к имплицитной и играет существенную роль. Разнообразие цитат и их место в композиции научного исторического произведения во многом обуславливает эмоционально-оценочное воздействия всего текста.

Цитаты, используемые в научных исторических текстах, представляют собой выдержки из летописей, правовых, финансовых и государственных документов, научных и художественных произведений, мемуаров, дневников, газет, официальных и частных писем, инаугурационных речей, военных депеш, статей и научных работ других историков, политологов, дипломатов. Одни цитаты органически входят в ткань научного исторического повествования, другие выносятся за главу и составляют отдельный раздел. Но в любом случае оценка, высказанная через цитату, звучит более убедительно и является более действенной, поскольку в ней содержится мнение третьих лиц, которое, по определению, является нейтральным, и, следовательно, истинным. Выражая недовольство США, а недовольство, как известно, несет отрицательный оценочный заряд, действиями Черчилля после Второй мировой войны, которого главным образом волновали национальные интересы Великобритании, автор приводит высказывания Джозефа Дэвиса, советника президента Трумена по делам СССР и адмирала Ли. Опираясь в оценке поведения Черчилля на цитаты двух выдающихся американцев, автор тем самым подчеркивает собственную объективность: «Whatever Churchill's greatness, in Davies' view he was «first, last, and all the time» a great Englishman, more interested in preserving England's position in Europe than in preserving the peace. Admiral Leahy, initially Roosevelt's, now Truman's chief of staff, confirmed that Davies' view was widely held by endorsing Davies' report: «This was consistent with our staff estimate of Churchill's attitude throughout the war»¹⁹.

Имплицитная оценка выражается с помощью разнообразных лингвистических и экстралингвистических средств, не раскрывающих явного отношения историка к описываемому событию. Одно из них – проведение исторических аналогий. Когда историк исходит из двух основных типов сравне-

ний – горизонтального и вертикального, при этом определяющей является тождественность оценки.

При горизонтальном сравнении ученый рассматривает события, которые параллельно происходили в одной или нескольких странах, или описывает исторические личности, жившие в одно и то же время, которые могут быть оценочно равновесными или полярно противоположными. Для того чтобы дать положительную оценку и показать все достоинства исторического деятеля, даже его героизм, историк идет от противного. Так, для описания американских политических деятелей начала холодной войны используется имплицитная оценка. Для того чтобы показать разницу между президентами Ф.Д. Рузвельтом и Г.С. Труменом, подчеркнуть значимость первого и тривиальность последнего, автор дифференцированно подходит к выполнению своей задачи. На первый план выносятся разное социальное происхождение двух президентов: «Roosevelt had been a member in good standing of the cosmopolitan Northeastern establishment; Truman came from the Midwestern rural middle class»²⁰, далее подчеркивается разница в их образовании: «Roosevelt had been educated at the best preparatory schools and universities; Truman had never gone beyond the secondary school level...»²¹. Несомненно, свободный от национальных предрассудков член северо-восточных правящих кругов Рузвельт, получивший образование в лучших подготовительных школах и университетах, приобретает больший вес в глазах читателей, чем Трумен, выходец из среднезападного деревенского среднего класса, который не поднялся выше уровня неполной средней школы. Демонстрируя непреодолимые различия двух президентов США, автор как бы невзначай ссылается на панегирическое высказывание госсекретаря Трумена Дина Ачесона, сыгравшего одну из ключевых ролей во времена холодной войны, о своем шефе: «... Dean Acheson was to say of him affectionately and admiringly that he was a Yale man in the best sense of the word»²². Это косвенное цитирование Дина Ачесона становится определяющим в оценке Трумена. Два положительно окрашенных оценочных наречия – «affectionately and admiringly» заставляют читателя впервые испытать симпатию к Трумену, хотя в последующем предложении, автор опять подвергает Трумена уничижению, играя на контрасте судьбоносного предназначения Рузвельта и случайного обретения поста президента США Труменом: «Roosevelt's entire life had been a preparation for the highest office; Truman was a product of the Kansas City political machine»²³. Трумен, который не был выбран Ф.Д. Рузвельтом изначально на должность вице-президента – «Selected as vice president only after Roosevelt's first choice, James Byrnes, was vetoed by the labor movement,» – неожиданно получает высокую оценку как выдающийся президент, в карьере которого не было даже намек на это: «Harry Truman gave little indi-

cation in his prior political career that he would turn out to be an extraordinary president»²⁴. В данном случае происходит эффект обманутого ожидания. Умалая достоинства Трумена, автор тем самым стремился повысить его оценку как исключительного президента, который, не имея реального внешнеполитического опыта и руководствуясь лишь неясными намеками, оставленными в наследие Рузвельтом, взялся за выполнение задачи по завершению Второй мировой войны и строительству нового международного порядка в условиях развала первоначальных планов, принятых в Тегеране и Ялте: «Without any real foreign policy experience and left equipped by Roosevelt with only the vaguest of road maps, Truman inherited the task of winding down the war and building a new international order even while the design established at Teheran and at Yalta was coming apart»²⁵. Таким образом, не давая явной оценки и сравнивая судьбы двух современников, облагораживая одного президента и уничижая другого, автору удалось непомерно возвысить последнего, показав его феноменальную способность стать во главе США.

Более того, историк не может ограничиться одним историческим событием или исторической личностью одного исторического периода. Ему необходимо установить их место в ряду подобных событий и героев на протяжении всего развития человеческого общества.

При вертикальном (темпоральном) сравнении историк стремится найти аналогии описываемых им событий в предшествующих или в последующих веках. Для того чтобы американцы могли понять, насколько катастрофической была ситуация в мире во время холодной войны, ученый сравнивает холодную войну XX века с Гражданской войной США XIX века, поскольку у народа каждой страны имеются универсальные оценочные стереотипы относительно определенных исторических событий, которые помогают им оценить новые:

«For all its dangers, atrocities, costs, distractions, and moral compromises, the Cold War – like the American Civil War – was a necessary contest that settled fundamental issues once and for all»²⁶.

При смешанном горизонтально-вертикальном сравнении параллели проводятся между событиями или историческими личностями, происходившими или жившими в разных странах и веках. Так, для того, чтобы показать превосходство крупных государств XX в. над империями предшествующих веков, историк приводит плеяду блестящих исторических имен, которые сам же и низводит с пьедестала, поскольку их достижения, по его мнению, меркнут по сравнению с современными. Благодаря антропонимам и топонимам в одном предложении исследователю удается охватить почти всю историю европейской цивилизации, используя негативную оценку при проведении данного типа аналогии: «In comparison with the World States of modern times, the empire of Alexander or the orbis

Лингвистика текста и поэтический дискурс

terratum of Rome, the conquests of Ghengis Khan or of Napoleon, pale into insignificance. It is evident that these vast imperial States of the twentieth century could not have been consolidated if the old ideals of politics had been adhered to»²⁷. Так, для усиления негативной оценки историк использует собственно идиому «pale into insignificance».

Историки, стремясь вывести тип исторического события или исторической личности, проводят аналогии, располагая в линейной последовательности разделенные веками события и личности, имеющие равноценный оценочный заряд, что делает весь исторический текст многомерным и расширяет изначально заявленные хронологические рамки. В зависимости от того, с какой исторической личностью или историческим событием сравнивает историк объект своего исследования, можно определить его отношение к этому лицу или событию. Сравнение с выведенными в истории типами тиранов является одной из самых негативных оценок, данных учеными какому-либо историческому деятелю.

В предложениях: «Henry VIII was a tyrannical monster. His rule echoed Caligula's and prefigured that of Hitler or Stalin»²⁸ помимо эксплицитной оценки Генриха VIII как «деспотичного тирана», дается также и имплицитная оценка посредством введения имен собственных тиранов, прославившихся своей жесткостью. Сравнивая Генриха VIII, с одной стороны, с Калигулой, который предшествовал ему, и, с другой стороны, с Гитлером и Сталиным, жившими через четыреста лет после него, историк замыкает круг и одновременно создает исторический тип кровавого монстра.

Следовательно, имплицитная оценка выражается не только посредством аналогий. Весь арсенал стилистических средств используется историками для создания эффекта объективности. К ним относятся идиомы, представляющие собой устойчивый, семантически неразложимый комплекс, воспроизводимый в речи в готовом виде. Этими коммуникативно целостными единицами в равной степени владеют и автор, и читатель. Собственно идиомы характеризуются образностью, метафоричностью, эмоциональной насыщенностью, стилистической окрашенностью. В научных исторических произведениях функционируют как собственно идиомы, так и деформированные. Как показал материал исследования, деформирование идиом в научных исторических произведениях происходит в том случае, если историку необходимо усилить эмоционально-экспрессивно-оценочное воздействие на читателя. Собственно идиома «to loose ground», означающая «сдавать свои позиции» несет негативную оценку, которую усиливает ее грамматическое деформирование, например: «West felt itself to be losing ground to the communist economies, which had grown faster than its own in the 1950s»²⁹.

Собственно идиомы, деформированные за счет введения в них дополнительных элементов,

позволяют поверить в искренность намерений двух сторон. Так, собственно идиома «bury the hatchet of war», означающая «заклучить мир, сложить оружие», деформированная за счет введения дополнительного слова «old» в предложении: «France and (West) Germany buried the old hatchet after 1947 not because Franco-Germany conflict had become unthinkable – French governments thought about it all the time – but because their common membership of the US camp and the hegemony of Washington over western Europe would not allow Germany to get out of hand»³⁰ несет положительный заряд, подчеркивая желание Франции и Германии положить конец вековой вражде, что произошло и длится уже более пятидесяти лет.

Метафора не только придает выразительность и красочность научному историческому произведению, в ней заложена оценочная коннотация, благодаря которой к историческому событию или личности привлекается внимание читателя. Яркие образы, которые порождает метафора, ставя свою оценочную печать на историческое событие или личность, позволяют читателю лучше их осознать и оценить. Так, в предложениях: «Forty years of fear and suspicion, of the sowing and harvesting of military-industrial dragons' teeth, could not be so easily reversed. The wheels of the war-making machine services went on turning on both sides»³¹ читатель постигает всю опасность холодной войны благодаря метафорам: «the sowing and harvesting of military-industrial dragons' teeth», «The wheels of the war-making machine».

Метафора как способ оценки исторических событий или личностей познания действительности играет особую роль в научных исторических текстах, так как способствует выработке определенного мнения относительно описываемого. В отличие от политических текстов, в которых использование метафор является признаком «кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, ...когда в обществе происходит смена парадигмы общественного сознания»³², метафоры, функционирующие в научных исторических текстах, закрепляют за историческими событиями и личностями определенные оценки, которые сложно изменить, что подчеркивает необратимость свершившегося.

Итак, обращаясь к различным экспрессивно-эмоционально-оценочным лингвистическим средствам, историк всегда преследует вполне определенную цель – быть как можно более убедительным и максимально воздействовать на своего читателя, пробудить в нем чувство сопричастности и единства с автором строк.

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. С. 578.

² Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 19.

- ³ Lindsay J. The Normans and Their World. London, 1974. P. 224.
⁴ Linklater E. The Conquest of England. New York, 1966. P. 217.
⁵ Lindsay J. Op. cit. P. 124.
⁶ Howarth D. 1066. The Year of Conquest. London, 1977. P. 66.
⁷ Morton A. A Peoples History of England. London, 1984. P. 59.
⁸ Ibidem.
⁹ Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
¹⁰ Винокур Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925. С. 17.
¹¹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006. С. 5.
¹² Roberts P. The Cold War. Stroud, Gloucestershire, 2000. P. 17.
¹³ Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London, 2004. P. 242.

- ¹⁴ Ibidem.
¹⁵ Ibid. P. 235.
¹⁶ Ibid. P. 234.
¹⁷ Ibidem.
¹⁸ Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994. P. 433.
¹⁹ Kissinger H. Op. cit. P. 431.
²⁰ Ibid. P. 424.
²¹ Ibidem.
²² Ibidem.
²³ Ibidem.
²⁴ Ibidem.
²⁵ Ibidem.
²⁶ Gaddis J.L. The Cold War. London, 2005. P. ix.
²⁷ Wallace W. Thirty Years of Modern History. London, 1926. P. 80.
²⁸ English World. Ed. by R. Blake. London, 1982. P. 93.
²⁹ Hobsbawm E. Op. cit. P. 242.
³⁰ Ibid. P. 252.
³¹ Ibid. P. 251.
³² Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // Полис, 2004, №3.

Поступила в редакцию 7 декабря 2009 г.

ЧАСТОТА СЛОВА В ТЕКСТЕ И ШТРИХИ К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

М.Ю. Мухин

LEXICAL FREQUENCY AND SOME IDEAS ON THE CONCEPTUAL SYSTEM OF MIKHAIL SHOLOKHOV

M.Yu. Mukhin

Рассматривается попытка формализованного построения концептуальной системы автора художественного текста на основании лексической частотности и последующего идеографического анализа. Концептуальная система М. Шолохова представлена как набор денотативных сфер, выраженных в его текстах в большей степени, чем у современных ему прозаиков. Наиболее важным сферам дан необходимый филологический комментарий.

Ключевые слова: *идиостиль, концептуальная система, частотный анализ, идеографический анализ, М. Шолохов.*

The author makes an attempt to consider the formalized structure of the conceptual system of fiction writers based on word frequency and further ideographic analysis. Thus M. Sholokhov's conceptual structure is presented as a set of denotative spheres expressed in his works to a greater extent than that in the works of contemporary writers. The most important spheres are provided with the necessary linguistic commentary.

Keywords: *individual style, conceptual system, statistical analysis, ideographic analysis, M. Sholokhov.*

Дискуссия об авторстве романа «Тихий Дон» и других шолоховских произведений явилась причиной того, что они стали частым объектом применения количественных методов. При этом узкая задача атрибутирования текста далеко не всегда предполагает исследование стилистических и концептуальных особенностей. Некоторые модели определения авторства привлекают, например, графематический уровень¹, что вовсе не снижает их прагматическую эффективность. Для идиостилювого анализа, однако, они малопродуктивны, если только речь не идет о фоносемантике. Конечно, применимость статистики в плане изучения идиостилей гораздо шире атрибуции текста. В разное время количественные методы при анализе текста использовали, например, В.С. Баевский, М.Л. Гаспаров, А.П. Журавлев, Ю.Н. Караулов, А.Н. Колмогоров, А.Я. Шайкевич и многие др., изучавшие грамматические и семантические аспекты текста, звуко-буквенные ассоциации, модели стихотворного ритма и рифмы, тематическую структуру художественных текстов и даже структуру литературной ситуации². Элементы автоматического анализа и статистики применяют в таком случае для ускорения работы с большим объемом материала, при стилевом сопоставлении и

т.д., но их использование подчиняется основной филологической задаче.

Поиск методов формализованного выявления индивидуально-авторских особенностей текста приводит, в частности, к вопросу о том, насколько набор самых частотных слов неанонимного произведения может характеризовать идиостиль автора, отличать его от других. Заметим, что существуют слова, которые часто употребляются практически в любом художественном тексте и у любого автора (*быть, говорить, надо, человек, время, место* и др.). Их частота не связана с особенностями конкретного идиостиля, поэтому для выделения набора индивидуально-авторских слов предложим идею сопоставительной выборки материала, предполагающей привлечение текстов других авторов.

Следует сразу сказать, что это исследование отличается методологическим направлением от работ по атрибуции текста. В нем поддерживается традиционная точка зрения на авторство М. Шолохова³; во всяком случае, мы будем здесь исходить из того, что у привлекаемых для анализа произведений «Тихий Дон» (и всех его частей), «Поднятая целина», «Они сражались за Родину» и «Судьба человека»⁴ автор один. Аргументированной и доказанной концепции другого на-

Мухин Михаил Юрьевич, канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург). E-mail: mfly@sky.ru

Mikhail Yu. Mukhin, candidate of philological sciences, the senior lecturer of the Chair of Modern Russian Language, The Ural State University (Yekaterinburg). E-mail: mfly@sky.ru

званного автора обсуждаемых текстов сегодня не существует. За громкой дискуссией о шолоховском авторстве, за понятными биографо-социологическими вопросами часто остаются в тени индивидуальные особенности творчества. Есть и еще одна причина, по которой филологи сегодня реже обращаются к творчеству Шолохова, – общее падение интереса к литературе, получившей официальное признание в советский период. Поэтому, несмотря на публикации шолоховских сборников и библиографических указателей, издание «Словаря языка Михаила Шолохова»⁵, подготовку энциклопедии⁶, сегодня рано говорить, что идиостиль Шолохова всесторонне изучен. Между тем направления системного исследования концептуальной системы автора можно выстроить на базе корпуса контекстов частотной лексики.

торских» слов и получим иерархию денотативных сфер, характерную для Михаила Шолохова.

Каждое словоупотребление приписано к той или иной сфере (у Шолохова представлено 25) и далее идеографической группе⁸. В случаях пересечения семантики классов со словом соотнесены 2 (иногда 3) маркера. Так, характерное для Шолохова слово *курень* в разных контекстах означает и строение, и помещение, и проживающую в нем семью: *плотники срубили курень*; *Коршуновский просторный курень*; *провела мелеховский курень другая беда* и т.п. Разрядкой здесь и далее выделяются частотные слова, из-за которых весь контекст попадает в рассмотрение.

Шолоховскую иерархию денотативных сфер по убыванию значимости можно представить в виде таблицы.

Иерархия денотативных сфер по убыванию значимости

Сфера	%	Сфера	%	Сфера	%
1. Военная служба	22,54	10. Социальные отношения	3,55	19. Строительство, здание	2,31
2. Человек как живое существо	14,26	11. Техника, производство	3,4	20. Предмет	1,54
3. Движение, перемещение, помещение	5,65	12. Физическое воздействие	2,77	21. Родственные и семейные отношения	1,44
4. Населенный пункт	4,81	13. Живая природа	2,75	22. Интеллект	0,88
5. Эмоции	4,24	14. Время	2,65	23. Форма	0,81
6. Сельское хозяйство	4	15. Неживая природа	2,63	24. Количество	0,51
7. Оценка	3,94	16. Речь	2,63	25. Материя и вещество	0,24
8. Восприятие органами чувств	3,76	17. Пространство	2,52		
9. Быт	3,71	18. Универсальные представления, смыслы, отношения	2,42		

Рассмотрим перечисленные произведения Шолохова в сопоставлении с корпусом 12 текстов его современников (М. Булгакова, В. Набокова и А. Платонова)⁷. Каждый текст представлен тысячей самых частотных знаменательных лексем, и эти наборы слов сопоставлены. Отражающими идиостиль автора признаны слова, попадающие в пик частотности двух и более его произведений и не более чем одного произведения другого писателя. Вот шолоховский список слов: *казак, хутор, полк, дед, зараз, станица, бык, фронт, казачий, крыльцо, парень, седло, рубаха, дивизия, шапка, курень, дюже, кинуть, бугор, окоп, подвода, выстрел, сено, батарея, выезжать, забирать, амбар, махнуть, плеть, юбка* и т.п. (всего 197 в 21314 контекстах). Даже без контекстологического анализа очевидно, что уже этот набор лексем отражает идиостилевые особенности.

О концептуальной системе писателя можно судить по индивидуальному набору фрагментов действительности, отраженному в его произведениях. Для выявления этого набора проведем идеографический анализ контекстных значений «ав-

Интерпретация этого списка также должна производиться в сопоставлении с творчеством других писателей. В самом деле, доля контекстов, отнесенных к сфере «Физическое воздействие», у Шолохова невелика: 2,77 %. Однако у прочих авторов – менее процента. С другой стороны, сфера «Эмоции» у Шолохова занимает вроде бы много контекстов (более 4 %), зато у Платонова – более 11 %.

Исходя их сопоставления с текстами других авторов представим денотативную иерархию Михаила Шолохова в виде поля:

1) ядерные сферы, в которых Шолохов лидирует (в сопоставлении с другими писателями): «Военная служба», «Человек как живое существо», «Движение, перемещение, помещение», «Населенный пункт», «Сельское хозяйство», «Физическое воздействие», «Живая природа», «Родственные и семейные отношения»;

2) сферы ближайшей периферии (в которых Шолохов уступает одному из других авторов): «Быт», «Речь», «Техника, производство» и др.;

3) сферы дальнейшей периферии: «Оценка», «Интеллект», «Форма» и др.;

4) вообще не реализованные количественно сферы-лакуны: «Сверхъестественное», «Искусство», «Развлечение», «Сфера обслуживания», «Наука и образование».

Последующий филологический анализ с привлечением конкретных лексических контекстов позволяет интерпретировать эту информацию. Например, из того, что Шолохов и Набоков лидируют в сфере «Движение, перемещение, помещение», конечно, не следует, что они пользуются одинаковыми языковыми средствами и текстовые функции этой сферы у писателей совпадают. Комментарий к ядерным сферам позволяет набросать «штрихи» к концептуальной системе Михаила Шолохова, заявленные в названии статьи.

Сфера «**Военная служба**». Сюжет трех из четырех рассматриваемых шолоховских произведений напрямую связан с военными действиями; в романе «Поднятая целина» военная тематика также присутствует. Ярко представлены в текстах Шолохова идеографические группы «Боеприпасы» (*бомба, осколок, патрон, снаряд*), «Место военных действий» (*окоп, позиция, тыл, участок, фланг, фронт*), «Одежда» (*гимнастерка, мундир, ремень*), «Оружие» (*автомат, артиллерийский, наган, пулеметный, шашка, штык*), «Подразделение» (*батарея, дивизия, пехота, полк, рота*), «Процесс и результат военных действий» (*атака, боевой, воевать, знать, лезть, наступление* и многие др.), «Военная техника» (*самолет, танк*), «Человек» (*автоматчик, есаул, казачий, майор, пленный, полковник, пулеметчик, солдатский, фриц, штыки* — последнее о количестве людей в подразделении). Иными словами, рассматриваемая сфера реализовалась в текстах М. Шолохова подробнейшим образом. Встречаемость слов таких приоритетных для автора групп абсолютно интенциональна, т. е. отражает сознательную авторскую установку на отражение именно этого фрагмента действительности в своем произведении. Такие показатели составляющих концептуальной системы никак нельзя отнести к «фоновым», проявляемым бессознательно. Военная лексика является ведущей, базовой для индивидуально-авторской составляющей шолоховских произведений. В то же время роль таких сюжетно обусловленных сфер слишком очевидна, и ее констатация мало что добавляет к уже существующим читательским и филологическим представлениям.

Сфера «**Человек как живое существо**» занимает более 14 % шолоховских контекстов. В романах Шолохова преобладают слова, непосредственно называющие человека: *казак, казачий, дед* (в смысле возраста, а не родства), *парень, бабий, мужской*. Несколько слов употребляются исключительно как разговорные обращения (*братец, браток, мамаша, сынок*), и их количество обусловлено долей диалогов, внешней речи персонажей — простых людей.

«Части тела» — группа лексических универсалий текста. Поэтому частотность таких слов, как *рука, нога, голова*, не является идиостилевой чертой. Другое дело — *ноздри*, как в шолоховских романах (около 90 словоупотреблений): *В ноздри его ударил тяжелый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, золистым духом жженой травы* (ЗР); *В ноздри Нагульнову ударил теплый запах жилья и свежих хмелин* (ПЦ); *Запах недалекой воды ударил ей в ноздри; ...хмелем невыбродившим бьет в ноздри острый сладковатый бабий пот; Запах ладана, плесени и гнили, запах старого неопрятного человека густо ударил ему в ноздри* (ТД). Сильный, «ударяющий» запах пота, табака, мыла, ружейного масла, спирта, лука, сырой земли, лекарств и т.д. вызывает резкую реакцию персонажей и по своему натурализует действие. Как пишет С.Г. Семенова, «зрительная фиксация мира у Шолохова значительно расширяется за счет всех человеческих рецепторов: и слуха... и тех чувственных показаний, которые дают в прямом контакте с предметом самые животнo-непосредственные органы чувств: вкус, осязание, но особенно — *обоняние*»⁹. Сенсорические впечатления Шолохова по характеру бытовые, физиологичные, натуралистичные.

Кроме того, шолоховские герои (чаще мужчины) постоянно «раздувают ноздри», «шевелют ноздрями», «дрожат ноздрями» и т.п., переживая сильные эмоции: *Вот как надо их бить! — сказал он, раздувая побелевшие ноздри, уже не скрывая своего торжества* (ЗР); *Раздувая ноздри, она по-мужски грубо воскликнула низким, рвущимся голосом...* (ПЦ); *Но широкие ноздри красноармейца зашевелились, взгляд непримиримо скользил по Григорию...; Гад! — вполголоса сказал Иван Алексеевич и коротко подрожжал ноздрями* (ТД). Жестовый характер (и как бы намеренность движения ноздрями) подчеркивается не совсем типичным употреблением глагола совершенного вида *раздуть*: *Макар раздул ноздри, подмигнул Разметнову; Нагульнов раздул ноздри* (ПЦ).

Лексические группы сферы «**Населенный пункт и административные единицы**» имеют вполне конкретную семантику и очень важны для выражения пространственных отношений в различных художественных текстах. В произведениях Шолохова находим огромное количество словоупотреблений, обозначающих административно-территориальные единицы (*округ, область, участок*) в соответствующем значении (*Старо-Ивановский, тавричанский участок*), а также населенные пункты и их части (*хутор, станица, проулок, хуторской*). Они составляют почти 5 % от всех контекстов (у прочих писателей — в районе одного процента). Слово *хутор* попадает в частотный список всех рассматриваемых произведений. Сфера «Населенный пункт и административные единицы» необходима для географического

оформления таких масштабных текстов, какими являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Рассматриваемые слова выступают в конкретных прямых значениях, делая повествование реалистичным и историко-географически достоверным.

Сфера «**Движение, перемещение, помещение**». Исходя из количественного фактора решено было объединить в эту сферу три частных группы слов конкретной физической деятельности¹⁰. Для шолоховских произведений характерна в первую очередь лексика собственно движения и перемещения (*гнать, возить, выезжать, махнуть, переправляться, тянуться, сворачивать* и т.п.). Ее частотность – следствие динамичного эпического повествования, отражающего постоянное перемещение большого количества людей. «Шолоховские глаголы, – констатирует С. Г. Семенова, – лепят мир людей, не созерцающих или отвлеченно размышляющих, а действующих постоянно – от физической работы и военного дела до немедленного воплощения в реальный жест порывов и чувств»¹¹. Соотнесенность военной службы, сельского хозяйства, трудовой деятельности с движением действительно вполне естественна: *Потому вдоль пробороздишь, а потом вывернешь плуг и гонишь пятнадцать сажень порожнем; Навоз идите возить на огороды* (ПЦ); *Взвод за взводом выехали на дорогу* (ТД). Типична для Шолохова и связь движения и выражения различных эмоций: *Морщась, Григорий уронил [убитого] утенка, злобно махнул косою* (ТД); *[Давыдов] шел широкими шагами, а навстречу ему уже тянули сь руки и светились улыбками дочерна сожженные солнцем лица мужчин и матово-смуглые, тронутые легким загаром лица девушек и женщин* (ПЦ).

В отличие от произведений Шолохова, реализацию данной сферы в текстах Владимира Набокова характеризует внимание к частным видам движений и эмоционально-психологической подоплеке физических действий. Это внимание, конечно, противопоставлено буквальному словоупотреблению и, следовательно, преобладающей прямой функциональности движения и перемещения в эпосе Михаила Шолохова.

Сфера «**Сельское хозяйство**». 4 % в среднем – объем сферы в произведениях Шолохова, но основную часть этих контекстов «поставляет» роман «Поднятая целина». Частотность слов сельскохозяйственной тематики (*бык, овца, сено, участок, амбар, гумно, конюшня, возжжа, гнать* (быков, плуги), *распахивать, арба, подвода, трактор*) однозначно обусловлена сюжетами текстов самых крупных шолоховских произведений. Рассматриваемая сфера создает необходимый фон для основного романного действия.

Сфера «**Физическое воздействие**». При анализе контекстов выделились следующие частные группы сферы: «Обработка объекта», «Давление», «Прикосновение», «Отрицательное воздействие»,

«Лишение жизни». Шолохов – лидер в этой категории (2,77 %), так как существенная часть лексики, представляющей сферу, – глаголы отрицательного воздействия и лишения жизни: *рубить, побивать, расстреливать, ранить, сбивать* (например, с лошади) и т. п. У прочих авторов такие глаголы не попадают в число частотных, несмотря на актуальность идеи убийства в романах В. Набокова («Король, дама, валет» и «Камера обскура») или А. Платонова («Чевенгур»). Сцены убийства есть и в романах М. Булгакова.

Сфера «**Живая природа**». Группы «Животное», «Растение», «Признак живого существа», «Процесс, связанный с живым существом» пересекаются в произведениях Шолохова с рубрикой «Сельское хозяйство», так как речь постоянно идет о сельскохозяйственных и ездовых животных (*бык, жеребец, кобыла, овца*), частях тела животного (*копыто, хвост, ноздря*), процессах (*кормить, жевать*). Из растений наиболее часто упоминаются *тополь* и *бурьян*. Картина, которую создают перечисленные слова, не совпадает с читательским представлением о том внимании, которое уделяет М. Шолохов миру природы. Например, Г.С. Ермолаев пишет: «В целом ряде значительных пейзажных описаний, связанных с войной, особо подчеркивается в природе не борьба, а красота и изобилие жизненных сил в ней...»¹². Почему у Шолохова, склонного к подробным эстетизированным описаниям природы, в этой категории оказываются столь «прозаичные» слова? Наши рассуждения строятся на критерии лексической и – далее – семантической частотности. Следовательно, или в своих описаниях природы писатель использует слова, употребляемые многими авторами, или же сами эти описания уступают по значимости другим смысловым категориям. Вероятно, оба эти объяснения справедливы. В итоге, если судить по частоте слов и значений, в концептуальной системе Шолохова на первом месте оказывается все же «борьба», т. е. (в наших терминах) «Военная служба», «Физическое воздействие», «Движение».

Сфера «**Родственные и семейные отношения**». Основные слова, обозначающие родство, попадают в общий фонд, поэтому эта рубрика в плане отражения любого идиостилия, наверно, всегда будет выглядеть бедно. Шолоховские слова сферы занимают 1,44 %: *детшки, сынок, мамаша* (в знач. «мать»), *дед* (практически не встречается в знач. «отец отца или матери»), поэтому в основном попадает не в эту рубрику), *курень* (в знач. «семья»): *В куренях лишь шла скрытая, иногда прорывавшаяся наружу, семейная междоусобица: старики не ладили с фронтовиками; В коршуновском курене предсвадебная суэта* (ТД). Очевидно, что попали они в список вследствие «этнографичности» (*курень*) или сниженности, т. е. точного отражения речи простого человека: *У меня три сына и зять на фронте, а четвертого, млад-*

шего сына, убили в Севастополе-городе, понял? (ЗР); Отец помер от воспаления нутра, мамаша с сеструшкой там (ПЦ); Почти все с хутора выехали, а я с детишками сию, как дура! (ТД).

Итак, влияние сюжетов произведений на распределение денотативных сфер проявляется у М. Шолохова сильнее, чем у других авторов. Наиболее очевидно оно для базовых сфер «Военная служба» и «Сельское хозяйство», не просто составляющих фон жизни персонажей, а отражающих саму эту жизнь. С рубрикой «Сельское хозяйство» связано и употребление многих слов сферы «Живая природа». Динамичное повествование, характерное для шолоховского эпоса, выражается в значительном преобладании лексики конкретного физического действия. Для Шолохова характерно доминантное сенсорическое мировосприятие. Его сенсорические впечатления по характеру бытовые и натуралистичные. Причиной актуальности сферы «Населенный пункт» является историко-географическая реалистичность шолоховских текстов. Стремление к достоверности изображения человека проявляется, в частности, в разговорности слов, которые употребляются в функции обращений.

Концептуальная система Михаила Шолохова характеризуется следующими параметрами: приоритетность отображения конкретно-физических процессов; стремление к историко-географической реалистичности и выраженный этнографизм; интерес к описанию военных действий и быта; натуралистичность и сенсорические черты авторской картины мира. В центре внимания писателя физическая сторона человеческой жизни, бытовые особенности, исследование казачества как особого этноса, обращенность человека к миру природы, констатация перемещения большого количества людей, подробная характеристика военных действий – в общем, тесно переплетенные физиологические и социальные аспекты человеческого бытия.

Эти чисто филологические заключения сделаны на основании первичной количественной обработки лексики и сопоставления с другими авторами. Идеографический анализ индивидуально-авторского набора слов позволяет систематизированно представить концептуальную систему авто-

ра в виде уникального ряда денотативных приоритетов и задать направления для дальнейшей филологической интерпретации.

¹ Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Хмелев Д.В. Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/grco_r.htm

² См.: Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Яз. славян. культуры, 2001. С. 218–225.

³ Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество = Michail Sholokhov and his art. СПб.: Акад. проект, 2000; Кузнецов Ф.Ф. «Тихий дон»: судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005; Хьетсо Г., Густавссон С. и др. Кто написал «Тихий Дон»? М.: Книга, 1989 и др. источники.

⁴ Далее в работе применяются сокращенные названия произведений: «Тихий Дон» (ТД), «Поднятая целина» (ПЦ), «Они сражались за Родину» (ЗР) и «Судьба человека» (СЧ).

⁵ Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005.

⁶ Фонд «Шолоховская энциклопедия». URL: <http://www.sholohov.su/> (дата обращения: 10.11.2009).

⁷ Всего в сопоставляемых текстах около 1,5 млн словоупотреблений, из которых шолоховская часть составляет почти половину – 687981 слово.

⁸ Выявление лексических классов осуществлялось с опорой на идеографические словари, вышедшие под редакцией проф. Л.Г. Бабенко: Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005; Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007; Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

⁹ Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 96.

¹⁰ Детальная классификация лексико-семантических групп русских глаголов представлена в Большом толковом словаре русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

¹¹ Семенова С.Г. Цит. соч. С. 91.

¹² Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество = Michail Sholokhov and his art. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 96.

Поступила в редакцию 15 марта 2010 г.

РЕЧЕВОЙ ПОСТУПОК И РЕЧЕВОЙ АКТ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ» НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»

М.В. Ползунова

A COMMUNICATIVE ACT AND A SPEECH ACT IN THE STRUCTURE OF THE SPEECH GENRE «UNREQUITED LOVE» IN JOHN GALSWORTHY'S NOVEL «THE FORSYTE SAGA»

M.V. Polzunova

Исследуется различие в интерпретации дискурса, которое выявляется из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка. При анализе дискурса в теории речевых актов используется классификация Джона Серля, а при интерпретации дискурса с точки зрения речевых поступков – классификация, предложенная И.Н. Борисовой.

Ключевые слова: речевой акт, речевой поступок, дискурс, теория речевых актов.

The article is devoted to the research of distinction in a discourse interpretation which comes to light from the comparison of a descriptive potential of a speech act and a communicative act. Discourse analysis along the lines of the theory of speech acts uses Searle's classification. The classification offered by I. N. Borisova is applied to discourse interpretation from the point of view of a communicative act.

Keywords: communicative act, speech act, discourse, the theory of communicative act.

Последнее время проблеме описания дискурса уделяется большое внимание. Дискурс анализируется и интерпретируется с различных сторон. Так, например, социопрагматическое описание дискурса – это рассмотрение дискурса в терминах речевых актов и речевых событий, а также анализ собственно языковых его свойств и релевантных экстралингвистических факторов.

И.Н. Борисова¹ считает, что речевое поведение в структурном плане можно рассматривать как линейную синтагматическую последовательность речевых поступков. По ее мнению, свойства речевого поведения характеризуют и каждый отдельный речевой поступок.

Единственной функционально ориентированной теорией, способной в лингвистике конкурировать с концепцией речевого поведения, является теория речевых актов. Однако анализ разговорного материала показывает ее недостаточную объяснительную силу, так как, по мнению М.Л. Макарова² и Д. Франка³, речевой акт – это лишь потенциальная единица речевого общения, не учитывающая ситуативный и социальный контекст текущего

коммуникативного события, полифункциональность речевого поступка.

Критикуя игнорирование коммуникативной функции В. Гумбольдом и фоссерианцами, М.М. Бахтин писал, что у них «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без необходимого отношения к другим участникам речевого общения. Если роль другого и учитывается, то как роль слушателя, который только пассивно понимает говорящего». По мнению М.М. Бахтина, любой поступок, в том числе и речевой, есть, с одной стороны, глубоко личностный единичный акт сознания, а с другой – акт деятельности, помещенный в современный ему контекст культуры и социальной жизни. Поступок – это единство «между содержанием-смыслом данного акта деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительно единственной переживаемостью».

Мы разделяем точку зрения И.Н. Борисовой, что изъятый из контекста речевой поступок не может быть однозначно интерпретирован, поскольку его коммуникативный смысл интересубъектен, он опре-

Ползунова Марина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ОТИ НИЯУ МИФИ (Озерский технологический институт – филиал НИЯУ МИФИ).

Marina V. Polzunova – Candidate of Philological Science, Assistant Professor at Foreign Languages Department of Ozersk Technological Institute – branch of the National Research Nuclear University “MEPhI”.

Лингвистика текста и поэтический дискурс

деляется не только иллюкуцией высказывания, но всем контекстом и жанром коммуникативного события: мотивирующими состояниями участников общения, их коммуникативными целями и способами их языкового воплощения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что речевой поступок **контекстуален**. Понятия речевого поступка и речевого акта являются различными способами описания речевых действий и по объему и степени абстракции не совпадают: смысл речевого поступка психологичен и межсубъектен, речевой поступок конкретно адресован и контекстуален. Иллюкутивная сила речевого акта не всегда совпадает с интересубъектным коммуникативным смыслом речевого поступка в конкретной интеракции, поскольку сущность общения состоит не в одностороннем взаимодействии говорящего и слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух личностей.

Проиллюстрируем различие в интерпретации дискурса, выявляющееся из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка на примере диалога, взятого из произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах». При анализе дискурса в теории речевых актов будем опираться на классификацию Дж. Серля, в которой он выделяет речевые акты на основе их иллюкутивной силы (репрезентативы, рогативы, комиссивы, директивы). А при интерпретации дискурса с точки зрения речевых поступков воспользуемся типологией речевых поступков, предложенной И.Н. Борисовой.

Проанализируем фрагмент № 2, где собственно и происходит диалог между Сомсом и Ирэн. Сначала рассмотрим реплики Ирэн. Исследовать данный фрагмент будем по следующим критериям: по иллюкутивной силе в теории речевых актов; а далее в теории речевого поведения: по прагматическому смыслу; по коммуникативному смыслу; по количеству выражаемых функций; по месту в интеракции (иницирующие или реактивные); по обязательности перлюкутивного эффекта (облигаторно вынуждающие и факультативно вынуждающие); по типу согласования в интеракции (гармонизирующие и дисгармонизирующие); по степени выраженности экспрессивной функции (экспрессивно нейтральные и экспрессивно маркированные); в конструктивном отношении (композитивные, сложные и некомпозитивные, простые); по функционально-прагматической классификации на основании коммуникативного смысла.

1. *You!* 1) экспрессив; 2) эмоционально-оценочный; 3) выражение удивления по поводу появления непрошеного гостя; 4) монофункциональный речевой поступок; 5) эмоционально-экспрессивная функция, которая в данном контексте выражается в нейтральной окраске интенции; 6) иницирующий; 7) облигаторно вынуждающий; 8) дисгармонизирующий; 9) некомпозитивный, простой; 10) экспрессив-эмотив (в данном случае выражение антипатии).

3. *Thank you. Will you sit down?* 1) репрезентатив + рогатив; 2) проявление вежливости в социально регламентированной этикетной ситуации; 3) полифункциональный речевой поступок, так как представляет собой последовательность из двух монофункциональных речевых поступков: экспрессив-социатив (выражение благодарности) + волюнтив-директив (побуждение к действию). 4) интегральная функция реплики-высказывания как цепочки речевых поступков – интенциональная; 5) реактивный; 6) факультативно вынуждающий; 7) гармонизирующий, простой; 8) экспрессивно-нейтральный; 9) некомпозитивный; 10) экспрессив-социатив.

5. *No? What have you come for?* 1) рогатив+рогатив; 2) подтвердить наличие контакта и выяснить причину появления непрошеного гостя; 3) монофункциональный, выражает интенциональную функцию; 4) иницирующий, то есть иллюкутивно вынуждающий; 5) облигаторно вынуждающий; 6) некомпозитивный; 7) коммуникативный регулятив (регулятор текущего контакта) + репрезентатив (информативный каузатив: запрос информации).

7. *I have heard what you want from your cousin.* 1) репрезентатив; 2) констатировать свою осведомленность относительно планов Сомса; 3) монофункциональный; 4) реактивный; 5) факультативно вынуждающий; 6) гармонизирующий; 7) экспрессивно нейтральный; 8) некомпозитивный; 9) репрезентатив-коррекция.

9. *I am willing. I have always been.* 1) сложный речевой акт – репрезентатив + репрезентатив; 2) выразить готовность к разводу; 3) Ирэн выражает свою готовность, добавляя, что всегда этого хотела. 4) последовательность из двух монофункциональных речевых поступков: репрезентатив (сообщение) + репрезентатив-экспликатив (подтверждение); 5) интегральная функция – информативная; 6) реактивный; 7) факультативно вынуждающий; 8) гармонизирующий; 9) экспрессивно маркированный.

11. *I have none to give you that you don't know of.* 1) репрезентатив; 2) дать исчерпывающий ответ на запрос Сомса; 3) Ирэн отвечает предельно содержательно и кратко; 4) реактивный; 5) монофункциональный (информативная функция); 6) гармонизирующий; 7) факультативно вынуждающий; 8) экспрессивно нейтральный; 9) репрезентатив.

13. *I don't suppose you will believe anything I say; but it's truth.* 1) репрезентатив; 2) ответить на вопрос Сомса предельно ясно; 3) Ирэн отвечает на вопрос, подтверждая честность своего ответа; 4) реактивный; 5) гармонизирующий; 6) факультативно вынуждающий; 7) некомпозитивный; 8) экспрессивно нейтральный; 9) репрезентатив-экспликатив.

15. *Thank you, yes.* 1) репрезентатив; 2) ответить на вопрос; 3) Ирэн вежливо отвечает на во-

прос Сомса; 4) реактивный; 5) монофункциональный (информативная функция); 6) гармонизирующий; 7) факультативно вынуждающий; 8) экспрессивно нейтральный; 9) экспрессив-социатив.

17. *A faint smile came on her lips; but she did not answer.* Ирэн не ответила вербально, она лишь слабо улыбнулась, но мы понимаем, что это тоже ответ. 1) В теории речевых актов статус речевого акта не определяется; 2) репрезентатив (умолчание); 3) монофункциональный (эмоционально-экспрессивная функция); 4) реактивный; 5) факультативно вынуждающий; 6) дисгармонизирующий; 7) некомпозитивный.

19. *She rose from the window-seat, and stood for a moment perfectly still looking at him. He could see her bosom heaving. Then she turned to the window and threw it open.* Ирэн проявила отрицательные эмоции по отношению к Сомсу на его реплику, что она все еще является его женой. Она вскочила, мгновение стояла неподвижно, глядя на него, повернулась к окну и распахнула его настежь. 2) в теории речевого поведения этот коммуникативный поступок можно классифицировать как экспрессив-эмотив (выражение гнева); 3) полифункциональный речевой поступок (модально-оценочная и эмоционально-экспрессивная функции); 4) реактивный; 5) облигаторно вынуждающий.

21. *It was – habit.* 1) репрезентатив; 2) объяснить причину своего поведения; 3) Ирэн кратко объясняет причину своей нервозности; 4) реактивный; 5) монофункциональный (информативная функция); 6) гармонизирующий; 7) факультативно вынуждающий; 8) экспрессивно маркированный; 9) репрезентатив-экспликатив.

23. *I have told you.* 1) репрезентатив; 2) подтвердить отсутствие информации, которая необходима Сомсу для разрешения сложного бракоразводного процесса; 3) Ирэн лаконично подтверждает отсутствие необходимой информации; 4) монофункциональный (информативная функция); 5) реактивный; 6) факультативно вынуждающий; 7) экспрессивно нейтральный; 8) некомпозитивный; 9) репрезентатив-экспликатив.

25. *Nobody. You must go to your own life.* 1) репрезентатив + директив; 2) дать краткий ответ и побудить адресанта к исполнению некоторых действий; 3) Ирэн еще раз подтверждает отсутствие в ее жизни кого-либо и призывает Сомса обратиться за информацией к самому себе; 4) полифункциональный, выполняющий информативную и интенциональную функции; 5) реактивный (является ответом на предыдущую реплику) и иницирующий; 6) облигаторно вынуждающий; 7) экспрессивно маркированный; 8) композитивный; 9) репрезентатив + волюнтив-директив.

27. *Yes. Why didn't you divorce me then? Should I have cared?* 1) репрезентатив + рогатив + рогатив; 2) запрос информации, усиленный резонансом, но не требующий ответа; 3) Ирэн кратко соглашается с тем, что она бросила Сомса и тут же задает

ему нелicenseприятный вопрос, почему он не развелся с ней тогда, 12 лет назад, и описывает свое давнее состояние риторическим вопросом, ответ на который, вероятно, знает Сомс; 4) последовательность из трех монофункциональных речевых поступков: репрезентатив + рогатив + рогатив; 5) интегральная функция реплики-высказывания как цепочки речевых поступков – информативная; 6) коммуникативный смысл речевых поступков – подтверждение и запрос информации, подкрепленный обоснованием логичности запроса; 7) реактивный на предыдущую реплику, а в контексте интеракции получает статус иницирующего, так как вызывает ответную реакцию; 8) облигаторно вынуждающий; 9) экспрессивно маркированный; 10) композитивный.

29. *Yes, it was a crime to marry you. I have paid for it. You will find some way perhaps. You needn't mind my name, I have none to lose. Now I think you had better go.* 1) репрезентатив + репрезентатив + директив + директив + репрезентатив + директив; 2) вынести приговор себе и объяснить причину своего нежелания продолжать этот бессмысленный разговор; 3) Ирэн выносит себе приговор, сравнивая свой поступок прошлого замужества с преступлением и довольно резко предлагает Сомсу покинуть ее дом; 4) полифункциональный, выполняющий информативную, модально-оценочную и интенциональную функции; 5) реактивный и иницирующий; 6) облигаторно вынуждающий; 7) экспрессивно маркированный; 8) композитивный; 9) репрезентатив-коррекция + волюнтив-директив + волюнтив-директив + репрезентатив-экспликатив + волюнтив-директив.

31. *Take it. I don't want it.* 1) директив + репрезентатив; 2) закончить разговор как можно скорее и положить конец всяким отношениям; 3) Ирэн резко отвечает Сомсу, добавляя, что эта вещь ей больше не нужна (подтекст: берите все что хотите, только уходите быстрее); 4) последовательность из двух монофункциональных речевых поступков, интегральная функция которых – интенциональная; 5) реактивный; облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) композитивный; 8) волюнтив-директив + репрезентатив-коррекция.

Как видим из вышеизложенного, иллокутивная сила речевого акта не всегда совпадает с интерсубъектным коммуникативным смыслом речевого поступка в конкретной ситуации (в данном случае полностью совпадают иллокутивная сила речевого акта и коммуникативный смысл речевого поступка в репликах № 7, 11, 23, 25, 27).

Далее рассмотрим реплики Сомса с точки зрения теории речевых актов и теории речевого поведения.

2. *Yes, it's a queer visit! I hope you're well.* 1) экспрессив + репрезентатив; 2) установить контакт; 3) полифункциональный, выполняющий эмоционально-экспрессивную и информативную

функции; 4) реактивный; 5) облигаторно вынуждающий; 6) гармонизирующий; 7) экспрессивно маркированный; 8) композитивный; 9) экспрессив-эмотив + экспрессив-социатив.

4. *You have not changed, he said.* 1) репрезентатив; 2) выразить свое отношение к внешнему виду Ирэн; 3) монофункциональный (информативная функция); 4) иницирующий; 5) факультативно вынуждающий; 6) экспрессивно нейтральный; 7) некомпозитивный; 8) репрезентатив.

6. *To discuss things.* 1) репрезентатив; 2) ответ на вопрос; 3) Сомс объясняет причину своего визита; 3) монофункциональный (информативная функция); 4) реактивный; 5) облигаторно вынуждающий; 6) гармонизирующий; 7) экспрессивно маркированный (эллиптическое предложение); 8) некомпозитивный; 9) репрезентатив.

8. *Well?* 1) рогатив; 2) побудить адресата к действию; 3) монофункциональный (интенциональная функция); 4) иницирующий; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) некомпозитивный; 8) коммуникативный регулятив (регулятор текущего контакта).

10. *Perhaps you will be good enough, then, to give me information on which I can act. The law must be complied with.* 1) директив + репрезентатив; 2) оказать эмоциональное давление; 3) Сомс выражает свою просьбу с элементом этикетного официоза; 4) монофункциональный (интенциональная функция); 5) иницирующий; 6) облигаторно вынуждающий; 7) экспрессивно маркированный; 8) композитивный; 9) волонтив-директив + волонтив-директив.

12. *Twelve years! Do you suppose I can believe that?* 1) экспрессив + рогатив; 2) выразить неуверенность в достоверности информации; 3) полифункциональный (эмоционально-экспрессивная и интенциональная функции); 4) реактивный; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) композитивный; 8) экспрессив-эмотив + репрезентатив-рогатив.

14. *I suppose you're comfortably off now?* 1) рогатив; 2) поддержать светскую беседу; 3) Сомс задает вопрос, ответ на который ему известен, но Сомс ждет подтверждения; 4) монофункциональный; 5) иницирующий; 6) облигаторно вынуждающий; 7) экспрессивно маркированный; 8) некомпозитивный. 9) рогатив.

16. *Why didn't you let me provide for you? I would have, in spite of everything.* 1) рогатив + репрезентатив; 2) косвенно выразить свое признание. 3) Сомс признается, что он помог бы Ирэн материально, не смотря ни на что; 4) монофункциональный (информативная функция); 5) реактивный; 6) облигаторно вынуждающий; 7) экспрессивно маркированный; 8) композитивный; 9) репрезентатив-рогатив + волонтив-комиссив.

18. *You are still my wife.* 1) репрезентатив; 2) вызвать сочувствие; 3) Сомс выдает свои чувства; 4) монофункциональный (информативная

функция); 5) иницирующий; 6) факультативно вынуждающий; 7) экспрессивно нейтральным; 8) некомпозитивный; 9) репрезентатив.

20. *Why do that? You'll catch cold in that dress. I'm not dangerous.* 1) рогатив + репрезентатив + репрезентатив; 2) выразить недоумение по поводу поступка Ирэн; 3) Сомс выражает недоумение, проявляет светскую заботу и пытается пошутить; 4) полифункциональный (информативная и интенциональная функции); 5) реактивный; 6) облигаторно вынуждающий; 7) гармонизирующий; 8) экспрессивно маркированным; 9) композитивный; 10) репрезентатив-рогатив + вердиктив-суппозитив + вердиктив-валюатив.

22. *Rather odd habit. Shut the window!* 1) репрезентатив + экспрессив; 2) дать оценку реплике Ирэн и побудить ее к выполнению определенного действия; 3) полифункциональный (эмоционально-экспрессивная и интенциональная функции); 4) реактивный на предыдущую реплику, а в контексте интеракции получает статус иницирующего; 5) облигаторно вынуждающий; 6) гармонизирующий; 7) экспрессивно маркированный (эпитет, императивное наклонение); 8) композитивный; 9) репрезентатив-экспликатив + волонтив-директив.

24. *You had better tell me. It's your advantage to be free as well as to mine. That old matter is too old.* 1) репрезентатив + репрезентатив + репрезентатив; 2) совет, поучение; 3) монофункциональный (интенциональная функция); 4) иницирующий; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный (наличие модальности, эпитета); 7) композитивный; 8) волонтив-директив + репрезентатив-корекция + репрезентатив-экспликатив.

26. *Do you mean to tell me there has been nothing - nobody?* 1) рогатив; 2) вынудить Ирэн говорить правду; 3) монофункциональный речевой поступок (интенциональная функция); 4) иницирующий; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) некомпозитивный; 8) волонтив-директив.

28. *That won't do. You deserted me. In common justice it's for you - - .* 1) репрезентатив + репрезентатив + репрезентатив; 2) высказать упрек; 3) полифункциональный речевой поступок (модально-оценочная, информативная и интенциональная функции); 4) реактивный; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) композитивный; 8) экспрессив-эмотив + вердиктив-валюатив + волонтив-директив.

30. *Why couldn't you have made me a good wife?* 1) рогатив; 2) выразить боль; 3) монофункциональный речевой поступок (модально-оценочная функция); 4) иницирующий; 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) некомпозитивный; 8) экспрессив-эмотив.

32. *Lowestoft. Where did you get it? I bought its fellow at Jobson's.* 1) репрезентатив + рогатив + репрезентатив; 2) попытка наладить контакт после неудачного диалога, потянув за ниточку из про-

шлого; 3) монофункциональный (информативная функция); 4) реактивный, 5) облигаторно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) композитивный; 8) репрезентатив + репрезентатив-рогатив + репрезентатив.

34. *Will you shake hands?* 1) рогатив; 2) вежливо попрощаться, спрашивая разрешения пожать руку; 3) монофункциональный речевой поступок (интенциональная функция); 4) иницирующий; 5) факультативно вынуждающий; 6) экспрессивно маркированный; 7) некомпозитивный; 8) волюнтив-директив.

Как видим из вышеизложенного, иллокутивная сила речевого акта далеко не всегда совпадает с интересубъектным смыслом речевого поступка в конкретной коммуникативной ситуации, в данном случае иллокутивная сила речевого акта и коммуникативный смысл речевого поступка полностью совпадают в репликах № 4, 6, 12, 14, 18.

С точки зрения коммуникативной координации речевого поведения участников диалога этот текстовый фрагмент можно отнести к полемичному типу. Приведенный пример не демонстрирует согласованность коммуникативных интенций, не отличается солидарностью модально-оценочных смыслов речевых поступков, унисонной тональностью общения (большое количество облигаторно

вынуждающих речевых поступков: Ирэн – 7, Сомс – 14), наблюдается заинтересованность только одного из коммуникантов в продолжении контакта, следовательно, нет положительного гармоничного результата. Жанровая доминанта разговора – уговоры, но в целом интеракция характеризуется пониженной кооперативностью Ирэн: наличием переспросов, присутствием возражений, отрицательной оценкой своего жизненно важного поступка в жизни, а иногда и просто нежеланием отвечать или неспособностью произнести что-либо вслух, но демонстрацией своих отрицательных эмоций через какое-либо физическое действие. Таким образом, данный диалог можно отнести к полемическому разговору с вторжением в личностную сферу одного из коммуникантов.

¹ Борисова И.Н. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2002.

² Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 200.

³ Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 367.

Поступила в редакцию 16 апреля 2010 г.

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЛЕКСИКИ

Т.Н. Хомутова

RESEARCH TEXT: CULTURE-BOUND LEXIS ANALYSIS

T.N. Khomutova

Рассматриваются вопросы взаимосвязи языка и культуры в научной сфере, анализируется лексика англоязычных научных текстов по программированию, определяется ее культурная обусловленность, намечаются возможные пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: язык, культура, культурная ценность, компонент значения, культурно-обусловленная, культурно-специфическая, культурно-нейтральная лексика.

The article investigates the interaction of language and culture in science. Lexis of English research texts in programming is analyzed with respect to its culture-bound character. The perspectives of further research are discussed.

Keywords: language, culture, cultural value, semantic component, culture-bound, culture-specific, culture-neutral lexis.

На тесную связь языка и культуры указывают многие лингвисты. Р.Лангакер пишет, что язык является «важным инструментом и неотъемлемой частью культуры, проникновение которой в языковую структуру является всеобъемлющим и весьма существенным»¹.

По мнению Г.Б. Палмера, «язык погружен в культуру и составляет с ней неразрывное единство»². И поскольку культурные знания составляют основную часть энциклопедического знания, большая часть концептов в любом языке являются культурно обусловленными, то есть не идентичными, и в ряде случаев требующими объяснения для носителей других языков и культур. Переход английского языка в статус глобального поднимает целый ряд вопросов, связанных с его культурной спецификой, привязанностью к культурно-специфическим нормам. Как на нем будут общаться носители разных культур? Как избежать межкультурных конфликтов? Как сохранить культурную стабильность глобального языка, которым пользуются представители разных культур?

По мнению Р. Кверка глобальный английский должен стать «вспомогательным языком, так называемым «ядерным английским», свободным от своего исторического и культурного багажа», базирующимся на универсальных культурных концептах³. Поэтому основным вопросом ядерного английского является вопрос его лексического состава, выражающего эти универсальные концепты.

Однако, как показывают исследования, таких универсальных концептов насчитывается всего шестьдесят четыре⁴. Это значит, что культурно-нейтральный ядерный английский не сможет выполнять роль глобального английского хотя бы в силу ограниченности своего лексического состава.

Вместо ядерного английского К. Годдар и А. Вежбицка предлагают свой «естественный семантический метаязык» (NSM), основанный на семантических примитивах и семантических скриптах, с помощью которых можно описать и объяснить любое слово и любую языковую единицу в любом языке⁵.

Существует и противоположный подход к глобальному английскому как к «Lingua Franca English», согласно которому носители различных языков говорят по-английски, следуя культурным нормам родного языка, но понимают друг друга в силу доброй воли и толерантности⁶.

Исследования Х.Г. Фитцджералд подтверждают возможность такого «толерантного» подхода. «Люди не культурные автоматы, которые являются пассивными носителями неосознаваемых культурных ценностей и ожиданий. Культурно-специфические схемы и фреймы оказывают на них определенное, но не подавляющее влияние, что позволяет людям изменять и временно отключать их для совместного межкультурного взаимодействия. Культурные схемы и фреймы носят информа-

---

Хомутова Тамара Николаевна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Южно-Уральского государственного университета. E-mail: tnh@susu.ac.ru

---

Tamara N. Khomutova, Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, South Ural State University. E-mail: tnh@susu.ac.ru

тивный и предрасполагающий, но не определяющий характер»⁷.

По данным, приводимым Х. Фитцджералд, хотя при общении представителей одной и той же культуры наблюдается большее сходство культурных ценностей и коммуникативных стилей, чем при общении представителей разных культур, тем не менее представители разных культур ведут себя как конструктивные автономные деятели, объективно представляющие свои культурные ценности и готовые понять и принять другие. Результаты исследования Х. Фитцджералд не подтверждают предположения о том, что с переходом английского языка в статус глобального произойдет слияние всех культурных моделей в одну индивидуалистичную западную модель⁸.

Признание того, что лексика отражает культурную специфику и представляет собой важный инструмент изучения культуры и общества, характеризует современное состояние лингвистической теории⁹. Исследование лексики в аспекте представления ею культурных ценностей является весьма актуальным. По мнению А. Вежицкой лексикон позволяет проникнуть в сущность культуры посредством изучения лексической семантики, именно через вокабуляр мы можем обнаружить и идентифицировать культурно-специфические концептуальные конфигурации, характерные для различных народов мира¹⁰.

В любом языке существуют слова, отражающие уникальные для данной страны и культуры понятия, так называемые реалии, не имеющие аналогов в других странах и культурах (самовар, борщ, кока-кола, пицца и т.д.). Такую лексику мы называем культурно специфической. Остальная лексика также неразрывно связана с культурой данной страны и является культурно обусловленной, но не специфической для данного языка и культуры, в ней мы выделяем общекультурный (64 универсальных общекультурных концепта) и культурно ориентированный слой.

Связь культурно ориентированной лексики с культурой, ее культурная обусловленность выражается, на наш взгляд, в различном объеме значений сходных понятий в различных языках, вызванном разными условиями жизни и ходом развития общества, и проявляется в различной частотности ключевых слов, раскрывающих особо значимые концепты конкретной культуры¹¹.

Примером культурно ориентированной лексики с различным объемом понятий в разных культурах могут быть терминологические сочетания «*applied linguistics*» и «*прикладная лингвистика*». Если «*прикладная лингвистика*» в русскоязычной культуре означает, в первую очередь, вычислительную лингвистику, то в англоязычной культуре «*applied linguistics*» – это, главным образом, методика преподавания языка. Думается, что одним из возможных объяснений указанного расхождения может быть объяснение

с точки зрения таких культурных ценностей, как отношение к природе и деятельности: если для англоязычной культуры характерно такое отношение к природе и деятельности, когда человеку все подвластно и он является активным деятелем, от которого зависит окружающая действительность (лингвистика в ее отношении к человеку), то для русскоязычной культуры типично такое отношение к природе и деятельности, при котором не человек, а обстоятельства и природа диктуют неизбежность происходящего (лингвистика в ее отношении к машине).

Важным показателем культурной ориентированной лексики является также частотность ключевых слов, которая свидетельствует о значимости отражаемых ими понятий, что обусловлено конкретной культурой. Поэтому изучение частотных списков слов, в нашем случае лексического минимума научных текстов по программированию¹², представляется не только весьма перспективным направлением лингвокультурологических исследований, но и инструментом, позволяющим верифицировать полученные данные.

Для того, чтобы раскрыть культурный компонент значения в исследуемой нами лексике научных текстов по программированию, мы пошли по пути как ономаσιологического анализа – от культурной ценности к тому, как она воплощена в слове, так и семасиологического анализа – от значения слова к отражаемой в нем культурной ценности.

Двусторонний анализ лексики научных текстов по программированию показал, что в ее состав входят лексические единицы, выражающие различные культурные ценности.

В исследованном нами материале не встретилось слов, обозначающих культурные реалии, это подтверждает мысль о глобальном характере науки, для которой нет границ и барьеров.

Анализ общекультурной лексики в составе лексического минимума английского подязыка программирования на 1178 лексических единиц (далее по тексту л. е.) показал, что из 64 семантических примитивов и их английских экспонентов, выделенных А. Вежицкой¹³, в нем встречается 47 (см. таблицу), которые выделены жирным шрифтом.

Как показал наш анализ, в лексическом минимуме отсутствуют средства выражения жизни и смерти, что объясняется спецификой предметной области, имеющей дело, главным образом, с абстрактными понятиями. Из эмпирических предикатов представлен только *see*, в то время как *feel* и *hear* отсутствуют, что также обусловлено спецификой предметной области, в которой визуальный опыт является ведущим по сравнению со слуховым и другим чувственным. Отсутствие неопределенных субстантивов *someone* и *something*, а также субстантива *people* говорит о том, что для лексики английских научных текстов по программированию, очевидно, более характерным является точное именование лиц и предметов. Вместе с тем большая часть

Лингвистика текста и поэтический дискурс

Семантические примитивы (английские средства выражения)

Семантическая группа	Средства
Субстантивы	I, you, someone, people, something, body
Реляционные субстантивы	Kind, part
Определители	This, the same, other
Количественные определители	One, two, some, all, many/much
Оценочные определители	Good, bad
Дескрипторы	Big, small
Ментальные/эмпирические предикаты	Think, know, want, feel, see, hear
Речь	Say, words, true
Действия, события, движение, контакт	Do, happen, Move, touch
Местонахождение, существование, обладание, уточнение	Be (somewhere), there is, exist Have, be (someone/something)
Жизнь и смерть	Live, die
Время	When/time, now, before, after, a long time, a short time, for some time, moment
Пространство	Where/place, here, above, below, far, near, side, inside
Логические концепты	Not, maybe, can, because, if
Усилители, увеличители	Very, more
Сходство	Like/way

семантических примитивов в исследованном материале присутствует (47 л. е., или 73,4 % от 64).

Все вышеизложенное говорит в пользу того, что имеется определенный набор общекультурной лексики, присущей как языку в целом, так и отдельным его подязыкам. Этот набор представляет собой нечеткое множество и может меняться в зависимости от предметной области. Очевидно, например, что в предметной области биологии концепты жизни и смерти будут играть определяющее значение и выражаться в том числе и с помощью лексических средств.

Как указывалось выше, лексику, выражающую культурные ценности, характерные, но не специфичные для данной культуры, мы относим к культурно ориентированной. Фактически любое слово языка является культурно обусловленным, связанным с развитием культуры, частью которой является язык. Однако однозначное отнесение слов того или иного языка к средствам выражения тех или иных культурных ценностей сопряжено с определенными трудностями: изучением семантической структуры большого количества слов, определением их частотности, ассоциативным и контрастивным анализом и т. д.

Особую трудность представляет отнесение к культурно ориентированной лексике терминологического и общенаучного слоя лексических единиц, которые, как нам представляется, при своем возникновении были культурно обусловленными, а затем в силу их глобального, преимущественно однозначного использования потеряли свою культурную обусловленность и могут рассматриваться в качестве культурно нейтральных, например, *atom, computer, domain, heuristics* и т. д.

В своем исследовании мы ограничились репрезентативной выборкой культурно ориентиро-

ванной лексики с помощью ономаσιологического и семасиологического анализа, а также анализа частотности.

Наш анализ позволил выделить 233 л. е. (19,8 % лексического минимума), в семантической структуре которых отчетливо присутствует культурный компонент значения. В этой лексике мы выделили группы слов, выражающие следующие культурные ценности: отношение к характеру аргументации, отношение к деятельности, отношение к общению, отношение к природе, отношение к автономности личности.

Группа слов, выражающих *отношение к характеру аргументации*, является самой многочисленной группой выделенной нами культурно ориентированной лексики и насчитывает 94 л. е. (40,3 % от 233).

Отношение к характеру аргументации включает такие противопоставления, как линейность – холистичность, фактуальность – интуитивность, абстрактность – конкретность, отстраненность субъекта – его вовлеченность. Линейный характер аргументации предполагает последовательное представление аргументов, внимание к конкретным деталям, верифицируемыми данными и т. д.

В исследованном нами материале отношение к характеру аргументации выражается с помощью группы слов, имеющих в своей семантической структуре компонент линейности, например, *consecutive, consequence, consequently, consistent, continuous, direct, linear, sequence, sequential* и т. д. Такая лексика представлена 62 л. е., из которых только одна лексема *inconsistent* {53} выражает отсутствие линейной последовательности (1,6%). Наиболее частотными словами, выражающими линейный характер аргументации, являются

one{1204}, *logic*{532}, *sequence*{472}, *program*{456}, *line*{309} и др.

Кроме группы слов с линейным компонентом значения в нашем материале встретились слова, выражающие системный, упорядоченный характер аргументации, например, *algorithm*{844}, *classification*{163}, *method*{845}, *system*{503}, *structure*{295} и т.д. Таких слов в нашем материале встретилось 40. Высокая частотность рассматриваемой группы слов свидетельствует о системном характере аргументации англоязычных текстов. Это, безусловно, связано с научным методом исследования. Очевидно, что прямолинейность и системность аргументации англоязычной культуры направлены на экономию времени и повышение эффективности деятельности.

Как известно, линейный подход связан с фактологической ориентацией, вниманием к конкретным деталям, стремлением уйти от абстрактных идей. Внимание к конкретным деталям, однако, не означает преимущественного использования конкретных существительных. В нашем материале, как указывалось выше, конкретная лексика менее частотна по сравнению с абстрактной, что вызвано характером предметной области программирования. В связи с этим, наряду с такими словами, как *fact*{208}, *concrete*{75} и другими, в научных текстах по программированию встречаются и абстрактные слова, которые могут выражать конкретный характер аргументации, например, *abstraction*{89}, *generalization*{83}, *hypothesis*{75}, *virtual*{40} и т.д.

Группа слов с культурно ориентированным компонентом значения, выражающим **отношение к деятельности**, насчитывает 77 л. е. (33,0 % от 233) и характеризует англоязычную культуру как культуру, в которой важны решительность, эффективность, продуктивность, результат, решение проблем, ориентация на будущее и т.д., например, *achieve*, *create*, *develop*, *dynamic*, *economy*, *effectively*, *efficiency*, *improvement*, *optimization*, *produce*, *result*, *solve*, *update* и т. д.

Как показал наш анализ, в рассматриваемой группе лексики можно выделить несколько семантических подгрупп: 1) слова, указывающие на результативность и эффективность деятельности, например, *effect*{89}, *efficient*{115}, *optimal*{167}, *result*{334}, *product*{88} и т. д.; 2) слова, указывающие на активность, динамичность деятельности, например, *active*{83}, *agent*{58}, *dynamic*{181} и т. д.; 3) слова, указывающие на креативность и новизну деятельности, например, *create*{78}, *develop*{112}, *new*{661}, *modify*{67}, *update*{92} и т. д.; 4) слова, указывающие на прикладной характер деятельности, например, *application*{421}, *apply*{128}, *use*{561}, *user*{188} и т. д.; 5) слова, указывающие на достоверность результатов деятельности, например, *experiment*{85}, *prove*{104}, *valid*{100}, *verification*{174} и т. д.

Полученные в результате семасиологического и статистического анализа данные позволяют до-

полнить культурную ценность «отношение к деятельности» в англоязычной культуре такими характеристиками, как прикладной характер, креативность, новизна и достоверность. Вместе с тем, следует отметить, что данные характеристики проистекают из научного характера англоязычных текстов, а поскольку наука и ее методы становятся глобальными, то и указанные характеристики могут стать глобальными, то есть характерными для любой культуры, то есть культурно нейтральными.

Отношение к общению в англоязычной культуре характеризуется высокой толерантностью к расхождениям и конфликтам, отсутствием эмоциональности, эксплицитным характером аргументации. Группа слов, выражающая отношение к общению, насчитывает 56 л. е. (24,0 % от 233). Толерантность выражается, в частности, некатегоричной лексикой, например, *allow*{135}, *approximate*{98}, *assume*{180}, *choice*{88}, *hypothesis*{75} и т.д. Высокая совокупная частотность некатегоричной лексики, например, модальный глагол *may*{614} употребляется в исследованном нами материале более чем в 2 раза чаще модального глагола *must*{274}, подтверждает толерантный характер англоязычной научной культуры.

Кроме того, поскольку для англоязычной культуры нехарактерно эмоциональное поведение, которое ассоциируется с нерациональностью, субъективностью, хаотичностью и другими негативными характеристиками¹⁴, отношение к общению в научных англоязычных текстах по программированию отличается безэмоциональностью. В нашем материале не встретилось ни одной лексической единицы, которая бы выражала эмоции, хотя встретились слова, называющие чувства, такие как *desire*{37}, *satisfy*{63} и *like*{140} (частотность лексемы *like* является совокупной и включает не только ее глагольную, но и союзную, и адвербиальную репрезентации). Такая лексика не относится к собственно эмоциональной, но ее накопление в тексте может создавать определенное настроение. Невысокая частотность приведенных слов в нашем материале свидетельствует о безэмоциональном (эмоционально нейтральном) характере лексики научных текстов по программированию.

По **отношению к природе** англоязычная культура характеризуется как культура, в которой природа и обстоятельства контролируются человеком, что эксплицитно выражается в лексике, например, *control*, *controllability*, *handle*, *manage*, *management*, *plan*, *test* и т.д. Несмотря на немногочисленность (11 л. е., или 4,7 % репрезентативной выборки), рассматриваемая лексика обладает высокой совокупной частотностью, что позволяет отнести ее к культурно ориентированной, например, *control*{198}, *lead*{105}, *management*{88} и т.д.

Отношение к личной свободе и автономности личности характеризует англоязычную культуру в целом как культуру индивидуалистичную,

Лингвистика текста и поэтический дискурс

культуру, для которой характерен акцент на личном «я» и на личности, индивидуально принимающей решения. В отличие от индивидуалистической культуры коллективистские культуры ассоциируют достижения с совместной деятельностью, личность делит с коллективом ответственность за происходящее, важно понятие «мы».

Как показал анализ исследованного нами материала, для лексики англоязычных научных текстов по программированию характерно использование местоимений *we*{4496} и *our*{810}, в то время как местоимение *I* встретилось только один раз. Это свидетельствует о сдвиге культурных ценностей, в частности, о том, что по отношению к автономности личности, культурной ценностью англоязычной науки, в частности программирования, является коллективизм. Мы объясняем такой сдвиг тем, что каждое новое «индивидуальное» научное исследование, как правило, основано на трудах многих ученых и рассматривается автором как совокупный труд, в котором научная этика предпочитает использование местоимения «*we*». В целом, группа слов, выражающих отношение к личной свободе, немногочисленна и включает 8 л.е. (3,4 % от 233), из которых шесть выражают коллективные ценности: *collaborative*{42}, *depend*{122}, *dependency*{40}, *our*{810}, *together*{91}, *we*{4496} и только две – индивидуалистические: *independent*{77}, *independently*{38}.

Заканчивая анализ культурного компонента значения в лексике английского подязыка программирования, следует отметить, что культурный компонент, на наш взгляд, присутствует во всех без исключения лексических единицах любого языка. Он может быть общекультурным (культурно нейтральным), культурно специфическим и культурно ориентированным. Группа культурно ориентированной лексики, составляет наибольшую часть лексикона, отсылающую нас к системе культурных ценностей определенной общности людей. При этом часть культурно ориентированной лексики является репрезентативной, то есть отчетливо выражает культурные ценности, часть – нерепрезентативной, для установления культурной обусловленности которой требуются дополнительные усилия. Такая лексика, главным образом, терминологическая, имеет тенденцию переходить в разряд культурно-нейтральной, что обусловлено процессом глобализации науки.

На основании ономаσιологического и семаσιологического анализа лексического минимума английского подязыка программирования, выделенного с помощью статистических методов и инструментов, можно утверждать, что его частотная лексика является культурно обусловленной и отражает систему ценностей, образ жизни и модели поведения носителей англоязычной научной культуры, в том числе прямолинейность, логичность, решительность, эффективность, продуктивность, толерантность, безэмоциональность.

Кроме того, как показал наш анализ, для англоязычных научных текстов по программированию, в отличие от текстов ненаучных, характерны черты коллективистской культуры, внимание к прикладной части исследований, их системности, креативности, новизне и достоверности, что диктуется современным этапом развития научного метода. В этом плане наряду с процессом глобализации науки как части культуры можно говорить о глобализации ряда культурных ценностей, их культурно нейтральном характере. Как указывалось выше, это в большой мере касается терминологической лексики, которая, в первую очередь, должна приобретать культурно нейтральный характер во избежание непонимания и культурных конфликтов.

Все рассмотренные группы культурно обусловленной лексики представляют собой нечеткие множества, отдельные единицы которых могут входить в несколько групп, при этом одновременно реализуются все культурные компоненты значения. Например, *condition* – отношение к аргументации (последовательность) и отношение к общению (некатегоричность); *independent* – отношение к природе (контроль человека над природой) и отношение к личной свободе (независимость от других); *variant* – отношение к деятельности (изменение) и отношение к общению (некатегоричность).

¹ Langacker R. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise / R. Langacker // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. T.Janssen and G.Redeker (eds.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 16.

² Sharifian F., Palmer G.B. (eds.). Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication / F. Sharifian, G.B. Palmer (eds.). John Benjamin Publishing Company, 2007. P. 15.

³ Quirk R. International communication and the concept of Nuclear English / R.Quirk // English for Cross-Cultural Communication. L.E. Smith (ed.). New York: St. Martin's Press, 1981. P. 161–165.

⁴ Sharifian F., Palmer G.B. (eds.). Ibid. P.107.

⁵ Sharifian F., Palmer G.B. (eds.). Ibid. P.107.

⁶ Kirkpatrick A. English as an ASEAN lingua franca: Implications for Research and Language Teaching / A. Kirkpatrick // Asian Englishes. 2004. № 6 (2). P. 82–91.

⁷ Fitzgerald H.G. Languages for Intercultural Communication and Education, 4: How Different Are We? / H.G. Fitzgerald // Spoken Discourse in Intercultural Communication: The Significance of the Situational Context. Multilingual Matters Limited, 2003. P. 207.

⁸ Fitzgerald H.G. Ibid.

⁹ Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition / A.Wierzbicka. NY: Oxford University Press, 1992. P. 19.

¹⁰ Wierzbicka A. Ibid. P. 22.

¹¹ Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. С. 44.

¹² Англо-русский словарь-минимум по программированию / Т.Н. Хомутова, О.И. Бабина, Д.С. Гудкова, Е.В. Кравцова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2010. С. 174.

¹³ Sharifian F., Palmer G.B. (eds.). Ibid. P. 107.

¹⁴ Елизарова Г.В. Там же. С. 55.

Поступила в редакцию 25 мая 2010 г.

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС

УДК 413

ББК 81.411.2 – 3

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПЕРЕХОДНОСТЬ» И «ОБЪЕКТНОСТЬ»

И.Г. Казачук

ON THE CORRELATION OF THE NOTIONS «TRANSITIVITY» AND «OBJECTIVITY»

I.G. Kazachuk

Речь идет о соотношении понятий «переходность» и «объектность», о новом содержании терминов «переходность», «прямой объект», вызванном развитием теории о семантической структуре слова, учения о субъектных и объектных глаголах и процессуальных фразеологизмах. Впервые на фразеологическом материале показано, что объект, восполняющий семантику процессуальной единицы, в любой форме является прямым, а сама единица, нуждающаяся в таком восполнении, объектной (= переходной).

Ключевые слова: объектность, переходность, прямой объект, процессуальный фразеологизм.

The article deals with the correlation of the notions «transitivity» and «objectivity», the new content of the terms «transitivity», «direct object», caused by the development of the theory of the semantic structure of the word, the teaching about subjective and objective verbs and processual phraseological units. It is shown for the first time on phraseological material that the object filling the semantics of a processual unit is direct in any form, and the unit itself demanding such filling is the object (=transitive).

Keywords: objectivity, transitivity, direct object, processual phraseological unit.

Изучение переходности (транзитивности) как свойства лексем имеет довольно длительную историю в отечественном (А. Потехня, В. Виноградов, И. Мещанинов, С. Кацнельсон, Б. Норман, А. Бондарко, Л. Буланин, Ю. Степанов, В. Крысько) и зарубежном языкознании (Ф. Миклошич, Ж. Вандриес, А. Блинкенберг, Л. Теньер, Э. Бенвенист, Д. Лайонз и др.). Применительно к фразеологическим единицам категория переходности последовательно и системно не рассматривалась.

Сопоставительное изучение лексических и фразеологических единиц позволяет увидеть специфику содержания многих традиционных лингвистических терминов, в том числе такого, как переходность.

При анализе синтаксических свойств объектных процессуальных фразеологизмов используются термины «переходный», «переходность», «прямой объект», однако их содержание отличается от

содержания терминов, употребляемых по отношению к единицам-лексемам.

В основе понятия «переходность» лежит семантическая несамодостаточность, релятивность значения¹ процессуальных единиц. Термин «семантическая несамодостаточность» указывает на то, что процессуальная единица может быть понята слушающим только в сочетании с объектом-именем, который делает ее достаточной для понимания: *зажечь – зажечь свечу, управлять – управлять хозяйством, положить конец – положить конец распрям, поставить крест – поставить крест на карьере.*

В настоящее время в связи с активным развитием теории семантической структуры слова в трудах Л.М. Васильева², Р.М. Гайсиной³, А.А. Уфимцевой⁴, Д.Н. Шмелева⁵, А.М. Чепасовой⁶ и многих других лингвистов стали использоваться термины «объектность», «объектный», ко-

---

Казачук Ирина Георгиевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: avis1389@mail.ru

---

Irina G. Kazachuk, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching Russian, Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: avis1389@mail.ru

торые, в отличие от существовавших ранее «объективность», «объективный», точно выражают сущность лингвистического явления. Предлагаемое понимание объектности как семантико-грамматического свойства процессуальных единиц вызывает наполнение другим содержанием сочетания *прямой объект*: объект, форма которого предопределяется семантическими и грамматическими потребностями процессуальной единицы, является обязательным, «прямым», вне зависимости от того, каким падежом он выражен: наблюдать закат – любоваться закатом, изучать историю – увлекаться историей, повредить дерево – навредить дереву, обожать сестру – души не чаять в сестре, разоблачить обманщика – сорвать маску с обманщика и под., тогда как господствующей формой прямого объекта признается винительный падеж без предлога, периферийной – родительный беспредложный при отрицании и со значением части. Поэтому в приведенных парах прямым в традиционном понимании является объект только в первых конструкциях. По мнению С.Д. Кацнельсона, «позиция единственного объекта при глаголе и есть позиция прямого объекта»⁷.

Сочетаемость/несочетаемость глагола с прямым объектом считается средством выражения переходности/непереходности⁸. «Переходные и непереходные глаголы ... определяются по сочетаемости с винительным падежом прямого дополнения (т. е. синтаксически). А само это синтаксическое свойство глаголов связано с их лексическими значениями, а также отчасти с их морфологическим строением»⁹. В.В. Виноградов считал вопрос о переходных и непереходных значениях глаголов одним из центральных проблем глагольной семантики, так как он «выходит из рамок изучения грамматических отношений между субъектом и объектом действия»¹⁰.

Исследование фразеологического материала показывает, что попытка формального переноса на него теории переходности/непереходности и типологии объекта не имеет под собой оснований. Говорить о переходности процессуальных фразеологических единиц при наличии объекта в форме винительного падежа без предлога и связывать прямой объект только с этой формой не представляется возможным. Процессуальные фразеологизмы, как сверхсловные образования, хотя и сопоставимы с глаголами в синтаксическом отношении, все же обладают своей спецификой, обусловленной раздельнооформленностью единиц и цельностью их значения. На наш взгляд, при квалификации переходности/непереходности единиц и объекта как прямого или косвенного должен учитываться не столько формальный, сколько семантический фактор. Переходной (= объектной) считаем единицу, семантика которой отражает направленность действия от субъекта к объекту. В лингвистике уже неоднократно ставился вопрос о расширении круга явлений, подводимых под понятие переходности,

однако сохранение прежнего термина вряд ли возможно. А.М. Мухин относит к переходным глаголам те, которые способны к управлению и имеют в предложении объектные и косвенно-объектные синтаксемы¹¹, и считает, что морфологический показатель падежа не играет той роли, которая отводится ему в грамматиках при определении переходности/непереходности глаголов.

В качестве прямого объекта при процессуальных фразеологизмах могут употребляться имена в любых косвенных падежах со значением непосредственного воздействия, охвата действием. Винительный падеж без предлога как классический выразитель значения прямого объекта наиболее продуктивен: *заткнуть за пояс кого-либо, носить на руках кого-либо, пускать/пустить по миру кого-либо, сбивать/сбить с толку кого-либо*. В качестве прямого объекта возможны: винительный с предлогом – *возводить/возвести поклеп на кого-либо, вдохнуть силы в кого-либо, надевать/надеть узду на кого-либо, оказывать/оказать давление на кого-либо*; дательный падеж, являющийся, по словам Г.В. Бажутиной, семантическим аналогом прямого объекта¹², – *воздавать/воздать хвалу кому-, чему-либо, знать цену кому-, чему-либо, перемыкать/перемыть косточки кому-либо, укоротить руки кому-либо, питать уважение к кому-либо, приложить руки к чему-либо*; формы родительного падежа с предлогом и без предлога – *вставать/встать во главе кого-, чего-либо, выходить/выйти за рамки чего-либо, вить веревки из кого-либо сбивать/сбить спесь с кого-либо, срывать/сорвать маску с кого-либо*; творительный падеж с предлогом – *одерживать/одержать победу над кем-, чем-либо, проводить/провести грань между чем-либо, сыграть злую шутку с кем-либо*; предложный падеж – *возить воду на ком-либо, пробивать/пробить брешь в чем-либо; срывать/сорвать зло на ком-либо, греть руки на чем-либо и др.* Следует отметить, что в ряде фразеологических единиц переходность формально реализована в их модели «глагол+ сущ. В.п.», тем не менее фразеологические единицы (ФЕ) являются переходными, употребляются с объектом в любом косвенном падеже, кроме закрепленного в качестве именного компонента винительного без предлога: *брать/взять верх над кем-либо, спустить шкуру с кого-либо, ставить/поставить крест на ком-, чем-либо, развязывать/развязать руки кому-либо и под.*

Обсуждаемые понятия косвенно связаны с методом передачи индивидуального значения процессуального фразеологизма. Его обычно называют методом семантической идентификации, отождествления. Исследования семантической структуры фразеологических единиц последнего времени показали, что индивидуальное значение фразеологизма не тождественно значению отдельного слова, а только синонимично ему. Полагаем, что неправомерно устанавливать прямое соответствие форм косвенных падежей при процессуальных

фразеологизмах винительному падежу без предлога при синонимичном глаголе, передающем значение фразеологизма, хотя оно возможно и часто наблюдается: *втирать очки кому-либо* – *обманывать кого-либо*, *надевать/надеть хомут на кого-либо* – *подчинять/подчинить кого-либо своей воле*, *срывать/сорвать личину с кого-либо* – *разоблачать/разоблачить кого-либо* и т. д., но не обязательно, так как в вариантах толкования фразеологической единицы могут быть использованы формы разных падежей, сохраняющих при этом значение прямого объекта, например, *мозолить глаза кому-либо* – *'надоедать кому-либо своим постоянным присутствием'* или *'нервировать, раздражать кого-либо своим постоянным присутствием'*. И наоборот, наличие винительного падежа без предлога при процессуальном фразеологизме не всегда соответствует той же падежной форме при синонимичном глаголе: *держаться в черном теле кого-либо* – *'строго, сурово обращаться с кем-либо'*, т. е. метод семантической идентификации не может являться основополагающим для квалификации объекта и переходности фразеологических единиц. Как видно, при синонимизации обе процессуальные единицы – глагол и фразеологизм – остаются объектными, получающими семантическую самостоятельность в сочетании с объектом, при этом падежная форма последнего предопределяется содержательными и грамматическими свойствами процессуальной единицы. Если сравнить синонимичные или варианты процессуальные фразеологизмы, то можно обнаружить, что при тождестве семантики зависимых от них компонентов форма объектов не всегда совпадает. Так, например, фразеологизмы-синонимы *возводить/возвести поклеп на кого-либо*, *катить бочку на кого-либо*, *вешать (повесить) всех собак на кого-либо* имеют одинаковую форму и семантику объекта: винительный падеж с предлогом в словосочетаниях с приведенными единицами в качестве главных компонентов обозначает лицо, подвергающееся необоснованным, несправедливым обвинениям. *Кстати, стряпухата давеча возвела на Аполлинарию явный поклеп – будто она набрала себе каких покрепче (Катаев)*. – *Зря, значит, – говорю я Фомичу, – навешали на него (Пейна – И.К.) всех собак? (Урнов)*. – *На кого бочку-то катишь? Не-е! Ты посмотри-ка, мать, – это же настоящий бунт! (Шишков)*.

При фразеологизмах-синонимах *воротить нос от кого-либо*, *ни во что не ставить кого-либо*, *смотреть сверху вниз на кого-либо* с семантикой *'относиться к кому-либо с пренебрежением, презрением'* употребляются разные падежные формы, но имеющие тождественное значение – значение объекта негативного отношения. *Каждый день она точила мужа, точно моль сукно, устраивала ему скандалы и не ставила его ни во что (Новиков-Прибой)*. *С того разговора прошло пять лет и два похода. Но хотя Задирако считался уже опытным*

полярником, даже самые зеленые новички смотрели на него сверху вниз, настолько безобидным и беззащитным выглядел этот долговязый, худой и чудовищно доверчивый взрослый младенец (Санин). *И Леватов тоже... Чистоплюй, ляговщина. От мужика нос воротит (Коробейников)*.

Фразеологические варианты *дать (здать) березовой каше кому-либо* и *угостить (накормить) березовой кашей кого-либо*, имеющие значение *'наказать кого-либо розгами, высечь'*, также употребляются с разными падежами (дательным и винительным), при этом тождество семантики объектных форм является очевидным. [*Марфа Ивановна:*] *Пошли его сюда.. уж я ему дам, разбойнику, березовой каше! (Лермонтов)*. *Полковник Пятигорский был неумолим. Он умел и «жару задать», и «прописать ижсицу», и «угостить березовой кашей» (Харджиев)*.

Таким образом, объект в любой форме является семантически обязательным, восполняющим значение процессуального фразеологизма или глагола, т. е. «прямым», а сама единица – объектной, «переходной». Винительный беспредложный лишь одна из форм (хотя и наиболее продуктивная в русском языке) выражения объектных отношений. Понятия же объектность и переходность соотносятся как общее и частное, переходность мы рассматриваем как частный случай объектности.

¹ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 352.

² Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. С. 39–310.

³ Гайсина Р.М. Лексико-грамматическое поле глаголов отношения в русском языке. Саратов. Изд-во Саратовского университета, 1981. С. 196.

⁴ Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. С. 240.

⁵ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. С. 280.

⁶ Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. С. 144.

⁷ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 220.

⁸ Бондарко А.В. Русский глагол / под ред. проф. Ю.С. Маслова. Л.: Изд-во «Просвещение», 1967. С. 192.

⁹ Грамматика русского языка: в 2-х т. / Редкол.: В.В. Виноградов и др. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1960. С. 720.

¹⁰ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. С. 720.

¹¹ Мухин А.М. Системные отношения переходных глагольных лексем /на материале английского и русского языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 292.

¹² Бажуткина Г.В. К специфике падежного значения в окружении глагольных фразеологизмов // Лингвистический сборник. Вып. 9: Проблемы лексикологии и семаологии русского языка. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1977. С. 83–87.

Поступила в редакцию 11 февраля 2010 г.

ЯВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМ СКЛОНЕНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В.И. Томашпольский, О.С. Вейнгант

PHENOMENA AND PROCEDURES OF THE PREDICATIVE DECLENSION BASED ON THE INFINITIVE IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURES

V.I. Tomashpolskiy, O.S. Weingart

Посвящена механизмам предикативного склонения, основанного на использовании инфинитивных конструкций, обнаруженных к настоящему моменту во многих языках мира. Здесь представлены основания типологии данных конструкций согласно характеру входящих в них глагольных элементов. Работа в данном направлении представляется хорошей возможностью учета самых разных явлений, подпадающих под понятие «сложной предикации» и предполагает последовательное изучение инфинитивных предложений в рамках различных теоретических подходов как на материале родственных языков, так и на чисто сопоставительной основе.

Ключевые слова: неличные формы глагола, бессоюзная синтаксическая связь, инфинитивные конструкции, надежная грамматика, предикативное склонение, полипредикативность, «свернутые» предикативные структуры.

The article deals with procedures of the predicative declension based on infinitive constructions. Complex verb constructions are found in many of the world's languages. We now have the beginnings of a typology of such constructions, ranging from the different types of verb elements. With work in this area it is a good opportunity to take stock of the various phenomena which come under the label of "complex predicates". Work has been progressing on studies of complex verb constructions from several different theoretical perspectives, in different language families and in contrastive frameworks.

Keywords: non-finite verbal forms, syntactical constructions of expressive asyndeton, infinitive constructions, the case grammar, the predicative declension, the polypredicativity, «compressed» predicative structures.

Общеизвестно, что сочинение и подчинение предложений могут осуществляться двумя принципиально различными путями: при помощи союзов и союзных слов, с одной стороны (придаточные дополнительные, относительные и обстоятельственные), и без них – с другой (так называемые бессоюзные предложения). Бессоюзный способ, в свою очередь, имеет тоже различные формы. Одной из таких форм являются специальные предикативные показатели (т. е. особые формы глагола), сами по себе выражающие то или иное соотношение с глаголом, например, герундий (обороты, выражающие обычно временной или пространственный дейксис и имеющие обстоятельственную направленность). Другой формой

бессоюзного подчинения является оформление предиката подчиненного предложения теми же показателями отношений (включая и определенное местоположение), которые служат для подчинения имени, т. е. склонение. Последний способ, представляющий особый интерес для нашего исследования, получил распространение в самых разных языках, удаленных друг от друга как во времени, так и географически. Флективные: французский, английский и русский языки. Агглютинативные: турецкий, алтайский, бурятский, японский. Аналитические: романские, болгарский, датский. Синтетические: немецкий, балтийские, славянские. Древние: латинский, древнегреческий.

Томашпольский Валентин Иосифович, докт. филол. наук, проф. кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета.

Вейнгант Ольга Сергеевна, ст. преподаватель кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета. Научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Томашпольский В. И. E-mail: veingart_o@mail.ru

Valentin I. Tomashpolskiy, PhD (Russian philology), professor of the chair of the General Linguistic, South Ural State University.

Olga S. Weingart, General Linguistic, chair lecturer South Ural State University. Scientific Supervisor – Prof. Valentin I. Tomashpolskiy, PhD (Russian philology). E-mail: veingart_o@mail.ru

**Явления предикативного склонения
на примерах некоторых разноструктурных языков**

Оборот Accusativus cum infinitivo в Евангелие от Луки греческого текста: δεῖ εἶναι με (Лк 2.49) – букв. Надлежит быть Меня. Оборот с родительным падежом, из Одиссеи Гомера: θεόθεν δ' οὐκ ἔστ' ἀλέασθαι – букв. От ниспосылаемого богами не есть убежать. = Но судьбы избежать невозможно.

В латинском языке Accusativus cum infinitivo: Pater videt librum a filio legi. – Отец видит, что книга читается сыном. Pater filio dixit, se erravisse. – Отец сказал сыну, что он (отец) ошибся. Nominativus cum infinitivo: Intellego, me timidum fuisse. – Я понимаю, что я был труслив.

В старославянском языке Nominativus cum infinitivo в паре с дательным падежом, из актов хозяйства боярина Морозова: А пахать де было ему та пашня сабоу на себя. Nominativus cum infinitivo, в поэзии 18 века: Два мыса зрятся быть самих небес подпорой.

В английском языке Nominativus cum infinitivo: Ambassadors are said to be the eyes and ears of states. – Послов называют глазами и ушами государств. Accusativus cum infinitivo: I didn't want it to come out this way. – Я не хотел, чтобы так вышло.

Во французском языке Accusativus cum infinitivo: Je songe aux papiers peints, je les veux (être) clairs, monocolorés à la place des vifs. – Я бы хотел, чтобы обои были светлые и однотонные, а не пестрые и яркие. Nominativus cum infinitivo: Et les polars? Trois ministres seulement avouent s'y donner: [...]. – Что касается детективов, только три министра признаются, что читают их с удовольствием.

В русском языке различного рода дативные и дативоподобные конструкции: Я купил краски детям рисовать. Он нашел, чем нас удивить. Это ему решать. Она принесла нам поесть. Не знаю, что мне делать. Мать разрешила детям погулять. Нам предначертано судьбою сражаться, верить и любить. Он планирует быть первым в этом забеге. И это дом, который претендует называться домом образцового быта. Он мнит себя героем.

В эвенкийском языке различные падежи участвуют в склонении предложений: Би о-на-в орокон аяпчукан – букв. Я сделал очень красивая игрушка. = Игрушка, (которую) я смастерил, очень красивая.

В испанском языке: Miraba por la ventanilla, fingiendo distraerse en la contemplación de las estrellas. – Она смотрела в окно, притворяясь, что развлекается созерцанием звезд. Al oír le, el corazón me da un brinco en el pecho. – Когда я услышал его, у меня екнуло сердце. Le encontré a mi vecino suscribiéndose él a un periódico – оборот с герундием.

В японском языке различные падежи участвуют в склонении предложений: Муси-но нэ амэ-но готокү нагаруру-о кикан. – Послушаем, [как] жуужанье насекомых струиться, точно дождь¹.

В литовском языке, как и в русском, привычной парой являются дательный падеж и именительный/винительный: Man atsitiko vakar geras arklys pirkti – букв. Мне случилось вчера хороший конь купить.

В немецком языке после глаголов чувственного восприятия sehen, hören, fühlen в обороте Accusativus cum infinitivo: Ich sah ihn kommen. – Я увидел, что он идет. Wir hörten dich singen. – Мы слышали, как ты пел.

Понятие предикативного склонения

Исходя из постулата о том, что морфология – это техника синтаксиса, неудивительно, что сама возможность применения способа образования подчиненных предложений путем склонения связана с двумя явлениями морфологии: во-первых, с наличием склонения (флективного или агглютинативного в зависимости от того, к какому типу принадлежит язык: фузионному или агглютинирующему); во-вторых, с наличием особых форм глагола, одновременно сказуемых и номинативных (такowymi являются инфинитив и причастие). Таким образом, инфинитив или причастие в сложном предложении являются управляемым членом в общей системе членов сложного предложения и одновременно управляющим членом оборота, его свернутым сказуемым.

Сам термин «склонение», употребленный применительно к предикативным комплексам не является чем-то новым в лингвистике и впервые возник в тюркологии, а также при описании ряда синтаксических конструкций в алтайских, монгольских и японском языках. Авторы работ по данной проблематике: Е.И. Убрятова, Н.И. Фельдман, Г.Д. Санжеев, А.Н. Кононов, В.А. Аврорин, J. Deny, А. Рифтин, М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник и многие др. Основной особенностью является то, что все эти языки являются агглютинирующими. И здесь, по мнению М.И. Черемисиной², предикативное склонение представляет собою закономерное продолжение и развитие первичных механизмов агглютинации на одном из самых верхних ярусов языковой системы, когда основная масса моделей сложного предложения связана с использованием падежных аффиксов, встроенных в словоформу сказуемого зависимой части. Склонение в данной ситуации служит для связи не словоформ, а частей сложного предложения, что собственно и позволяет говорить о наличии предикативного склонения.

Под склонением понимается обычно система падежных форм определенных разрядов слов. Ей соответствует представление о парадигме той или иной части речи. В агглютинативных языках вся падежная парадигма вовлечена в процесс построения инфинитивных и причастных предложений, включая локальную падежную подсистему. Во флективных языках отнюдь не все падежи принимают участие в построении таких оборотов. Выбор падежа, точнее пары падежей в том или ином язы-

ке будет специфичен для каждого из них. При этом местоимение или существительное в определенном падеже является одновременно зависимым и управляющим членом оборота, причем в последнем случае падежный маркер относится ко всему обороту и распространяет на него роль актанта или сирконстанта.

Способность разных категорий слов принимать падежные формы связана с потребностью различать и маркировать синтаксические роли этих слов в речи³. Об этом в частности говорится в работах по падежной семантике: Ч. Филлмор, Э. Бенвенист, А. Зализняк, Е. Курилович, А.В. де Гроот, А. Ван Валин. Первичная функция падежей, рассматриваемая под таким углом зрения в этих работах, не достаточна по мнению М.И. Черемисиной. Анализ предикативного склонения выявляет необходимость противопоставления двух функций, выполняемых падежными формами: с одной стороны, это отношение участников действия к действию и через действие друг к другу (так выражается обычно внутренняя речь и косвенная речь), с другой – выражение разных обстоятельственных характеристик главного события в целом (так происходит компрессия двух соседствующих в тексте предложений – обстоятельного или фонового и основного). При этом неизбежно деление падежей на субъектно-объектные (актантные) и обстоятельственные (сирконстантные). Группу актантных падежей составляют для языков флективного типа: винительный, именительный и/ или родительный падежи, для агглютинативных языков: винительный, дательный, исходный и неопределенный падежи. Каждый из них в системе предикативного склонения выполняет свои особые функции, и все они связаны между собой тесными системными отношениями, природа которых существенно определяется залоговыми свойствами предикатов, управляющих этими падежами.

Важным является тот факт, что аффикс падежа, морфологически встроенный в словоформу имени или неличной формы глагола, или же любой другой показатель падежа словоформы функционально принадлежит всей «свернутой» предикативной единице.

Сущностные характеристики и двойственная природа неличных форм глагола

Помимо падежных аффиксов и склонения как такового немаловажную роль играют и сами неличные формы глагола. В агглютинативных языках это, как правило, причастия, а также так называемые имена наличия, отсутствия, обладания и т. д., близкие европейскому инфинитиву. Во флективных языках, а это большинство европейских языков, к которым относятся русский, французский и английский, в механизм склонения предложений вовлечен преимущественно инфинитив, но есть также и причастия в форме Ablativus absolutus: La salle ayant été complète, nous sommes sortis. Неличные формы гла-

гола во многом сохраняют его конструктивные возможности, некую модель управления в данном конкретном языке. К примеру, инфинитивы появились из падежных форм имен действия независимо друг от друга в разных, самостоятельно развивавшихся семьях языков, как составлявших в прошлом одно целое, так и не обнаруживающих никаких признаков родства друг с другом. Появление инфинитива в языке является потому характерным примером полигенеза⁴, свидетельствующего о действии общезыковых закономерностей. Инфинитив, следовательно, развивался в разных языках в результате их собственной внутренней эволюции, что не могло не сказаться в том числе и на особенностях синтаксиса рассматриваемых нами конструкций. Неличные (инфинитивные) формы глагола способны иметь свои зависимые слова, через которые осуществляется связь между двумя предложениями, а сами зависимые предикативные единицы при этом нередко трактуются как функциональные аналоги членов предложения.

Из приведенных выше примеров видно, что внешне разнородные конструкции несомненно обладают одним общим признаком, а именно – наличием некоторой дополнительной по отношению к предикативному ядру предложения, несамостоятельной предикативности, помещающейся за пределами формального сказуемого. До сих пор пользуется популярностью и доминирует в учебно-дидактической лингвистической литературе понимание таких конструкций как простые предложения, распространенные особыми морфологическими формами (деепричастиями, герундиями) или целостными оборотами (accusativus cum infinitivo, ablativus absolutus). Отсюда и используемый в литературе термин «осложненное предложение». Между тем в последние десятилетия все больше распространяется иной взгляд на эти синтаксические образования (Т.Б. Алисова, Е.А. Ронина, В.Г. Гак и др.). В соответствии с ним осложненные предложения – не результат распространения чего-то по природе опорного чем-то по природе подчиненным, а результат «конденсации»⁵ двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности, но всегда может быть развернут в полную предикативную конструкцию, сохраняющую с первой те же логические отношения причины, уступительности, цели, предшествования или одновременности. Подобного рода преобразования предложений в потоке речи являются своего рода универсалией, поскольку проявляются так или иначе в самых разных по структуре и удаленных во времени языках. В.Г. Гак ввел даже в этой связи специальный термин «полупредикативность»⁶, обозначающий, согласно его теории, особую и более сложную форму полипредикативности.

Глубинное тождество конструкций разных языков ощущали многие крупные лингвисты.

Ж. Вандриес, к примеру, считал, что «существует только один язык под всеми широтами, единый по своему существу»⁷. Вместе с тем, в силу принципиальной лабильности (нежесткости) систем естественных языков в каждом конкретном языке синтаксический механизм конкретной конструкции приобретает свои специфические черты как на шкале аналитизм–синтетизм, так и на шкале агглютинация–фузия. Более пристальное и масштабное изучение рассматриваемых в данной статье конструкций могло бы послужить, на наш взгляд, объектом интересных и важных типологических исследований синтаксиса языка и процессов синтеза речи. Это дало бы возможность изучения данных конструкций не разрозненно как это делалось до сих пор, а в сопоставлении нескольких сотен языков на качественно новой основе. Попытка выработки такой качественно новой основы лежит также отчасти и в сфере наших интересов.

Таким образом, в своем исследовании мы определяем, что предикативное склонение – это универсальный грамматический механизм, регулирующий использование падежных форм при построении различных типов полипредикативных конструкций в различных языках, независимо от их языковой группы, временной и пространственной локализации и т. д.

Мы исходим также из того, что характеристики предикативного склонения в рассматриваемых нами французском, английском и русском языках должны быть связаны с более общими характеристиками всего строя флективных языков в их противопоставленности языкам других типов, прежде всего агглютинативным. При этом принципиальным оказываются выбор падежа и деление падежей на субъектно-объектные (актантные) и обстоятельственные (сирконстантные), а также специфика инфинитива в каждом конкретном языке и глагольная семантика.

¹ Фельдман Н.И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке // Уч. записки ИВ АН СССР. М., 1952. Т. 4.

² Черемисина М.И. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984.

³ Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10.

⁴ Габинский М.А. Появление и утрата первичного балканского инфинитива. Л.: Просвещение, 1970.

⁵ Ронина Е.А. Косвенно-предикативные конструкции с неличными формами глагола в латинском и в испанском языках // Вестник Омского университета. 1996. № 3.

⁶ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.

⁷ Вандриес Ж. Язык, лингвистическое введение в историю. М., 1937.

Поступила в редакцию 26 мая 2010 г.

ИНФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Р.Д. Шакирова, Р.Р. Ахунзянова

INFERENCEALITY AND THE MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE ENGLISH LANGUAGE

R.D. Shakirova, R.R. Akhunzyanova

Рассмотрены средства выражения инференциальности в современном английском языке. Установлена способность эпистемических модальных операторов маркировать инференциальное значение наряду с модальной семантикой. Представлены типичные контексты и синтаксические особенности соответствующего функционирования лексических и лексико-синтаксических средств.

Ключевые слова: инференциальность, логический вывод, эпистемические модальные операторы, модальные глаголы, модальные слова, типичный коммуникативный контекст, лингвистический контекст

The article deals with the means expressing inferentiality in the modern English language. The capability of marking inferential meaning alongside with modal semantics of the epistemic modal operators is found. Typical usage contexts as well as the syntactical peculiarities of the corresponding inferential functioning of the lexical and lexico-syntactical language units is presented.

Keywords: inferentiality, logical conclusion, epistemic modal operators, modal verbs, modal words, typical communicative context, linguistic context

Одним из способов получения знания об окружающем мире для человека является чувственное познание. Полученная при этом информация характеризуется наибольшей степенью достоверности, хотя такое познание ограничено состоянием мира «здесь и сейчас». Важнейшим фактором, обуславливающим выход за пределы наличной ситуации и приобретение новой информации, является способность человека к инферентивной деятельности. Инференция как когнитивная операция представляет собой логический вывод о существовании факта на основе интерпретации других связанных с ним явлений. Подобное умозаключение позволяет как восстановить ситуацию, предшествующую моменту вывода, так и приобрести одновременную ему информацию, а также сделать прогноз относительно последующих событий. Инферентивная деятельность значительно расширяет познавательные возможности человека,

несмотря на то, что во многих случаях полученная таким образом рациональная информация не обладает достаточной степенью достоверности и носит характер субъективного предположения, которое может найти в дальнейшем подтверждение или опровержение в материальной действительности. В настоящей работе систематизируются средства выражения инференциальности в современном английском языке.

Говоря об инференциальности, следует заметить, что, несмотря на обращение к данному понятию еще этнолингвиста Ф. Боаса¹ в работе, посвященной исследованию языков американских индейцев, до сих пор среди лингвистов не сложилось единого взгляда на данную категорию. Расхождения касаются, главным образом, видения семантического объема категории разными исследователями. Во многих работах под инференциальностью понимают выводное знание, полученное

Шакирова Резеда Дильшатовна, докт. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГОУ НГПИ (Набережные Челны). E-mail: rez-shakirova@yandex.ru

Ахунзянова Раиса Рустямовна, ассистент кафедры иностранных языков ГОУ НГПИ (Набережные Челны), асп. кафедры контрастивной лингвистики и переводоведения ТГГПУ (Казань). Научный руководитель – докт. филол. наук, доцент Шакирова Р.Д.

Rezeda D. Shakirova, PhD, associate professor, head of sub-department of foreign languages (Naberezhnye Chelny State pedagogical Institute). E-mail: rez-shakirova@yandex.ru

Raisa R. Akhunzyanova, Foreign Languages Chair assistant teacher (Naberezhnye Chelny State pedagogical Institute), Contrastive Linguistics and Translation Study Chair postgraduate (Tatar State Humanitarian Pedagogical University), Scientific Supervisor – Rezeda D. Shakirova, PhD (German philology).

путем умозаключения на основе собственных сопоставлений, независимо от характера привлекаемых при этом посылок и цели вывода. В качестве возможных посылок указываются знания, собственный опыт говорящего, наличие наблюдаемых фактов, связанных с предполагаемым фактом². Ряд исследователей предлагают разграничивать типы умозаключений. Так, в работах В.А. Плуногьяна³ и В.С. Храковского⁴ фиксируется различие двух типов вывода: инферентива, суждения о наличии факта по наблюдаемым его результатам, и презумптива, суждения общего характера, основанного на личном знании мира. Другое разделение предлагает А.А. Сусов⁵, который выделяет инферентив, вывод-предположение относительно причины, и прогноз, вывод-предположение относительно следствия. Мы склоняемся к мнению, что суть инференциальности заключается в выводном характере получаемого знания. Безусловно, к сфере инференциальности следует отнести значения эксплицитного указания на источник сведений говорящего, полученных в результате логического вывода. Поскольку во всех приведенных случаях логический вывод делается говорящим на основе собственного сопоставления посылок, все названные значения можно признать инференциальными. Различие же характера посылок или результата вывода представляется частным дроблением одного и того же понятия инференциальности.

Во многих языках мира функционируют специализированные грамматические формы, главным образом, морфологические средства, базирующиеся на формах перфекта, для экспликации инференциальной семантики. Что касается английского языка, то обозначение инференциальности в нем носит факультативный характер. Как показывают проведенные нами исследования языкового материала, инференциальная семантика в английском языке может выражаться эпистемическими модальными операторами – модальными словами и глаголами – параллельно с актуализацией ими модального значения достоверности. Характерно, что основными средствами реализации инференциального значения в ситуации реконструкции события являются средства, эксплицирующие высокую степень вероятности, что естественно в силу того, что непосредственный контакт и личное наблюдение объекта оценки являются надежной гарантией адекватности вывода.

Основным средством экспликации инференциальной семантики на лексико-грамматическом уровне является модальный глагол *must*. Высказывание, базирующееся на анализе наблюдаемых фактов, является типичным контекстом употребления данной языковой единицы. Выявлены следующие характерные коммуникативные ситуации реализации подобного логического вывода: ситуации реконструкции предшествующего хода событий, установления причины наблюдаемого следствия, узнавания, оценки психо-эмоционального или физического состояния лица, количественных параметров, определения местонахождения объекта.

Так, в следующем примере визуальное наблюдение в архитектуре дома элементов стилей, принадлежащих различным эпохам, приводит говорящего к логическому заключению о том, что дом неоднократно перестраивался или реставрировался в различные периоды времени: ... I noticed the strangeness of this house. I had assumed at first glance that it belonged to the nineteenth century, but I could see now that it was not of any one period. The door and fanlight seemed to be of the mid eighteenth century, but the yellow brickwork and robust mouldings on the third storey were definitely Victorian; the house became younger as it grew higher, in fact, and *must* have been rebuilt or restored in several different periods (P. Ackroyd «The House of Doctor Dee»). В другом примере делается логический вывод о том, что говорящий по неосторожности причинил резкую и сильную физическую боль другому лицу на основании наблюдения того, как глаза человека сузились, изменились в цвете и наполнились слезами: Her elbow stung, and *must* have hurt him, for his eyes watered and narrowed so their tawny color disappeared (J. Updike «Seek My Face»).

Характерным для модального глагола *must* является регулярное эксплицитное отражение обоснования вероятностной оценки в сопутствующем лингвистическом и/или коммуникативном контексте. Обоснование может быть представлено в лингвистическом контексте посредством придаточных предложений причины, вводимых союзами *because*, *for*, придаточных предложений условия с союзом *if*: She *must* then have dozed off, for she woke again at the distant sound of a car and knew it must be the Bookers leaving for their flight (N. Evans «The Horse Whisperer»); She *must* have been staring at him because he said, 'Dodi, whatever is the matter with you?' (M. Barrett «The Dream Catcher»); If I've really been asleep for two days, I *must* be very, very sick. Healthy people don't sleep for two days (G. Blunt «Forty Words for Sorrow»). Помимо этого, обоснование может быть оформлено в виде главной части сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным, со сказуемым, выраженным глаголом типа *to suggest* или главной части сложноподчиненного предложения с придаточным следствия с союзами *so ... that*: Sally had to discipline herself not to stare at the man's boots – oversized and black with an obsidian gleam, they reached up almost to the knee and suggested that a detachment of cavalry must be waiting outside, poised for his word (D. Galbraith «A Winter in China»); It was so small and so quick that Annie thought she *must* have imagined it (N. Evans «The Horse Whisperer»). Основание оценки может быть эксплицировано посредством части сложносочиненного предложения, предшествующей логической связке *so*, либо части предложения, предшествующей обстоятельству следствия, выраженному инфинитивом: She didn't know how long they'd ridden. The sun was high so it *must* be some hours (N. Evans «The Horse Whisperer»); There were more palm trees out there, tousled and spindly,

their grey bark looking thick and tough as elephant hide. A hardy breed they *must* be, to survive in this cold northern clime (J. Banville «The Sea»). И наконец, обоснование может выступать в предложении в качестве дополнения с предлогом *from*; From the blood it was trailing, he knew it *must* be badly hurt (N. Evans «The Horse Whisperer»).

Относительно временной дистрибуции глагола *must* отметим, что он не употребляется в инференциях, касающихся будущего времени.

Синонимом глагола *must* в отрицательных высказываниях можно признать модальный глагол *can* (*could*). Он эксплицирует уверенное логическое недопущение вероятности соответствия факта материальной действительности, основанное на очевидных данных. Так, в приведенном ниже высказывании вывод базируется на сопоставлении полученной ранее сенсорной информации с данными визуального наблюдения в момент речи: «The man I saw that night *can't* have been Canon Pennyfather», said Miss Marple. «Not if that's Canon Pennyfather now.» (A. Christie «At Bertram's Hotel»). Следующий пример представляет собой восстановление в памяти прошлых событий, основанное на данных наблюдения – признаках, указывающих на время суток: But wait, this is wrong. This *cannot* have been the day of the kiss. When we left the picture-house it was evening, an evening after rain, and now it is the middle of an afternoon, hence that soft sunlight, that meandering breeze (J. Banville «The Sea»).

Форма глагола *could* выполняет инферентивную функцию при изложении событий в прошедшем времени: But this person before me *could not* have been that child, who by now, would be, what, in her fifties? (J. Banville «The Sea»). В приведенном примере выводится инференция о том, что стоящий перед говорящим человек не может быть ребенком, которого он знал в детстве, на основании сопоставления данных зрительного восприятия и знания о том, что этому человеку должно было бы быть сейчас около пятидесяти лет.

Касательно других модальных глаголов английского языка отметим, что инференция на основе перцептивной деятельности не является характерным типом логического вывода для них. Вместе с тем ресурсы художественного текста позволяют зафиксировать отдельные случаи маркирования инференциального значения глаголами *should*, *ought to*, *may* (*might*). Так, в следующем примере на основе наблюдения серьезного выражения лица, чрезвычайно трепетного и бережного отношения к листу бумаги автор высказывания заключает, что содержание написанного на листе бумаги должно сильно взволновать, потрясти героя: From the solemn air with which Stamp had unfolded the paper, the tenderness in the old man's fingers as he stroked its creases and flattened it out, first on his knees, then on the split top of the piling, Paul D knew that it *ought* to mess him up. That whatever was written on it *should* shake him (T. Morrison «Beloved»). Инференция, базирующаяся на наблюдаемых действиях лица, выводится и в следующем

высказывании с глаголом *may*, где обоснование оценки представлено в виде придаточного предложения причины с союзом *for*: ... Garmony leaned back, beaming as he pumped the composer's hand, and called out to the aide, 'Mr. Linley has kindly accepted an invitation to dinner.' This last *may* have been an agreed code, for the young man stepped across promptly to usher Clive away while Garmony turned his back on him to say to the journalists, 'A great man, Clive Linley. ...?' (I. McEwan «Amsterdam»).

Говоря о лексических средствах реализации инференциального значения, следует, прежде всего, выделить модальные слова *evidently* и *obviously*, для которых высказывание, базирующееся на логическом анализе наблюдаемых фактов, является типичным контекстом их употребления.

Основным предназначением модального слова является его функционирование в высказывании, представляющем собой попытку объяснения данных наблюдения, восстановления причины наблюдаемого следствия. Так, восприятие выходящих из дымохода сажи, странных камней и осколков кирпича позволяет сделать логический вывод о том, что камин уже долгое время не ремонтировался: She, Tuppence and Mr. Perry all stared at the grate. From the chimney had come down a mass of soot, of odd rubble and of broken bricks. *Evidently* it had been in a bad state of repair for some time (A. Christie «By the Pricking of my Thumbs»). В другом примере созерцание заброшенного состояния некогда ухоженного сада приводит к логическому заключению о том, что довольно молодые хозяйки уже не в силах обрабатывать столь большую площадь земли: A shrubbery, a drive of speckled laurels, no doubt there had once been a well kept lawn and paths, a kitchen garden of about an acre and a half, too big *evidently* for the three sisters who lived here now (A. Christie «Nemesis»).

Необходимо указать на то, что логические посылки, лежащие в основе инференции, неизменно присутствуют в контексте. Обоснование может быть отражено в контексте сверхфразового единства либо в контексте самого высказывания в виде придаточного предложения причины, введенного союзом *for* или *because*, а также дополнения с предлогом *from*: *Evidently* she passed the test for she was given a number, a locker key for which she had to pay a quarter deposit, and told to report the next day at five o'clock (B. Smith «A Tree Grows In Brooklyn»); *Evidently* he could hear John's footsteps in the hall, because he shouted through the closed door, «I want Mommy!» (J. Arnold «Father Christmas»); Kerans took the magazine propped against Beatrice's knee and leafed through it idly. It was a forty-year-old issue of Paris Vogue, from its icy pages *evidently* kept somewhere in cold storage (J.G. Ballard «The Drowned World»).

В отличие от модального слова *evidently* модальное слово *obviously* служит маркером инференциального значения в высказываниях, основанных на интерпретации очевидных данных для объяснения с их помощью неких других фактов. Другими словами, речь идет о выведении следст-

вия из сопоставляемых посылок. Так, характерной является ситуация предположительной оценки качеств личности, в частности интеллекта, основанная на наблюдении поведения: He's incredibly nice, looks great, he's *obviously* smart (D. Steel «Dating Game»). В другом высказывании на основании наблюдения того, как служащие общаются с персонажем произведения, делается логический вывод о том, что последний хорошо знаком с персоналом аэропорта и очевидно не раз являлся их клиентом: He greeted the ground staff, who *obviously* knew him, handed over his suitcase and his hold all to put in the hold and took is boarding pass (M. Barrett «The Dream Catcher»).

Отметим, что для модального слова *obviously* не характерно эксплицитное представление обоснования инференции. В подавляющем большинстве случаев посылки для умозаключения логически восстанавливаются из коммуникативного контекста.

Употребление в высказывании, базирующемся на анализе перцептивных данных, является характерным и для модального слова *definitely*. Одной из типичных коммуникативных ситуаций такого использования является ситуация оценки психоэмоционального или физического состояния лица на основе внешних проявлений. Так, в приведенном далее высказывании наблюдение неловких движений рук при попытке зажечь сигарету с помощью зажигалки приводит говорящего к заключению об их болезненном состоянии: *She's lighting another cigarette, fumbling with the lighter. Definitely her hands are getting worse* (M. Atwood «The Handmaid's Tale»). В следующем примере наблюдаемое поведение человека указывает на то, что слова говорящего глубоко заделали его: And I remember *his voice cracked* as he said this. He was *definitely* disturbed at what I had said to him and I didn't really think I had said that much. *He put his hands in his pockets and pulled his hat down over his eyes and walked away and went over and sat down someplace else alone*, and I thought, well, you know, forget about it, and I never said anything to him again *and he never said anything to me again* (N. Mailer «Oswald's Tale»).

Отметим, что обоснование, лежащее в основе инференционного акта, чаще всего наглядно представлено в контексте высказывания или сверхфразового единства: *Judging from the way her eyes were crinkling at the corners, she was definitely laughing under the square of linen* (J. Quinn «The Duke and I»).

Случаи функционирования в высказываниях, основанных на интерпретации наблюдаемых данных, фиксируются также у модальных слов *certainly, of course, apparently, probably, possibly, perhaps, maybe*, хотя контекст подобного употребления нельзя признать для них ведущим. В следующем примере с модальным словом *apparently* делается логический вывод о том, что сначала замерзла, а потом лопнула труба на верхнем этаже, на основании наблюдения очевидных следствий:

потоков воды, льющихся с потолка, и повсеместных следов разрушений: *Apparently* an upstairs pipe (in that cold little bathroom off Ethan's old room, Macon would bet) had frozen and burst, heaven only knew how long ago, and the water had run and run until it saturated the ceiling and started coming through the plaster. All over the room it was raining. Chunks of plaster had fallen on the furniture, turning it white and splotchy. The floorboards were mottled. The rug, when Macon stepped on it, squelched beneath his feet (A. Tyler «The Accidental Tourist»).

В приведенном ниже высказывании модальное слово *of course* служит показателем инферентивной деятельности говорящего. Очнувшись после долгого пребывания без сознания, он оценивает окружающую обстановку комнаты и уверенно заключает, что находится не у себя дома: «Dear me», said Canon Pennyfather to himself, suddenly solving the problem of the wardrobe. «How stupid I am! Of course, I'm not at home.» (A. Christie «At Bertram's Hotel»).

Следующее высказывание с модальным словом *probably* являет собой пример инференции, когда на основании аудитивного восприятия мягкого, несильного стука делается логическое заключение о том, что в дверь стучится ребенок: *Lady Jones went to the door expecting raisins. A child, probably, from the softness of the knock, sent by its mother with the raisins she needed if her contribution to the supper was to be worth the trouble* (T. Morrison «Beloved»).

Касательно модального значения представленных в работе языковых единиц отметим, что они обозначают разную степень уверенности говорящего в вероятности сообщаемого события.

Таким образом, модальные глаголы *must* и *can (could)* с отрицанием, а также модальные слова *evidently, obviously, definitely*, наряду с маркированием эпистемической модальности, сигнализируют о том, что высказывание сформулировано на базе логического умозаключения говорящего, посылками для вывода которого послужила его перцептивная деятельность.

¹ Boas F. Handbook of American Indian Languages. Part I / F. Boas. Washington, 1911.

² Эвиденциальность в тюркских языках / Х.Ф. Исхакова, Д.М. Насилов, И.А. Невская, И.В. Шенцова // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007.

³ Плулунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2003.

⁴ Храковский В.С. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие. СПб., 2003.

⁵ Сусов А.А. Многоуровневый анализ риторической структуры // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006.

Поступила в редакцию 19 февраля 2010 г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.131.1=50+8.11.133.1=40

ЗООНИМЫ И ОРНИТОНИМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА)

Е.М. Черникова, Н.В. Шатрович

ZOONYMS AND ORNITONYMS IN IDIOMS AS A WAY OF REVEALING LINGUA-CULTURAL INFORMATION (IN THE TEXTS OF ITALIAN AND FRENCH MASS-MEDIA)

E.M. Chernikova, N.V. Shatrovich

Рассматриваются основные зоонимы и орнитонимы, встречающиеся в текстах французских и итальянских СМИ, и дается их детальный анализ как одного из основных идеографических средств формирования языковой картины мира. Анализируются сходства и различия фразеологизмов, содержащих зоонимы и орнитонимы, в отражении культурно-национальной специфики данных этносов как репрезентации взаимозависимости между культурой и языком.

Ключевые слова: зооним, орнитоним, фразеологизм, языковая картина мира, национально-культурные особенности.

The article is dedicated to the main zoonyms and ornitonyms that can be revealed in the texts of Italian and French mass-media, and gives their detailed characteristics as one of the basic modes of the ideographic method of forming the world's linguistic image. The article gives also the analysis of common and different features of idioms containing zoonyms and ornitonyms, in revealing national-specific components characterizing these nations as the reflexion of correlations between culture and language.

Keywords: zoonym, ornitonym, idiom, world's linguistic image, national-specific features.

Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Язык как таковой является основанием культуры. Любой конкретный язык есть плод культурной эволюции соответствующего сообщества. В языке – в его словаре и грамматике – нам явлена картина мира сообщества, его, этого сообщества, кристаллизованный опыт.

Наиболее наглядно связь между языком и культурой обнаруживается в трудах В. фон Гумбольдта, который утверждал, что сумма всех слов,

язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека, что «изучение языка открывает аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке»¹.

Разные языки по-разному отражают мир и представляют собой разные культурные сценарии поведения и мировосприятия, таким образом, можно сказать, что языковая картина мира, являющаяся отражением социокультурных особенностей жизни того или иного этноса, заметно различается, что значительно затрудняет взаимопонимание и адаптацию к чужой культуре для людей, которые толкуют язык другого этноса в рам-

---

Черникова Елена Михайловна, канд. филол. наук. E-mail: acvos@chelcom.ru

Шатрович Наталья Владимировна, соискатель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – докт. филол. наук, профессор Р.К. Гарипов. E-mail: natchat13@list.ru

---

Elena M. Chernikova, candidate of philological science. E-mail: acvos@chelcom.ru

Natalia V. Shatrovich, competitor of the chair of general linguistics, SUSU. Scientific supervisor – PhD, professor R.K. Garipov. E-mail: natchat13@list.ru.

ках собственной языковой картины мира – то есть переводящих прямо, буквально на язык не только своих родных слов, но и своих привычек, взглядов, ценностей и предпочтений. Язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое, многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира², а понятия, отраженные в нем, складываются в определенную систему взглядов, своего рода философию присущую каждому конкретному этносу. Язык отражает и сохраняет реальный и культурный мир своего речевого коллектива и, являясь частью культуры различных народов, подчеркивает их самобытность, представляет различные стороны жизни и влияет, таким образом, на формирование, специфичной, присущей только данному этносу картины мира.

Картина мира – это целостный глобальный образ мира, который лежит в основе мировосприятия и мировидения человека, отражает основные сущностные характеристики мира в понимании его носителей, особенности восприятия этносом фактов окружающей реальности, является результатом мыслительно-интерпретативной деятельности человека.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в морфологии, и в синтаксисе, не исключая и фонетики. Однако наиболее ярко она проявляется в так называемых строевых единицах языка, т. е. в тех единицах, которые непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, называют предметы и явления окружающего нас мира. К числу строевых единиц языка принадлежат слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения). Строевые единицы языка, являясь результатом длительного развития, фиксируют и передают от одного поколения к другому общественный опыт, поэтому они важны не только как средство коммуникации, но и как источники различных общественно значимых сведений³. Можно утверждать, что национально-культурная семантика языка – это продукт истории, включающий в себя также прошлое культуры. И чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка.

Как уже было отмечено ранее, наиболее ярко языковая картина мира отражается в идиоматике языка, то есть в том слое, который, по определению, национально специфичен, в нем хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географи-

ческое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Изучение фразеологических единиц в различных языках имеет большое теоретическое значение, так как в них закреплены различные морфолого-синтаксические и семантические модели языка. Во фразеологических единицах выражаются особенности образного мышления народов определенных эпох. Изучение и познание этих особенностей позволяют проводить широкие сравнительно-исторические и сравнительно-типологические исследования и сделать глубокие этноязыковые и этногенетические обобщения. Фразеологическая картина мира берет свое начало в мировой культуре и истории, а также в культуре и истории национальной, присущей для того или иного этноса.

Фразеологизмы, под которыми понимаются особые сочетания слов, общее значение которых не выводится из самостоятельных значений каждого слова, относятся к так называемым прецедентным текстам, обладающим свойством воспроизводимости. Как правило, они имеют четкий источник происхождения, афористичный характер и служат одним из основных средств создания экспрессивности текста. Прецедентный текст сводит описываемую ситуацию к одному образустереотипу, замещающему в сознании носителя языка подробное описание. И в то же время, как утверждала В.Н. Телия, репродуктивно-продуктивное использование культурно-маркированных фразеологизмов в речемыслительной деятельности воспроизводит присущие для данного этноса взаимосвязи подобного рода фразеологизмов с предшествующим культурным дискурсом, отражающим культурно-социальные нормы этноса, и свидетельствует о том, что носители языка через образно-прототипические основания фразеологизмов ассоциируют с ними культурные смыслы, в них овеществленные и отраженные⁴.

Проводя культурологический анализ фразеологизмов с целью выявления закодированной в них лингвокультурной информации, мы раскрываем культурную значимость их сущности. Эта информация должна содержать сведения о концептуализированных сущностях, которые принадлежат культуре как таковой, но только в тех ее формах, которые воплощены в «языке» фразеологического знака языка, а одной из наиболее значимых составляющих подобной информации является культурно-родословная история языковых знаков⁵.

Фразеология – одно из самых ярких и действующих средств языка. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность – все эти свойства фразеологических единиц придают речи образность и выразительность.

Журналисты обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Сама природа фразеологизмов, владеющих явной образностью, стилевой окраской, создает предпосылки для их ис-

пользования в экспрессивной и до этого всего в художественной и публицистической речи.

Принципиальный признак фразеологии – метафоричность, образность. Необходимо выделить, что фразеологизм возникает в языке не для названия предметов, признаков, действий, а для образно-эмоциональной окраски их свойства. Появляется фразеологизм в итоге метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний. Фразеологические единицы русского языка – это микрообразы, языковые образные миниатюры. Н.М. Шанский характеризует их как «миниатюрные художественные произведения»⁶.

Говоря о газетном дискурсе нельзя не упомянуть о том, что одной из основополагающих функций СМИ является формирование общественных взглядов, создание сложной и многомерной картины мира, которая бы отражала мировоззрение и миропонимание каждого конкретного этноса. По мнению некоторых лингвистов, в последние годы XX и в начале XXI веков ментальность народов трансформировалась и развивалась под влиянием текстов средств массовой информации⁷. Еще В.В. Виноградов, утверждал, что «любая убеждающе-организующая массовая информация должна быть эмоционально-заражающей, а не только содержательно-рационалистической»⁸, следовательно, публицистический стиль должен выполнять две основные функции: информационную и воздействующую. Особой жизнью живут фразеологизмы в текстах средств массовой информации, в особенности в газетах. Можно утверждать, что газетный язык насквозь «фразеологизирован», поскольку «стандартность, «клишированность» многих газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка.

Основная задача журналиста состоит в том, чтобы показать читателю, что языковая картина мира, отраженная в тексте газетного дискурса, – это не плод его воображения, а реально существующая языковая действительность, фиксирующая концепты сознания всего этноса, отраженные в языке. Язык СМИ обладает свойством сочетать в себе две внешне противоречащие друг другу установки – на стандарт и экспрессию⁹.

Поскольку важнейшим условием успешной коммуникации СМИ является согласованность параметров адресата и адресанта, что включает в себя полное или частичное совпадение или достаточную близость их ментальных, концептуальных и когнитивных систем, то мы можем утверждать, что автор ориентируется на определенную модель мира, которая является отражением мировоззрений и взглядов читателя.

Тексты современных СМИ предстают как национальный поток сознания, в котором пересекаются и взаимодействуют факторы национальной картины мира, отраженные в сознании как автора, так и адресата (читателя). Публицистический текст

рассматривается как процесс и результат коммуникативного взаимодействия автора и адресата, как совокупность лингвокогнитивных структур, которые отражают «осколки» языкового сознания представителей определенной этносоциальной группы. И автор, и адресат представляют собой так называемые языковые базовые личности, то есть выступают в коммуникации как представители той или иной этнолингвистической группы, которой свойственен схожий способ картинирования окружающей действительности.

При проведении культурологического анализа следует отметить, что фразеологизмы включаются в культурный код бытия нации, в который входят антропоцентрический, соматический, зооморфный, природный, артефактный, церковный, мифологический и другие коды культуры.

Наименования животных (зоонимы) – один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Человек стремился к тому, чтобы охарактеризовать свое поведение, внешность, взгляды на окружающую действительность, а также дать характеристику другим индивидуумам, входящим в одну этнолингвистическую группу с ним, для чего он прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего и похоже на него самого – животным миром. Поэтому в языках разных народов можно найти значительное количество сравнений, пословиц, поговорок и фразеологизмов, включающих в свой состав зоонимы.

В итальянском и французском газетном тексте наличие наименований животных связано, по всей вероятности, со значимостью данных концептов для лингвокультуры обоих этносов. Человек не только отождествлял с животными себя и представителей своего этноса, но также использовал зоонимы для характеристики значимых концептов жизни. Так, например, зоонимы «собака» и «волк» встречаются в равной степени как в лингвокультуре Италии, так и Франции: фр. *«faire le jeune chien»* (быть взбалмошным, а досл. представлять собой молодую собаку), *«faire le chien couchant»* (низко кланяться, а досл. представлять собой собаку, которая ложится), *«le jeune loup»* (честолюбивый молодой политик, а досл. молодой волк); итал. *«cane grosso»* (большая шишка, а досл. большая собака), *«darsi ai cani»* (впасть в отчаяние, а досл. отдать себя собакам), *«mettersi in bocca al lupo»* (попасть в логово врага, а досл. поставить себя в пасть волка), *«vedere il lupo»* (перетрусить, а досл. увидеть волка). Наличие данных зоонимов в обеих лингвокультурах, вероятно, объясняется тем, что оба эти животных были значимы для обоих этносов, которые использовали их наименования для характеристики поведенческих установок и черт характера. Значимость этого зоонима, вероятно, объясняется тем, что в странах, которые активно занимались земледелием и в которых крестьяне исторически представляли собой значительную часть населения, волки являлись бедствием, с ко-

торым нужно было бороться всевозможными способами. И поэтому понятие «волк» приобрело ярко выраженный негативный оттенок, связанный с чувством опасности и враждебности. Также зооним, который является общим для лингвокультур обеих стран, – это зооним «кот»: фр. «*jeter un chat aux jambes*» (подложить свинью), а досл. кинуть кошку в ноги), ит. «*gatto selvaggio*» (забастовка то в одном, то в другом цехе, а досл. дикий кот). Кошка издавна символизировала свободу, независимость, а также взбалмошность и непредсказуемость, что и было отражено в данных фразеологизмах. Поскольку национальный характер культуры как «культурный инвариант» не отрицает взаимодействие языков и культур разных народов, а, наоборот, предполагает подобное взаимодействие, можно утверждать, что культуры разных этносов взаимно обогащаются до целостного фундаментального основания культуры, которое представляет собой мировую культуру¹⁰, то есть достижение всего человечества. Поэтому говоря о концептах, присущих языковой картине мира отдельных этносов, мы можем предполагать, что общее культурное основание, свободное от исключительности и односторонности, это та общая релевантная часть мировой культуры, которая объединяет отдельные картины мира разных этносов. Схожесть в концептах, характеризующих каждую отдельную картину мира, свидетельствует о наличии этой общекультурной и общемировой составляющей¹¹.

Основной признак фразеологии – метафоричность, образность. Необходимо выделить, что фразеологизм возникает в языке не для называния предметов, признаков, действий, а для образно-эмоциональной окраски их свойства. Появляется фразеологизм в итоге метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний.

Внутреннее содержание фразеологизмов отражает разнообразные стороны жизни людей (благоразумное или напротив глупое поведение, успех или неудачу), а также отношения между людьми (их жизненные впечатления и чувства), зачастую во фразеологизмах отражаются черты характера, которые представители этноса приписывают тем или иным животным, перенесенные на характер человека или на ситуацию, в которой они могут проявляться, например, фр. «*avoir mangé du lion*» (проявлять энергию, а досл. съесть льва), «*agir en renard*» (хитрить, лукавить, а досл. действовать как лисица), «*avoir de l'araignée*» (быть чудаковатым, а досл. иметь паука), итал. «*asino bardato*» (выскачка, а досл. разряженный осел), «*lasciarsi dietro lo strascico come le lumache*» (оставить о себе печальную память, а досл. оставаться за следом, как улитки), «*il giro di boa*» (критический момент, а досл. оборот удава): *Il giro di boa arriva uno o due anni prima dei 60*.

Представление о птицах как о воплощенных человеческих душах присуще многим народам

мира. Хотя в некоторых случаях птицы воспринимаются как предвестницы несчастья (вороны, грифы) или предсказательницы близкой смерти (в тех народных поверьях, по которым залетевшая в дом птица несет предвестие смерти), в большинстве культур птицам приписывается положительная коннотация как воплощение свободы, связи между человеком и небесами. Орнитонимы (наименования птиц) также характеризуют тексты СМИ Италии и Франции, входя в состав некоторых употребительных фразеологизмов, которые отражают культуроспецифичность мировосприятия этносами окружающей их действительности.

Так, орнитоним «воробей» характерен как для лингвокультуры Италии, так и Франции, поскольку мы можем констатировать наличие фразеологизмов, включающих этот орнитоним в текстах СМИ обеих стран: *cacciare le passere* (гнать грустные мысли, а досл. выгонять птичек семейства воробьиных), *l'épouvantail aux moineaux* (чучело гороховое, а досл. пугало для воробьев). Воробьи всегда присутствовали в культуре обоих этносов, поскольку являются неизменными атрибутами городского и сельского пейзажа. Восприятие воробьев как чего-то лишнего, мешающего, навязчивого связано, вероятно, с тем фактом, что воробьи всегда рассматривались как птицы-вредители, которые наносят вред посевам и которых нужно отгонять, чтобы люди не остались без пропитания на зиму. Подобная коннотация и была запечатлена во фразеологизмах как отношение человека к надоедливому присутствию этих птиц.

Также среди орнитонимов, которые характерны для лингвокультур обоих этносов, можно отметить понятие «сова»: *far civetta* (пригнуться, а досл. сделать сову), *le nid de hiboux* (заброшенный дом, мрачное место, а досл. гнездо сов): *Il ne faudrait pas jouer à des apprentis sorciers dans ce nid de hiboux*. В культуре народов сова изначально являлась символом мудрости, что было характерно, например, для Древней Греции и Рима, но затем коннотации, связанные с понятием «сова» трансформировались. Она стала рассматриваться как символ смерти, связанный с оккультными силами. Вероятно, это объясняется ночным образом жизни, который ведет сова, ее способностью видеть в темноте¹². В лингвокультуре Италии и Франции орнитоним «сова» отражает нечто непознанное, недоступное пониманию, но вместе с тем осторожное.

Орнитоним «жаворонок» характерен в большей степени для лингвокультуры Италии, причем в итальянских текстах СМИ это понятие встречается с отрицательной коннотацией: жаворонок представляется как нечто глупое, готовое бездумно идти за примером, который ему подадут, смотреть исключительно на внешнее проявление: *specchietto per le allodole* (приманка. ловушка, а досл. зеркальце для жаворонка): *Queste donne che sono scelte di persona e non come lo specchietto per le allodole*.

Во французской лингвокультуре отрицательную коннотацию содержит в себе орнитоним «индюк». Он выступает как воплощение глупости, напыщенности и предстает как номинация человека, который остается в дураках: *être le dindon de la farce* (остаться в дураках, а досл. быть индюком фарса): *A l'ère cyber on ne sait pas exactement qui finira dindon et de quelle farce*. Подобное представление об индюке и данный фразеологизм берут свое начало во французском фарсе средних веков, когда одними из основных персонажей фарсов были обманутые глупые мужья, которых называли «*père-dindon*». Также одним из орнитонимов, которые использовались для характеристики глупого человека, простофили, которого можно легко обвести вокруг пальца, является орнитоним «голубь»: *être le pigeon de l'affaire* (остаться в дураках, а досл. быть голубем дела). Голубь всегда считался символом невинности, чистоты и честности, вероятно, поэтому он стал рассматриваться как символ простодушия, что впоследствии переросло в символ глупости и неприспособленности к жизненным обстоятельствам. Такое представление о человеке, который остался в дураках, закрепилось в этнолингвистической картине мира в данных фразеологизмах.

Говоря о характеристиках, которыми представители итальянского и французского этноса наделили своих соплеменников, используя для этого фразеологизмы, включающие в свой состав орнитонимы, нельзя не отметить фразеологизм *soûl comme une grive*, в который входит орнитоним «черный дрозд». По мнению представителей французского этноса, живущие на воле черные дрозды могли опьянеть от зрелого винограда, тогда как дрозды, находящиеся в неволе, быстро привыкали к молодому вину. Образ, запечатленный и отраженный в данном фразеологизме весьма характерен для французской нации, отличающейся высокой культурой виноделия и потребления вина. В отличие от французской лингвокультуры, итальянская культура не сохранила отражение этой особенности дроздов, но для представителей итальянского этноса характерно восприятие этой птицы как воплощения наивности, граничащей с простодушием и глупостью: *andare a caccia di merli* (ис-

кать простаков, а досл. идти на охоту за дроздами). В целом, мы можем сделать выводы, что для итальянской лингвокультуры характерно восприятие певчих птиц (дрозд, жаворонок) и других небольших птичек (голубь, воробей) как чего-то поверхностного, неглубокого, как воплощение наивности и глупости, что и было отражено во фразеологизмах, содержащих данные орнитонимы. Для французской лингвокультуры характерно большее разграничение свойств и качеств, которые представители данного этноса приписывали птицам и затем переносили на стандартные ситуации жизни народа.

Таким образом, во фразеологических единицах выражаются особенности образного мышления народов определенных эпох. Изучение и познание этих особенностей позволяют проводить широкие сравнительно-типологические исследования и сделать глубокие этноязыковые и этногенетические обобщения.

¹ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 38.

² Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания сознания // Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 39.

³ Там же. С. 46.

⁴ Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция // Культурно-языковые слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 15.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Наука, 2002. С. 10.

⁷ Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: URSS: ЛКИ. – 2007. С. 10, 16.

⁸ Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1978. С. 57.

⁹ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.

¹⁰ Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Высш. школа, 2008. С. 15.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Тресиддер Дж. Словарь символов [Электронный ресурс]. URL: <http://slovoed.org.ua/>

Поступила в редакцию 20 апреля 2010 г.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 378.1

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

А.А. Ангеловский

ACMEOLOGICAL MODEL OF PROFESSIONAL SKILLS FORMATION OF TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A.A. Angelovskiy

Представлен анализ условий совершенствования профессионально-личностных характеристик преподавателя русского языка как иностранного, предпринята попытка поиска резервов повышения профессионального мастерства.

Ключевые слова: педагогическое моделирование, акмеологическая модель, преподаватель русского языка как иностранного, профессиональная компетентность.

The article analyses the conditions that improve the professional-personal characteristics of teachers of Russian as a foreign language. The author tries to search for the resources to raise professional skills.

Keywords: pedagogical modeling, acmeological model, teacher of Russian as a foreign language, professional competency.

В новых геополитических и социокультурных условиях преподаватель русского языка должен соответствовать избранной профессиональной миссии и быть готовым к решению многоаспектных задач обучения языку. Для того чтобы получить комплексное представление о деятельности и личности преподавателя, обучающего иностранных учащихся русскому языку, обратимся к проблеме моделирования его профессионального мастерства в условиях вуза.

В последние годы в отечественной системе профессионального образования наметилась тенденция к разработке различного рода моделей специалиста, предназначенных для наглядного и адекватного представления о его профессиональной деятельности и эффективной к ней подготовке.

Целью предпринимаемого нами педагогического моделирования является выявление необходимых условий для совершенствования профессионально-личностных характеристик преподавателя русского языка как иностранного (РКИ), поиска резервов повышения его профессионального мастерства на основе структурированной модели. В данной модели, которую мы рассматриваем как эталон, к достижению которого нужно стремиться,

должны найти отражение основные функции педагога и требования к нему, интегрированные профессионально-личностные качества и др.

Общей технологической основой проектирования являются идеи моделирования процесса формирования профессионального мастерства преподавателя русского языка как иностранного в вузе, изложенные в работах Т.М. Балыхиной, В.В. Молчановского, Е.И. Пассова¹.

Под моделью мы будем понимать специальные представления какого-либо объекта, реконструирующие его существенные (в определённом контексте) черты.

В основу анализа объекта описания с позиций системного и личностно-деятельностного подхода нами положены два аспекта:

– с точки зрения внешних связей (целей функционирования преподавателя в педагогической системе; его функциональных обязанностей относительно других компонентов этой системы);

– с точки зрения внутренней структуры объекта (психических, интеллектуальных составляющих готовности субъекта к профессиональной деятельности).

В контексте современных социокультурных и образовательных факторов руководящая роль пре-

---

Ангеловский Алексей Анатольевич, канд. пед. наук, заместитель директора лингвистического центра, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: ale-angelovskij@yandex.ru

---

Aleksey A. Angelovskiy, candidate of pedagogical science, deputy director of the Linguistic centre, SUSU. E-mail: ale-angelovskij@yandex.ru

подавателя в процессе педагогического управления заключается в том, чтобы оптимально соотнести общественные и индивидуальные потребности, скоординировать цели педагогические и учебные. Лишь при достаточном уровне сформированности профессиональной компетентности, мастерства преподаватель может быть готовым к решению многоаспектных задач обучения языку. Отсюда вытекает необходимость полного и точного осознания объективного содержания целей самим преподавателем.

Цели профессиональной деятельности и системные отношения (связи), в которые вступает преподаватель, определяют его функции в педагогической системе. Профессиональные функции преподавателя РКИ, рассматриваемые нами как профессиональные обязанности, отражают многоаспектные отношения, связи, которые устанавливаются у преподавателя со всеми сторонами его профессионально-педагогической деятельности: функциональной, предметной, личностной.

Так, в исследовании Т.М. Балыхиной подчеркивается, что специалист-филолог имеет широкое поле деятельности, что, в свою очередь, обуславливает совокупность выполняемых им функций: профессиональных, социальных, творческих, личностных².

Анализ педагогических функций применительно к преподавателю иностранного языка позволил исследователям (Е.С. Рабунский, К.И. Саломатов, С.Ф. Шатилов и др.) разделить их на две группы: целеполагающие и организационно-структурные функции³. В несколько расширенном варианте данные группы педагогических функций преподавателя в рамках его учебно-воспитательной деятельности представлены в профессиограмме, разработанной Е.И. Пассовым, В.П. Кузовлевой, В.Б. Царьковой⁴.

Л.Ф. Иванова, рассматривая деятельность преподавателя иностранного языка с точки зрения интегративного подхода, выделяет следующие функции преподавателя, которые он должен реализовать в образовательном процессе: коммуникативно-развивающая, диагностическая, прогностическая, организационно-интегративная, посредническая, рефлексивная⁵.

Интерпретируя специфику предмета «иностранного языка», Е.А. Маслыко рассматривает обучение учащихся иноязычной речи в контексте реализации таких функций языка, как коммуникативная, познавательная и экспрессивная. Коммуникативная функция преподавателя в педагогическом общении, отмечает ученый, становится средством управления собственно коммуникацией в широком смысле этого слова. Вместе с тем, это прежде всего профессиональное общение, отмеченное высоким профессиональным уровнем владения коммуникативными навыками и умениями, которые позволяют эффективно решать учебные и образовательные задачи⁶.

Мы исходим из того, что функциональная сторона деятельности преподавателя обусловлена спецификой учебного предмета «русский язык как иностранный», с одной стороны, и общепедагогическими функциями преподавателя вуза, с другой. Названные основания предполагают определение следующих профессионально-педагогических функций преподавателя русского языка как иностранного⁷.

1. Коммуникативно-обучающая функция является доминирующей в деятельности преподавателя русского языка как иностранного, она соотносится, с одной стороны, с практической целью преподавания, с другой – с предметом обучения, его коммуникативным, речевым и языковым содержанием.

2. Информационно-ретрансляционная функция деятельности преподавателя русского языка как иностранного состоит в передаче сведений о языке, истории, культуре, образе жизни, традициях, вкладе в мировую культуру страны изучаемого языка с учетом профессиональной ориентации учащихся, их групповыми и индивидуальными интересами и запросами. Характеризуемая функция отводит ведущую роль преподавателю как активному посреднику в происходящем в ходе учебного процесса диалоге культур.

3. Мотивационно-стимулирующая функция позволяет осуществлять управление по рефлексивному типу, поскольку мотивированность является одним из главных условий «обучаемости» языку при коммуникативно-деятельностном подходе.

4. Инструментально-адаптирующая функция в деятельности преподавателя русского языка как иностранного делает значимым использование учебных средств в системе обучения. Средства обучения рассматриваются как компонент учебного процесса и инструмент педагогического труда. Преподавателю-профессионалу принадлежит активная роль в адаптации, выборе и оптимальном включении этих средств (в соответствии с заданными целями) в процесс обучения на каждом конкретном этапе.

5. Функция самореализации и саморазвития заключается в осознании себя, своей деятельности в реальном учебном процессе, в регулировании собственных профессиональных действий и поступков, в самооценке, в осуществляемом на этой основе профессиональном самообразовании и самовоспитании.

Итак, выделенные профессионально-педагогические функции представляют собой взаимосвязанные, интегрированные проекции профессиональной деятельности преподавателя РКИ. Вместе с тем коммуникативно-обучающая функция является основополагающей, ведущей, определяющей все остальные. В содержательном аспекте профессиональные функции конкретизируют и раскрывают область специфического в дея-

тельности преподавателя РКИ, обуславливают решение многочисленных функциональных задач.

При структурировании модели формирования профессионального мастерства преподавателя РКИ в вузе, мы, учитывая специфические признаки дисциплины, соотносим понятия профессионального сознания и профессиональной компетентности, рассматривая последнюю как обладание знаниями, умениями, профессионально-личностными качествами, необходимыми в осуществлении педагогической деятельности – обучать иностранных учащихся русскому языку оптимальным образом в соответствии с конкретными целями и задачами его преподавания.

Обратимся к характеристике основных структурных компонентов, входящих в состав профессионального мастерства преподавателя РКИ. Успешность функционирования знаний будет зависеть от того, насколько они обрели личностный смысл, являющийся необходимым условием достижения результатов в решении разнообразных профессиональных задач. В качестве типологии профессионально-педагогических задач принято соотношение задач с профессиональными функциями, профессиональными специфическими обязанностями преподавателя. Мы к функциональным задачам относим коммуникативно-обучающие, информационно-ретрансляционные, мотивационно-стимулирующие, инструментально-адаптирующие, задачи профессиональной самореализации и саморазвития. Навыки при этом подходе обеспечивают педагогическую технику, т.е. субъективную техническую сторону решения типов профессионально-педагогических задач⁸.

Как отмечалось ранее, профессиональные функции и задачи, стоящие перед преподавателем, могут быть реализованы только при условии, если педагог обладает определенным набором свойств, входящих в структурно-содержательный состав профессиональной компетенции. В комплексе этих свойств различают универсальные и специфические качества:

- общепедагогические качества (знания, умения, способности, личные свойства, присущие любому педагогу);
- группа профессиональных качеств, универсальных для всех преподавателей, обучающихся языку (родному для учащихся или иностранному);
- группа специфических качеств, отличающих преподавателя, обучающего русскому языку иностранных учащихся, от всех других преподавателей.

При моделировании процесса формирования профессионального мастерства сделаем акцент на специфических чертах, присущих преподавателю русского языка как иностранного.

Как упоминалось выше, оптимальному уровню самореализации индивидуального потенциала преподавателя вуза способствует адекватным образом сформированная педагогическая позиция

(направленность), мотивационный комплекс личности, соответствующий основному содержанию профессиональной деятельности преподавателя. В ходе профессионализации происходит формирование структуры профессиональных мотивов и осознание их личностью; в результате устанавливается личностный смысл деятельности (по А.Н. Леонтьеву), что приводит к преобразованию и самой деятельности, и мотивационной сферы личности. «Очеловеченная», гуманистическая педагогика рассматривает учебную деятельность как искусство, как условие, позволяющее раскрыться и развиваться возможностям человека (и учителя, и ученика).

Исходя из своеобразия учебного предмета, профессиональное мастерство преподавателя русского языка проявляется в умении строить диалог разных индивидов, в которых отражаются их личностные и национальные позиции. Преподаватель сохраняет в личностно-профессиональных отношениях толерантность (от лат. *tolerantia* – «терпение»), которая понимается не только как «вынужденная терпимость, но и как признание другого мировоззрения как равноправного признания другой личности и культуры в качестве необходимых условий своего собственного существования в современном мире»⁹.

Более расширенное понятие категории «терпимость» трактуется как «моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей; выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения»¹⁰. Отсюда существенными характеристиками социокультурной толерантности являются: уважение к «другому»; принятие этнических и национальных особенностей, принятых в данном обществе; принятие различий в социальных и религиозных воззрениях.

Ученые отмечают, что этносоциокультурная область затруднений связана с особенностями этнического сознания, стереотипами, установками человека, проявляемыми в общении в конкретных условиях его социального и культурного развития (А.А. Акишина, Т.М. Балыхина, Г.М. Верещагин, В.В. Воробьев, Д.Б. Гудков, И.А. Зимняя, А.Ф. Зиновьева, В.Г. Костомаров, В.Г. Крысько, В.В. Молчановский, Е.И. Пассов, А.В. Сергеева, И.А. Стернин, А.И. Сурыгин, С.Г. Тер-Минасова, О.В. Харитоновна, А.Н. Щукин и др.). Важно отметить, что отсутствие или недостаточная сформированность толерантности самого преподавателя могут быть причиной развития интолерантного сознания учащегося, вследствие которого может возникнуть дискommуникация, т.е. нарушение хода иноязычного общения.

Осознание противоречивости, разноуровнево происходящих в межкультурном общении процес-

сов, позволяет более эффективно использовать его возможности. Воспитательно-образовательный потенциал и смысл оно приобретает, когда предстает как общение равноправных и равноинтересных участников и обращено к их взаимному преобразению и росту. Для преподавателя, который выступает в общении не только как профессионал, но и как личность, в сотрудничестве, взаимодействии содержатся серьезные стимулы и интенции для его личностного изменения, преобразования, роста.

В процессе межкультурного диалога задача преподавателя состоит в регулировании деятельности учащихся путем создания ситуаций, способствующих проявлению сдержанности, уступчивости, терпимости к «другому». Педагогическое управление приобретает характер поддержки, рефлексии, актуализации толерантной оценки изучаемых учащимися событий и фактов, а также толерантного поведения учащихся.

При формировании межкультурной (социокультурной) компетенции актуальной является малоисследованная проблема развития способностей к межкультурному общению. Развитие таких способностей предполагает формирование определенных качеств в личности (терпимости, искренности, эмпатии, готовности к общению, креативности, способности к рефлексии и др.)

Значимую роль в педагогическом взаимодействии играет высокий уровень сформированности педагогических способностей, они являются необходимым условием профессионализма, обеспечивая глубокое освоение умений, определяющих «повышенный уровень профессиональной компетентности»¹¹, успешность учебно-воспитательной деятельности, развитие творческого потенциала личности. В психолого-педагогической литературе традиционно называют четыре группы способностей преподавателя иностранного – русского языка:

– гностические способности предполагают педагогическую и методическую наблюдательность; методическую и лингвистическую память; педагогическое воображение; лингвистическое, педагогическое и методическое мышление;

– проектировочные (конструктивные) способности включают способности к педагогическому предвидению; методический прогноз; развитое педагогическое воображение; профессиональный ум, позволяющий оперировать лингвистическими, методическими и педагогическими понятиями при конструировании цикла уроков, отдельного урока, его фрагмента и т.д. В современной педагогической науке проектировочные способности признаются определяющими в достижении высокого уровня профессиональной компетентности, мастерства преподавателей¹²;

– организаторские способности предполагают способность понимать психологию людей, адекватно на нее реагировать; наблюдательность; склонность к организаторской деятельности; спо-

собность рационально организовывать и планировать свою деятельность и деятельность учащихся;

– коммуникативные способности означают способность к общению, установлению доброжелательных отношений с учащимися на основании их индивидуального опыта, возрастных, национальных, индивидуально-личностных особенностей; предвидение возможных конфликтных ситуаций в общении и стремление к их разрешению; педагогический такт, связанный с умением находить эффективные способы воздействия на учащихся и соблюдать педагогически целесообразную меру.

Обобщая изложенное, мы можем констатировать, что преподавание иностранного – русского языка должно быть ориентировано, прежде всего, на достижение взаимопонимания. Поэтому, разделяя точку зрения Е.И. Пассова, мы можем утверждать, что диалог культур – это процесс взаимодействия индивидуальностей, ситуативных позиций (со всеми их составляющими), менталитетов¹³. Все аспекты учебно-воспитательного процесса преломляются с позиций культурного диалога, т.е. взаимопонимания, поскольку в межкультурном общении отражены основные стороны профессиональной деятельности преподавателя РКИ (функциональная, предметная, личностная).

Совокупность профессионально-педагогических действий преподавателя способствует выявлению позиций (центраций, направленности), которые мы понимаем как систему сформировавшихся установок и ориентации, отношений и оценок внутреннего и социального опыта.

Профессиональная позиция (направленность), инварианты профессионально-педагогической готовности преподавателя РКИ, характеристика его педагогических способностей, профессионально-личностных свойств (эмпатичность, толерантность, креативность, увлеченность, способность к рефлексии, отношение к ученику как к уникальной личности и др.) позволяют выделить ряд тенденций развития профессионально-педагогической деятельности, адекватных коммуникативно-(лично)-деятельностному подходу обучения:

- ориентация педагогического проектирования на личность иностранного учащегося (его профессиональные интересы, коммуникативные потребности, уровень общеобразовательной и языковой подготовки, национально-культурные особенности, конфессионально-детерминированные традиции и др.), а не на функциональное выполнение им учебных операций;

- преодоление авторитарности как своеобразного «учительского комплекса», установка на межкультурный диалог с учеником; отказ от однозначной ориентации преподавателя на результат («модель ученика»);

- установка на поддержку мотивационной сферы учебного общения;

- культура предъявления образовательной

информации, учитывающей общечеловеческие и национальные ценности, педагогические традиции;

- устойчивое стремление к созданию атмосферы сотрудничества, построению равноправного общения; выраженная тенденция к созданию единства и предупреждению конфронтации;

- ориентация на развитие всех потенциальных возможностей учащегося, которое происходит в пространстве развития педагога, поскольку межкультурное общение способствует развитию всех субъектов данных отношений;

- готовность к творческому решению практических задач в постоянно меняющихся условиях обучения русскому языку иностранных учащихся;

- гибкость в выборе и использовании адекватных ситуаций, приёмов и средств обучения;

- способность адаптироваться к индивидуальным и национальным особенностям новых категорий учащихся;

- осознание того, что изменение «объектов воспитания» возможны лишь через самоизменение, а достижение профессиональной компетенции, мастерства – через свое «самоотрицание»¹⁴, через постоянную неудовлетворенность собой.

Таким образом, преподаватель РКИ, стремясь к самовоспитанию, самосовершенствованию, саморазвитию, должен иметь представление о препятствиях на пути к намеченным целям (как ближних, так и дальних) и ориентироваться в путях преодоления этих препятствий. Особо следует подчеркнуть стимулирующую роль педагогических трудностей, поскольку в процессе решения постоянно усложняющихся педагогических задач преподаватель использует компенсационные возможности, овладевает профессиональным мастерством, творчески растёт.

Из сказанного следует, что специфика содержания учебного предмета «русский язык как иностранный» предлагает свой набор компетенций, без которых адаптация и успешное выполнение многофункциональной профессионально-педагогической деятельности невозможны.

Собственно профессиональная компетентность – понятие многоаспектное, многоуровневое, в котором могут рассматриваться взаимосвязанные между собой компоненты, т. е. компетенции в различных областях знаний и деятельности. Разложение профессиональной компетентности на частные компоненты в контексте повышения квалификации преподавателя иностранного – русского языка было серьезным шагом вперед в осмыслении его многоаспектной деятельности.

Исходя из того, что системообразующим элементом профессиональной компетентности преподавателя иностранного – русского языка выступает совокупность профессиональных компетенций, Е.С. Полат в составе собственно профессиональной компетентности выделяет семь частных компетенций: коммуникативную, лингвистическую,

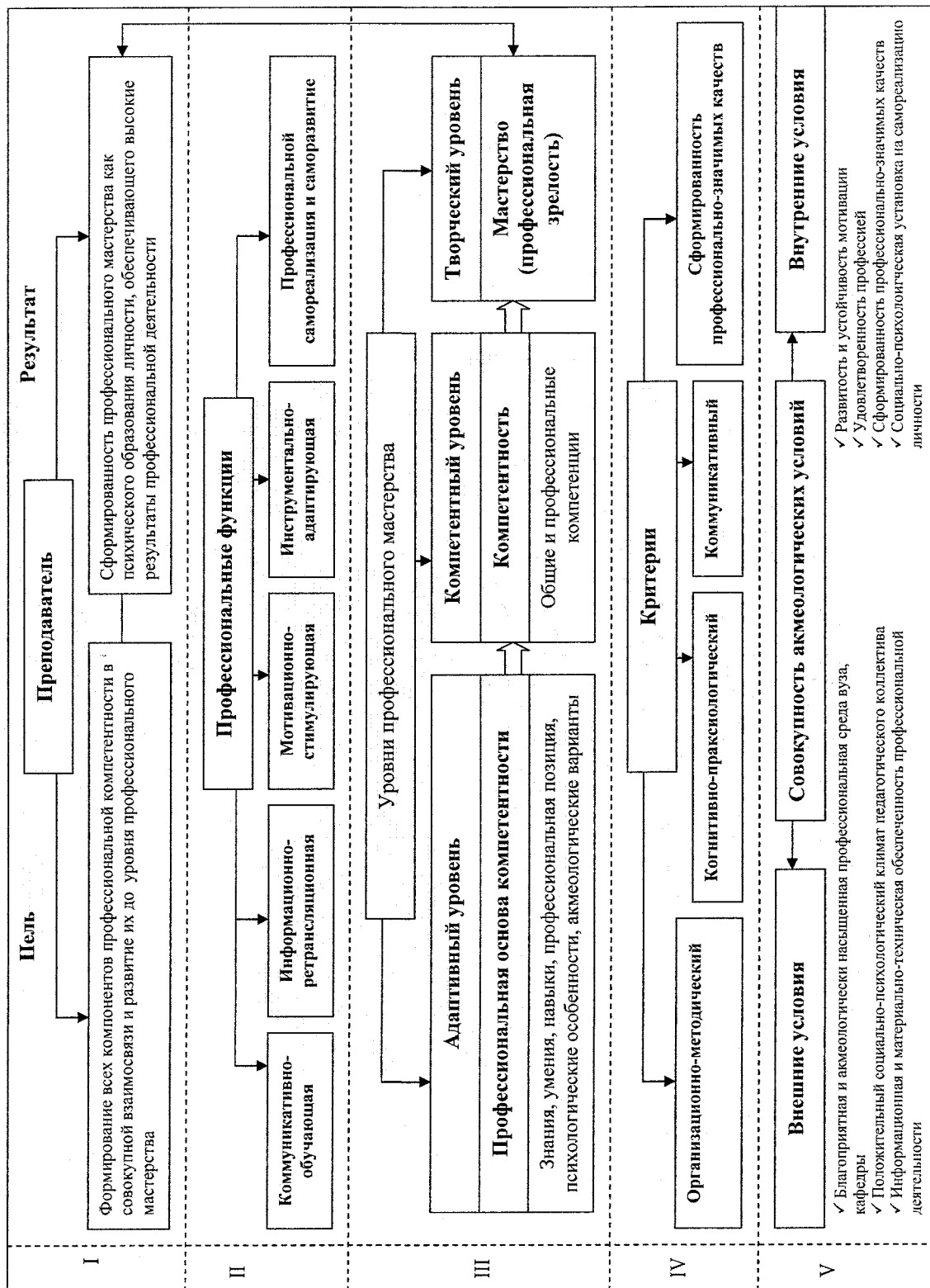
дискурсивную, социолингвистическую, социокультурную, социальную и компенсаторную¹⁵.

Однако основа профессионального мастерства преподавателя – это не механическая сумма всех элементов частных компетенций. Мы считаем, что динамика развития профессионализма преподавателя русского языка как иностранного определяется сменой репродуктивного уровня выполнения действий и операций творческим; гармонизацией и усложнением деятельностных и психологических компонентов высокоуровневой профессиональной компетенции. В силу этого происходит формирование профессионально-педагогического мастерства как нового психического образования личности, соответствующего требованиям эффективного педагогического труда.

Ярким показателем профессиональной зрелости преподавателя выступает сформированный индивидуальный стиль деятельности с присущей только ему системой методов, средств и способов педагогической деятельности. Кроме того, индивидуальный стиль деятельности проявляется в темпераменте личности (время и скорость реакции, индивидуальный темп работы, эмоциональная отзывчивость), в характере реакций на те или иные педагогические ситуации, в типе построения межличностных отношений, в стиле выхода из конфликтных ситуаций и т.д.

На наш взгляд, высшего уровня мастерства в той или иной области достигают лица с определенными качествами, с определенной предрасположенностью к той или иной деятельности. Наличие особых способностей к творческой самореализации, играющих ведущую роль в формировании индивидуального стиля деятельности, обуславливает стремление специалиста к самовыражению через творческие виды деятельности. Мы уверены, что чем выше уровень профессионального мастерства, тем более индивидуальным становится стиль профессиональной деятельности.

Восхождение к профессиональному мастерству – процесс не линейный, не равномерный, он имеет несколько направлений: овладение новой совокупностью задач, профессиональных позиций; овладение внутри каждой новой профессиональной позиции системой ее менталитетов, способов, средств, технологий; одновременное овладение несколькими профессиональными позициями, характерными для разных этапов профессионализма. В целом процессе формирования профессионального мастерства преподавателя РКИ мы выделяем следующие уровни его сформированности: репродуктивный уровень (низкий) – формирование профессиональной направленности; адаптивный уровень (средний) – профессиональная адаптация; компетентный уровень (высокий) – овладение ключевыми компетенциями, творческий уровень (высший) – профессиональная зрелость (мастерство), характеризующаяся высокой степенью результативности профессионально-педагогической деятельности.

Акмеологическая модель формирования профессионального мастерства преподавателя русского языка как иностранного

Итак, анализ совокупности указанных связей и отношений позволяет заключить, что работа филолога, будучи сложным многопризнаковым явлением, проявляется в обширном профессиональном поле деятельности: специалист в области филологии (литературы, литературоведения, лингвистики); преподаватель филологических дисциплин; ученый-исследователь; методист-наставник; педагог-воспитатель; русист; культуровед и др.

В разработанной акмеологической модели формирования профессионального мастерства находит отражение, с одной стороны, специфика многофункциональной, многоаспектной профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного в вузе, с другой стороны, психические, интеллектуальные составляющие готовности субъекта к профессиональной деятельности.

Представленная акмеологическая модель позволяет комплексно рассмотреть исследуемый процесс, создать возможность охватить в единой системе основные направления и акмеологические условия, оказывающие совокупное влияние на повышение уровня профессионализма преподавателей РКИ в высших учебных заведениях (см. рисунок).

Данный процесс представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, направленных на реализацию профессиональных целей и задач по повышению продуктивности профессиональной деятельности преподавателей. Эти подсистемы нашли отражение в блоках сконструированной акмеологической модели формирования профессионального мастерства преподавателя русского языка как иностранного в вузе (процессуальном, функциональном, уровне, критериальном, акмеологических условий).

¹ Балыхина Т.М. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку: науч. издание. М.: Изд-во МГПУ, 2000. С. 400. Мастерство и личность учителя: На примере преподавания иностранного языка. М.: Флинта, 2001. С. 204. Молчановский В.В. Преподаватель русского языка как иностранного. Опыт системно-функционального анализа. М., 1998. С. 320.

² Балыхина Т.М. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку: науч. издание. М.: Изд-во МГПУ, 2000. С. 290.

³ Фомкина С.К. Тестирование в обучении иностранному языку // Иностраный язык в школе. 1985. № 3. С. 18–22.

⁴ Мастерство и личность учителя. Цит. соч.

⁵ Иванова Л.Ф. Интегративная модель развития профессиональной компетенции преподавателя иностранного языка в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. С. 200.

⁶ Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Минск: Высш. школа, 1997. С. 519.

⁷ Молчановский В.В. Цит. соч. С. 320.

⁸ Там же. С. 274.

⁹ Бердичевский А.Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 60–61.

¹⁰ Словарь по этике. 6-е изд. / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. М.: Политиздат, 1989. С. 447.

¹¹ Профессиограмма преподавателя русского языка как иностранного (проект). М., 1991. С. 9.

¹² Педагогика и технология высшей школы. Ростов н/Дону: Феникс, 1998. С. 544.

¹³ Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты // Мир русского слова. 2001. № 2. С. 54–59.

¹⁴ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технология: монография. Волгоград: Перемена. 1994. С. 130.

¹⁵ Полат Е.С. Разноуровневое обучение // Иностранные языки в школе. 2000. № 6. С. 6–11.

Поступила в редакцию 15 апреля 2010 г.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ, ЯЗЫКОВОЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Н.Б. Руженцева, Ли Минь

FORMATION OF CULTUROLOGICAL, LANGUAGE AND LINGOPRAGMATIC COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

N.B. Ruzhentseva, Li Min

Рассматриваются способы формирования ключевых компетенций в практике преподавания русского языка китайским студентам. Авторы дают обзор и анализ ведущих учебных комплексов по русскому языку для китайских студентов, а также описание дидактического эксперимента, нацеленного на диалог культур России и Китая. Представлены образцы заданий и упражнений для китайских студентов базового уровня обучения, способствующие совершенствованию всех видов речевой деятельности на русском языке и межкультурной коммуникации в целом.

Ключевые слова: преподавание, компетенция, русский язык как иностранный, учебные комплексы, культурология, лингвопрагматика, дидактика, эксперимент, тесты, упражнения, диалог культур.

The article describes the means of formation of key competences in the process of teaching Chinese students Russian. The author gives a survey on main existing teaching systems of the Russian Language for Chinese students; Didactic experiment aimed at establishing dialogue between Russian and Chinese cultures is presented. The article includes examples of tasks and exercises for Chinese students of basic level that may help improve all the kinds of conversational activities in Russian and establish intercultural communication in general.

Keywords: teaching, competence, Russian as a foreign language, teaching systems, culturology, linguopragmatics, didactics, experiment, tests, exercises, dialogue between cultures.

Понятие «коммуникативная компетенция» уже достаточно давно и прочно вошло в практику преподавания русского языка как иностранного. Традиционно под коммуникативной компетенцией понимается сложная 5-уровневая структура, включающая: социальную характеристику и статус личности, психофизиологические особенности личности, культурный фонд личности, прагматикон и собственно языковую компетенцию. Содержанием культурологической компетенции являются, прежде всего, «энциклопедические знания и присвоенные ценности (например, нравственные императивы, разного рода идеалы, идеология и т. д.)». Под прагматиконом понимаются, «помимо мотивацион-

ной сферы... собственно коммуникативные знания, умения и навыки». В свою очередь, в понятие собственно языковой компетенции, по Ю.Д. Апресяну, включаются: «1) умение выразить заданный смысл разными способами (способность к перефразированию); 2) умение извлекать из сказанного смысл, различая при этом внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находя общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); 3) умение отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных; 4) умение выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответ-

---

Руженцева Наталья Борисовна, проф. кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). E-mail: veibalis@mail.ru

Ли Минь, асп. кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). Научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Н.Б. Руженцева, E-mail Limin-chenyong@mail.ru

---

Natalia B Ruzhentseva, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University. E-mail: veibalis@mail.ru

Li Min, post-graduate Student of the Chair of Rhetorics and Intercultural Communication of The Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg). E-mail Limin-chenyong@mail.ru

ствуует ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики его участников»¹.

На наш взгляд, приведенная выше структура коммуникативной компетенции может служить базой и для преподавания русского языка как иностранного, а каждый из составляющих коммуникативную компетенцию уровней можно назвать компетенциальной разновидностью или частной компетенцией. В данной статье мы попытались охарактеризовать некоторые проблемы, связанные с формированием культурологической, лингвопрагматической и собственно языковой компетенции, выявленные нами в практике преподавания русского языка китайским студентам в Цзилинском институте русского языка (факультет коммерции и финансов, 3-й год обучения), и наметить пути их решения.

Преподавание русского языка в указанном вузе ведется по учебнику «Дорога в Россию» в 4-х частях².

Сложности преподавания русского языка китайским студентам не могли не отразиться на достоинствах и недостатках этого учебного комплекса. Учебный комплекс «Дорога в Россию», особенно в его 3-й части (3-й год обучения) подчинен идеям а) углубления и расширения грамматического тезауруса – выражения одного и того же смысла или близких смыслов разными грамматическими конструкциями; б) подготовки китайских студентов к сертификационному тестированию (базовый уровень). Именно этим комплекс «Дорога в Россию» отличается от известного пособия по русскому языку для иностранных студентов, созданного Л.П. Шведовой, С.Ф. Павловой, Т.Н. Прокудайло, Е.П. Киракосовой³, а также от учебников русского языка, написанных непосредственно для китайских студентов, например, от учебного комплекса «Восток»⁴ и от базового курса русского языка для говорящих по-китайски⁵.

Несмотря на очевидные достоинства учебника «Дорога в Россию» (тщательная работа с грамматическим материалом, богатый текстовый и речевой материал, перевод заданий на китайский язык, разнонаправленное формирование навыков речевой деятельности: говорения, слушания, письма и чтения), данный учебник является, на наш взгляд, дискуссионным по ряду принципиальных вопросов:

– слабое теоретическое обоснование ряда тем, например, темы «Причастие»;

– недостаточная поурочная структурированность материала учебника (один представленный в учебнике урок может содержать материал для 8–10 занятий);

– отсутствие заданий для практики перевода;

– недостаточная система промежуточного контроля знаний, которая представлена, главным образом, домашними заданиями (система контрольных работ и промежуточных поурочных тестов в комплексе отсутствует);

– недостаточная представленность тематических рубрик, необходимых для формирования навыков эффективной коммуникации в различных деловых и обиходно-бытовых ситуациях общения;

– углубление и расширение лексического тезауруса производится преимущественно в связи с изучаемыми текстами;

– избыточность в ряде случаев текстового материала, который имеет слабую познавательную и культурологическую ориентацию;

– культурологическая однонаправленность (текстовый материал формирует культурологический тезаурус китайских студентов, главным образом, в ключе темы «Москва и москвичи», и лишь 4-я часть учебника расширяет этот материал сведениями о России в целом).

В свою очередь, удачный, на наш взгляд, базовый курс русского языка для китайцев (авторы Т.М. Балыхина и др.) построен по следующему принципу: «Почти все уроки имеют одинаковую структуру: коммуникативная организация, слова и словосочетания по теме урока, перечень грамматических тем с речевыми образцами, правила, таблицы, упражнения, ключи к упражнениям» (Учебник русского языка для говорящих по-китайски, 2008). Преобладающим дидактическим принципом в данном учебнике является также принцип грамматический: авторы достаточно подробно знакомят китайцев с грамматической системой русского языка, значительно отличающейся от грамматической системы китайского языка. В свою очередь, «страноведческий материал дается на китайском языке, за исключением небольших текстов, которые даются на русском и на китайском языках... Лексическая основа – около 1000 слов и словосочетаний, которые наиболее часто встречаются в речи» (там же). Этот страноведческий материал, как и материал комплекса «Дорога в Россию», представляет собой систему текстов о Российской Федерации, о Москве и ее исторических местах, об МГУ, о русских писателях и поэтах, о вокзалах и аэропортах столицы и т. д. Таким образом, культурологический тезаурус китайских студентов и его репрезентация на русском языке обогащаются на материале данных учебников преимущественно в одном направлении – информацией о столице РФ и тем, что связано с Москвой.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам остановиться на известном учебнике русского языка для студентов-русистов филологических факультетов Китая «Восток» (авторы Т.С. Залманова, Н.Н. Римская-Корсакова) и на ряде других учебных пособий. Однако можно утверждать, что все они ориентированы на обогащение знаний китайских учащихся о России, о Москве и москвичах, о российских деятелях культуры.

Указанный выше дидактический принцип (вектор культурологического тезауруса – знания о России), без сомнения, очень важен в практике обучения русскому языку как иностранному. Но

тем не менее последовательная и однонаправленная реализация этого принципа во всех учебниках и пособиях по русскому языку для китайских студентов имеет и свою обратную сторону.

Дело в том, что китайские студенты, обучающиеся по системе 3+2, 3+1, 3+2 (2 или 3 года – в Китае и 1 или 2 года – в России), очень мало подготовлены к тому, чтобы информировать россиян о своей стране, нести ее культуру и традиции в Россию, что, конечно, не способствует взаимопониманию культур. В нашем случае студенты Цзилиньского института русского языка (факультет коммерции и финансов) должны закончить обучение в г. Хабаровске, Улан-Удэ и ряде других городов Сибири и Дальнего Востока. Крайне недостаточное использование культурологического материала на русском языке о Китае, его традициях и культуре является, как мы считаем, существенным недостатком учебников, так как весьма затрудняет культурный диалог. Однонаправленный вектор в сторону знаний о России, и прежде всего о Москве, конечно, очень важен, но диалог российской и китайской культур требует от китайцев не столько знаний, связанных с русской культурой, и умения их преподнести, сколько знаний о Китае, умений и навыков, связанных с их передачей. Именно эта информация интересна россиянам, именно она способствует взаимопониманию людей двух разных национальностей, именно она обуславливает терпимость и толерантность, именно она способствует преодолению ксенофобии.

В скобках заметим, что автор данной статьи 3 года преподавала китайский язык в России и может с уверенностью утверждать, что россияне, общаясь с китайцами, прежде всего интересуются бытом, культурой и нравами Китая: праздниками, свадьбами, животным и растительным миром, курортами, медициной, известными во всем мире культурными достижениями Китая.

Для реализации этой важнейшей для диалога культур задачи в практику преподавания русского языка китайским студентам в дополнение к материалу учебного комплекса «Дорога в Россию» (часть 3) нами был введен учебный экспериментальный материал, объединенный общей темой: «Расскажите о своей стране». С этой целью нами был отобран дидактический материал, предполагающий:

– расширение и углубление культурологического тезауруса (информация о Китае) и соответствующего лексического и грамматического русскоязычного тезаурусов;

– формирование навыков перевода монологических и диалогических текстов с китайского языка на русский язык;

– формирование навыков составления, исполнения и критической оценки диалогов по предложенному материалу на русском языке;

– формирование навыков создания, исполнения и критической оценки монологических сообщений на русском языке.

Экспериментальная работа по формированию культурологической и языковой компетенции, а также прагматикона китайских студентов включала:

- диагностирующий эксперимент;
- обучающий эксперимент;
- итоговый эксперимент.

Приведем описание части эксперимента, направленной на формирование навыков диалогической речи китайских студентов.

Студентам был дан материал о Китае (о его истории и географии, об особенностях китайской цивилизации, о национальных традициях, о животном и растительном мире и т. д.). Материал (всего 10 заданий) включал лексику, которая использовалась в диалогах на ту или иную частную тему (лексика давалась на русском и китайском языках) и собственно тексты диалогов (на китайском языке).

Приведем пример такого материала.

四大名著 четыре великих

曹雪芹 романа

《红楼梦》 Цао Сюэцинь

其余 другие, остальные

罗贯中 Ло Гуаньчжун

《三国演义》 «Троецарствие»

施耐庵 Ши Найань

《水浒传》 «Речные заводи»

吴承恩 у Чэньэнь

《西游记》 «Путешествие на запад»

虽然... 但是... хотя..., но...

电视连续剧 телесериал

连环画 книга комиксов

原著 оригинал

有滋有味 интересный

同感 одинаковое чувство

– 你在看什么书?

– 四大名著之一, 曹雪芹的《红楼梦》。

– 是吗? 我也想看一下, 你什么时候看完, 可以借给我吗?

– 你说的是罗贯中的《三国演义》, 施耐庵的《水浒传》和吴承恩的《西游记》吗?

– 没错儿!

– 太棒了! 虽然我看过四大名著的电视连续剧和连环画, 但是我还是觉得读原著更有滋有味儿。

– 我也有同感。

Студентам предлагалось домашнее задание: выучить слова к предложенному диалогу, перевести диалог с обязательной письменной фиксацией перевода и попарно исполнить его. Преподаватель и остальные члены группы слушали диалог каждой пары и критически оценивали его, фиксируя ошибки.

Диагностирующий эксперимент проводился посредством:

- тестовой проверки по каждому заданию;
- проверки перевода диалога с китайского языка на русский язык;
- диктанта (диктовались слова, используемые в диалоге);
- устного опроса (проверялись коммуникативные навыки устной речи);
- взаимооценки (оценки речи каждой пары студентов товарищами по группе).

Приведем примерный вариант тестового задания, включающего проверку культурологического, лексического и грамматического тезаурусов.

I. Культурология.

1. «Сон в красном тереме» написал:

- а) Ши Найань,
- б) Цао Сюэцинь,
- в) У Чэньчэнь.

2. Ло Гуаньчжун – автор романа:

- а) «Троецарствие»,
- б) «Речные заводи»,
- в) «Путешествие на запад».

3. Ши Найань жил в

- а) 14 веке,
- б) 17 веке,
- в) 18 веке.

4. «Троецарствие» – это книга, которая рассказывает преимущественно

- а) о любви,
- б) о войне,
- в) о великих исторических событиях.

II. Лексика. Грамматика

1. Выберите правильный вариант:

1) Хотя я смотрел телесериал, (...) оригинал интереснее.

- а) то,
- б) так,
- в) но.

2) Я хочу рассказать о...

- а) четырех великих романах,
- б) четыре великих романа.

3) Это роман

- а) Ши Найаня,
- б) Ши Найань.

2. Выберите неправильный вариант:

1) Одинаковое чувство

- а) сходное чувство,
- б) подобное чувство,
- в) похожее чувство,
- г) верное чувство.

2) От прилагательного «интересный» образуются слова:

- а) интересоваться,
- б) интересность,
- в) интересно.

3) Другие – это

- а) иные,
- б) самые,
- в) прочие.

Диагностирующий эксперимент отразил недостаточную сформированность как культуроло-

гической компетенции в области литературы Китая и в других предметных областях, так и недостаточную сформированность навыков запоминания лексики и написания русских слов. Так, из 30 респондентов, обучающихся в первой группе, только 12 смогли верно ответить на вопросы культурологического блока теста. Во второй группе верные ответы дали только 10 человек из 28. Приведем также один из вариантов перевода данного диалога на русский язык без коррекции. В тексте перевода много ошибок, связанных со словоизменением (с падежной системой русского языка), с формообразованием глаголов, с построением предложений и т.д.

– Какие книги ты читаешь?

– Один из четырех великих романа, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня.

– Правда? Я тоже хочу читать. Когда прочитал эту книгу, может ли взять мне?

– Хорошо! У меня есть еще другие трое великих романа, ты хочешь?

– Сказал, «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, «Речные заводи» Ши Найаня, «Путешествие на запад» У Чэньчэня?

– Это правильно.

– Отлично! Хотя я посмотрел телесериал, книгу и комиксов «четыре великих романа», но по-моему, интереснее читать оригинал!

– Ну у меня тоже одинаковое чувство.

Сказанное выше свидетельствует о недостаточной сформированности у студентов 3 курса навыков перевода и навыков письменной речи. Кроме того, диагностирующий эксперимент отразил и недостаточную сформированность навыков устной диалогической речи. Вслед за И.Л. Бимом мы выделяем в диалогической речи 4 обобщенных типа – «информирование, побуждение, выражение мнения, оценки, установку контакта»⁶. Все эти интенции с разной степенью полноты реализованы в предложенных студентам диалогах. Однако при исполнении диалогов нами отмечены такие типы ошибок, как

- недостаточная точность вопроса;
- неполная информативность ответной реплики;
- неумение выразить мнение, оценку;
- неумение корректно выразить несогласие с собеседником и др.

Обучающий эксперимент, в свою очередь, включал систему заданий, направленных на формирование: а) собственно культурологической компетенции; б) языковой компетенции в области лексики и грамматики русского языка; в) прагматической рамки высказывания. Так, с целью формирования культурологической компетенции нами были предложены задания типа: «Оформите диалог иллюстративными материалами (текстами известных в Китае романов, иллюстрациями к ним, книгами комиксов, фрагментами из фильмов). С целью лучшего запоминания слов и усвоения правил лексико-грамматической сочетаемости мы

попытались связать дополнительный материал с грамматическим материалом, изучаемым в основном курсе по учебнику «Дорога в Россию» (часть 3, темы «Активный и пассивный залог», «Причастия», «Степени сравнения прилагательных и наречий» и др.). Например, нами давались задания выразить один и тот же смысл посредством причастного оборота и придаточного предложения с союзным словом КОТОРЫЙ, образовать причастия от глаголов, которые используются в диалоге, образовать краткую форму страдательного причастия и т.д.

Для формирования навыков, связанных с прагматикой личности, студенты повторили (а в ряде случаев – изучили) речевые способы согласия и корректного несогласия с мнением собеседника, формы поддерживающих диалог реплик и иные вербальные и невербальные способы, используемые при диалогической коммуникации.

Итоговый эксперимент, в свою очередь, показал значительный рост коммуникативной компетенции во всех трех аспектах: культурологическом, лингвопрагматическом и собственно языковом. В качестве материала для итогового эксперимента были использованы еще 10 диалогов о Китае (темы «Туризм в Китае», «Остров Хайнань», «Поэт Ли Бо», «Легенды и мифы Китая» и другие). Анализ экспериментальных данных позволяет с уверенностью утверждать, что количество ошибок как в устной, так и в письменной речи значительно уменьшилось. Кроме того, студенты стали внимательнее относиться как к реалиям собственной культуры, о которой шла речь в диалогах, так и к форме обсуждения этих реалий. Так, из

студентов первой группы на вопросы культурологического блока верно ответили 21 человек, а из второй группы – 19 человек. Но главным итогом эксперимента стало, как мы считаем, усиление мотивационного аспекта общения на русском языке. Студенты осознали, насколько древняя культура Китая может быть интересна другим народам, поэтому резко возросло желание донести ее до своих сверстников за рубежом. Наличие осознанных ближних и дальних мотивов, в свою очередь, детерминировало скорость извлечения из памяти необходимых слов и грамматических конструкций, а также скорость и успешность их оформления как в устной, так и в письменной речи.

¹ Культура русской речи и эффективность общения. М.: Академия, 1996. С. 147–149.

² Дорога в Россию: учебник русского языка в 4-х частях / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова, А.А. Толстых. СПб.: Златоуст, 2007. С. 800.

³ Пособие по русскому языку / Л.П. Шведова, С.Ф. Панова, Т.Н. Прокудайло, Е.П. Киракосова. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. С. 608.

⁴ Залманова Т.С., Римская-Корсакова Н.Н. Учебник русского языка «Восток» в 4-х частях. Пекин: Пекинский институт иностранных языков. Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2004. С. 1599.

⁵ Учебник русского языка для говорящих по-китайски / Т.М. Балыхина, И.Ф. Евстигнеева, К.В. Маерова и др. М.: Русский язык. Курсы, 2008. С. 232.

⁶ Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. М.: Просвещение, 1988. С. 145.

Поступила в редакцию 5 мая 2010 г.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 81'373; 811.112.2; 811.161.2

ОБ ЭМОТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ СФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.И. Ахметсагирова

EMOTIVENESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MILITARY SPHERE (RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

L. I. Ahmetsagirova

Рассматривается эмотивность фразеологических единиц военной сферы (ФЕВС). Особое внимание уделяется выявлению классов ФЕВС, отражающих эмоции, эмоциональное состояние и отношение человека. В ходе исследования определяется характер соотношения эмотивного содержания с компонентами фразеологического значения ФЕВС и специфика функций, выполняемых эмотивными ФЕВС.

Ключевые слова: эмотивность, фразеологические единицы военной сферы, типология эмотивов, эмотивы-аффективы, обозначения эмоций.

In the article special attention is paid to revealing classes of phraseological units of the military sphere, reflecting emotions, emotional conditions and attitudes of a person. During the research the character of correlation of emotive content to components of phraseological meaning and specific functions of emotive phraseological units of military origin are determined.

Keywords: emotiveness, phraseological units of military sphere, typology of emotives, emotives-affectives, names of emotives.

Проблема эмотивности фразеологических единиц военной сферы (ФЕВС) в русском и немецком языках вот уже несколько десятилетий занимает одну из центральных позиций в лингвистических изысканиях. Ей посвящено большое количество исследований, она достаточно основательно изучена как в синхронном, так и в диахронном плане. Несмотря на это интерес к данной проблеме по-прежнему не угасает: ученые-исследователи находят новые подходы к рассмотрению феномена эмотивности.

Существует ряд факторов, обуславливающих и объясняющих повышенный интерес к данной проблеме. Одним из таких мощных генерирующих факторов является провозглашенная в лингвистике парадигма антропоцентричности, которая ставит в центр проводимых исследований человека и его мир – внутренний и внешний – и рассматривает комплексную языковую и речевую концептуализацию различных сфер проявления человеческого бытия, в частности эмоциональной сферы. Извеч-

но стремление человека познать самого себя, будь то посредством изучения устно передаваемого или письменно зафиксированного человеческого опыта. При этом неотъемлемой областью познания является эмоциональная система человека – «одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций, по-видимому, только речь), поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь»¹. Бесценным ключом к пониманию этой сложной системы становится язык, совокупность всех языковых средств.

Необходимость дальнейшего изучения проблемы эмотивности диктуется, в свою очередь, чисто практическими и теоретическими нуждами языкознания. Решение данной проблемы способствует решению, например, таких проблем, как уточнение феномена коннотации, усовершенствование

Ахметсагирова Лейсан Исламовна, преподаватель кафедры немецкого языка, соискатель кафедры английского языка Казанского государственного университета (Казань). Научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Г.А. Багаутдинова. E-mail: al_humanity@mail.ru

---

Leissan I. Ahmetsagirova, German Language, chair lecturer Kasan State University, English Language, chair post graduate (Kasan State University). Scientific Supervisor – professor Bagautdinova G.A. E-mail: al_humanity@mail.ru

вание лексикографической практики (создание надежной системы помет) и т. д.²

Под эмотивностью вслед за В.И. Шаховским мы понимаем «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции»³. Под эмоцией в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понимается «душевное переживание, чувство»⁴, иначе говоря, эмоциональные процессы и состояния/ чувства. Подобная трактовка приводится и в психологии, где эмоции дифференцируются как эмоциональные реакции в конкретной ситуации и как чувства: «чувства представляют отражение в сознании человека его реальных отношений к значимым для него объектам, а эмоции, эмоциональные процессы и состояния представляют непосредственную форму протекания каких-либо чувств»⁵. Интересен тот факт, что в обоих определениях происходит отождествление понятий «эмоция» и «чувства». Правомерность такого отождествления обсуждается лингвистами в их работах и в зависимости от целей их исследования либо опровергается, либо поддерживается. Так, А.Ю. Бабкина, предметом исследования которой являются слова, называющие чувства и эмоции в современном русском языке, считает, что разграничение названных понятий необходимо, так как нельзя игнорировать собственно языковые факты, свидетельствующие о разграничении чувств и эмоций⁶. Л.Г. Бабенко, напротив, «стремясь к единообразию терминологии», употребляет термины «эмоция» и «чувства» преимущественно «как эквивалентные обозначения имеющих место в действительности психических состояний, переживаний, ощущений человека»⁷. В нашей статье мы используем слово «эмоция» как синоним к слову «чувство» в значении «эмоциональное состояние, внутреннее эмоциональное переживание».

К настоящему времени предложено множество классификаций эмоций, базирующихся на самых разных признаках. Разные авторы выделяют от 35 до 500 и более эмоциональных состояний человека⁸. Все же в работах исследователей, принадлежащих к различным научным школам, можно найти почти идентичный перечень основных, базисных эмоций: радость, печаль, удивление, страх, гнев, ярость, страдание и т. д., а также ряда вторичных (культурных) эмоций: любви, ласки, уважения, ненависти, презрения и т. д.⁹

Центральное место в системе эмотивных средств языка, т. е. языковых средств, выражающих эмоции и эмоциональность, занимают лексико-фразеологические средства. Одним из средств представления эмоций в языке служат фразеологические единицы (ФЕ), и в частности ФЕВС.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть особенности языкового отражения эмоций, эмоционального отношения и состояния че-

ловека названными ФЕ в русском и немецком языках. ФЕВС – самобытный фразеологический пласт, источником возникновения которого являются военные события, военно-политические отношения, военное дело и т. д. ФЕВС широко используются в речи: яркими примерами ФЕВС могут послужить следующие ФЕ: рус. *тихой сапой, в разведку не пойдешь с кем-либо, на стенку лезть*; нем. *für jn, etw. eine Lanze brechen, Dolche sprechen, eine scharfe Klinge führen/ schlagen* и др. Все перечисленные ФЕ передают определенное эмоциональное отношение говорящего к характеризующей действительности. Итак, как же выражены в семантике ФЕВС социальные и индивидуальные эмоции, эмоциональность как факт психики, каков состав ФЕВС-эмотивов, т. е. ФЕВС, отражающих эмоции, эмоциональное состояние и отношение человека?

При определении состава ФЕВС-эмотивов мы придерживаемся типологии эмотивов Л.А. Калимуллиной¹⁰, модифицируя ее в некоторых моментах. Ученый выделяет три класса слов – «манифестантов эмоций»: 1) эмотивы-аффективы (междометия, бранные слова, инвективы и др.); 2) эмотивы-экспрессивы (коннотативы); 3) обозначения эмоций. Используя предложенную типологию, разграничение на классы и анализ нашего фактического материала мы будем проводить на основе двух языковых критериев: 1) характера соотношения эмотивного содержания с денотативно-сигнификативным и коннотативным макрокомпонентами значения и 2) специфики функций, выполняемых эмотивными ФЕВС¹¹. Рассмотрим особенности ФЕВС-эмотивов.

Анализ ФЕВС показывает, что в этой фразеологической подсистеме имеются все указанные классы.

1. Эмотивы-аффективы представлены междометными ФЕВС и были обнаружены только в немецком языке: *heiliges Kanonenrohr!* (возглас комического удивления, ужаса), *(potz) Bomben und Granaten!* (выражение недовольства, удивления) и т. д. Данные ФЕ характеризуются отсутствием номинативной функции, их значение исчерпывается передачей эмоционального состояния/ отношения субъекта речи. Они только выражают чувства и эмоции, а не называют их. Эмотивный компонент является основным в значении междометных ФЕВС за отсутствием денотативно-сигнификативного. Как видно из приведенных примеров, одна и та же междометная ФЕ может выражать разные эмоции, часто находящиеся далеко друг от друга на шкале эмоциональных состояний. В количественном отношении данный класс ФЕВС составляет очень незначительную группу ФЕВС немецкого языка (около 1 %).

2. Эмотивы-экспрессивы, которые мы предпочитаем называть коннотативами (во избежание терминологической неоднозначности), обладают эмосемой, сопровождающей логико-предметную номинацию. ФЕВС-коннотативы – это особо эмо-

ционально окрашенные ФЕ, в которых эмосема реализуется в сфере коннотации. Они передают эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования. Так, например, говорящий использует в своей речи ФЕВС *дары данайцев* для того, чтобы выразить неодобрительное чувствовотношение к услуге, которая была предложена с предательской, коварной целью. В свою очередь, употребляя ФЕВС *mit jm eine Friedenspfeife rauchen* (мириться с кем-либо; букв. выкурить с кем-либо трубку мира), говорящий выражает положительные эмоции.

Обозначение эмоционального отношения говорящего к объекту номинации находит свое отражение в словарных пометах. В соответствии с тем, что эмоции делятся на положительные и отрицательные, выделяются мелиоративные и пейоративные семы. Анализ словарных статей ФЕВС русского языка выявил наиболее часто встречающиеся в словарях пометы: одобр. *старая гвардия*; шутл. *мамаево нашествие*; шутл.-ирон. *тяжелая артиллерия*; ирон. *Аника-воин*; неодобр. *дымовая завеса*; пренебр. *гарнизонная крыса*. Система эмосем немецких ФЕВС разработана в меньшей степени: шутл. *mit jm eine Friedenspfeife rauchen*; шутл.-ирон. *das ist für den alten Fritzen*; ирон. *mit Kanonen auf (nach) Spatzen schießen*; неодобр. *(das ist) null-acht-fünfzehn*; scherzh. (русс. шутл.) *das Kriegsbeil ausgraben*; derb (русс. груб. или бран.) *einen auf der Pfanne haben*.

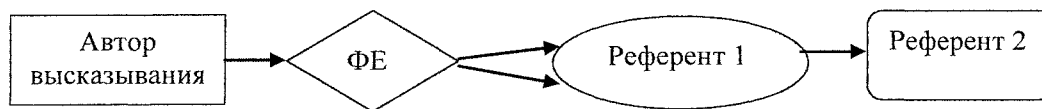
В результате анализа ФЕВС-коннотативов выявился значительный перевес пейоративных эмосем (о чем также свидетельствует квалификация помет). Е.Ф. Арсентьева объясняет данный факт внеязыковыми факторами, а именно, большим «разнообразием» отрицательных состояний и отношений человека, чем положительных¹². В словарях (ср. вышеприведенные примеры) у ряда ФЕ часто встречаются двойные пометы (типа *шутл.-ирон.*). Наличие двойных помет у ФЕВС в русском и немецком языках указывает на такое явление, как эмотивная подвижность, т.е. возможность смены эмосем у ФЕ (в зависимости от речевой ситуации), и характеризует, таким образом, неоднозначность, неустойчивость семантики ФЕВС-коннотативов при выражении эмоций.

Разработка надежной системы помет является важной фразеографической задачей и необходимой в лингводидактическом плане. Наличие эмотивных квалификаторов в словарях является релевантной информацией для изучающих тот или иной иностранный язык. На наш взгляд, на данный момент нет единой системы эмотивных помет в силу причин объективно-субъективного характера (например, слишком широкий спектр эмоций, эмоциональных реакций человека). Подспорьем для фразеографов может стать типология эмосем, предлагаемая Е.Ф. Арсентьевой. Автор, проанализировав обширный фразеологический материал и сравнив эмотивные пометы в слова-

рях, говорит о целесообразности выделения десяти эмосем: эмосемы ласкательности, шутливости, иронии, неодобрения, пренебрежения, предосудительности, презрения, уничтожения, грубости, брани¹³. На наш взгляд, можно выделить также эмосему одобрения, которая часто встречается в словарях в качестве пометы.

3. Обозначения эмоций – группа ФЕВС, которая называет чувства и эмоции человека и выражает понятие о них. Количество ФЕВС русского и немецкого языков, называющих эмоции, незначительно (в русском языке – около 0,8%; в немецком – около 2%). В качестве примеров можно привести следующие ФЕВС: *быть на (первом, втором и т.д.) взводе* (быть в состоянии нервного возбуждения), *на стенку лезть* (приходить в исступление), *держатъ руки по швам* (дрожать, трепетать перед кем-л.) и т.д.; *in Harnisch sein* (быть в ярости), *jm geht Kimme, kein Pulver riechen können* (труситься), *am Boden zerstört sein* (быть совершенно уничтоженным или расстроенным, разочарованным; быть в полном отчаянии) и т.д.

В лингвистической литературе вопрос о включении слов, обозначающих эмоции, в состав эмотивных средств языка является одним из спорных. В одной из своих ранних работ В.И. Шаховский отрицал наличие эмотивного заряда слов, обозначающих эмоции, считая, что «наименования эмоций в языке являются уже метаэмоциями, а не самими эмоциями: это их понятийное обозначение. А если слово лишь обозначает, называет эмоцию, то оно не эмотивно»¹⁴. Позднее исследователь все же признал, что обозначения эмоций следует относить к лексическим единицам, занимающим промежуточное положение между собственно эмотивной лексикой и неэмотивной, поскольку «она – потенциально – скорее эмотивна, чем совершенно нейтральна»¹⁵. Л.А. Калимуллина в свою очередь полагает, что приоритет в «лексическом представлении чувственной сферы» принадлежит именно наименованиям эмоций. «Во-первых, понятийная категоризация эмоций посредством их обозначения обеспечивает прямое и в большинстве случаев однозначное кодирование и декодирование любой эмоциональной информации, тогда как референтные границы аффективов и экспрессивов являются нечеткими, размытыми, а потому смысл таких единиц иногда с трудом поддается дешифровке. Во-вторых, поскольку значенные наименований эмоций полностью исчерпываются их понятийным представлением, то оно является «однослойным», в чем и состоит его отличие от «двухслойной» семантики коннотативов, в которой эмотивное содержание вторично и в отдельных случаях выступает в адгерентной (факультативной) форме»¹⁶. Психолингвистический эксперимент, проведенный А.Ю. Бабкиной, подтверждает вышеприведенное утверждение Л.А. Калимуллиной и доказывает «несостоятельность тезиса о том, что наименования чувств и эмоций человека

Эмоциональное отношение автора к объекту высказывания

являются лишь «ярлыками» и не способны вызывать никаких чувств и эмоций»¹⁷.

Выводы исследователей подтверждаются анализом и нашего фразеологического материала. ФЕВС, называющие эмоции, несут эмотивный заряд и, безусловно, являются эмотивными средствами языка. ФЕВС-эмотивы, составляющие данный класс, отличаются двуплановостью их семантики, которая заключается в том, что данные ФЕ, выражая понятийную категоризацию внутреннего состояния референта, одновременно могут указывать и на эмоциональное отношение автора высказывания к объекту высказывания, при этом соответствующая эмосема будет проявляться в коннотативной сфере ФЕ. В этом плане данной группе ФЕ будут свойственны признаки ФЕ-коннотативов. Так, когда говорят о референте 1, что он *держит руки по швам* при разговоре с другим человеком (референтом 2), ФЕ указывает не только на чувство страха, которое референт 1 испытывает по отношению к референту 2, но и, как правило, ФЕ передает негативные эмоции по данному обстоятельству и соответственно негативное отношение автора высказывания к референту 1, т. е. (см. рисунок): первая стрелка от ФЕ указывает на то, что ФЕ характеризует эмоциональное состояние референта 1, а вторая стрелка от ФЕ – эмоциональное отношение автора высказывания к референту 1.

Обозначение эмоционального отношения говорящего к объекту номинации должна, следовательно, отражаться в словарной статье ФЕ и получать соответствующую квалификацию, в нашем случае в основу пометы должна быть положена эмосема неодобрения (презрения).

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. ФЕВС русского и немецкого языков – яркие экспоненты эмоций и эмоциональности в языке, т. е. эмотивности. Наиболее распространенной группой ФЕВС-эмотивов являются ФЕВС-коннотативы. Все три вышеперечисленных класса ФЕ-эмотивов отображают (хотя и не в равной мере) вербализованные эмоциональные состояния и отношения говорящего к объектам окружающего мира. ФЕВС-аффективы, «непосредственно выражающие чувства, противопоставляются названиям эмоций и коннотативам, которые являются собой опосредованную мыслительными процессами эмоцию». ФЕВС-обозначения эмоций отличаются от ФЕВС-коннотативов и ФЕВС-аффективов тем, что «последним во многих случаях свойственна амбивалентная семантика, которая является размытой и конкретизируется в опреде-

ленных контекстуальных условиях...»¹⁸. Помимо этого, ФЕВС, называющие эмоции, могут обладать эмосемами, реализующимися в сфере коннотации. Таким образом, особенностью названных ФЕВС является реализация соответствующих эмосем как в денотативно-сигнификативном, так и в коннотативном макрокомпонентах их семантики.

¹ Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 51.

² Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. С. 25.

³ Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 24.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2008. С. 910.

⁵ Цит. по: Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. С. 78–79.

⁶ Бабкина А.Ю. Семантические особенности наименований чувств и эмоций человека в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Бабкина А.Ю. Казань, 2008. С. 40.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте. С. 26.

⁹ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронный аспекты (с привлечением материала славянских языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. С. 11.

¹⁰ Ср.: Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка.

¹¹ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке. С. 14.

¹² Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте. С. 30.

¹³ Там же. С. 26–27.

¹⁴ Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. С. 94.

¹⁵ Шаховский В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. С. 62.

¹⁶ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке. С. 15.

¹⁷ Подробнее: Бабкина А.Ю. Семантические особенности наименований чувств и эмоций человека в современном русском языке. С. 174.

¹⁸ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке. С. 14–15.

Поступила в редакцию 27 августа 2009 г.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАМЫСЛА АВТОРА В СМИ

Е.А. Ваганова

ON THE PROBLEM OF REALIZATION OF THE AUTHOR'S INTENTION IN MASS MEDIA

E.A. Vaganova

Затрагивается проблема реализации авторского замысла в публицистическом тексте. На примере сравнения риторических композиций оригинального текста (выступления политика) и газетной статьи проводится анализ трансформации авторской воли, позволяющий выявить изменения авторского замысла на лексическом, грамматическом и логическом уровнях.

Ключевые слова: авторский замысел, риторическая композиция

The article is devoted to the problem of realization of the author's intention in a publicistic text. The analysis of the author's will transformation is being carried out by means of comparison of the rhetoric compositions of original text (politician's speech) and a newspaper article. The given analysis allows to expose the changes of the author's intention on the lexical, grammatical and logical levels.

Keywords: the author's intention, rhetoric composition.

Актуальность проблемы реализации авторской воли в средствах массовой информации обусловлена недостаточной проработанностью в практике СМИ вопроса создания текстов, способных достоверно передавать информацию о позициях политических деятелей. В газетной статье авторский замысел политика всегда претерпевает трансформацию, вызванную 1) изменением фактуры речи; 2) коллегиальностью журналистского текста; 3) экстралингвистическими условиями (расположением статьи на странице, наличием / отсутствием иллюстраций и т. п.).

Целью проводимого исследования является изучение и описание технологии изменения авторского замысла в печатных СМИ на примере сравнения риторических композиций оригинального текста и газетной статьи.

В неориторике под риторической композицией понимается схема аргумента. Риторическим аргументом называют отдельную завершённую словесно оформленную мысль, которая оценивается аудиторией как истинная, правильная, уместная и приемлемая.

Логически аргумент состоит из положения (суждения, которое обсуждается) и обоснования

(доводов, подтверждающих положение, делающих его ясным и приемлемым для аудитории). Структурно аргумент включает три составляющие: топос, схему, редукцию.

Топос аргумента – это общепринятое суждение, представляющееся без доказательств очевидным аудитории, к которой обращается ритор. Топосы подразделяются на общие и частные, внешние и внутренние. Общим топосом называется положение (высказывание), которое не требует доказательств, например: «закон должен быть справедливым». Частный топос – высказывание, которое признаётся не всеми и не всегда, например: «бытие определяет сознание». Общим или частным топосом может быть пословица, закон, догматическое положение, высказывание авторитетного лица, цитата из художественного, философского или научного произведения. Внешним топосом является конкретное высказывание, внутренним – логические категории построения высказывания, например, общие места в риторике М.В. Ломоносова¹.

На вербальном уровне довод – это цепочка слов, отобранных и соединённых между собой так, чтобы создать единый смысловой образ предмета

Ваганова Елена Анатольевна, преподаватель кафедры философии Чебоксарского политехнического института (филиала Московского государственного открытого университета), соискатель кафедры коммуникационных технологий Чувашского гос. пед. университета им. И.Я. Яковлева, научный руководитель – докт. филол. наук, доц. Субботина М.В. E-mail: vea@mail.ru

---

Elena A. Vaganova, Philosophy, a chair lecturer (Cheboxary Polytechnical Institute (a branch of Moscow State Open University), Communication technologies, a chair post graduate (Chuvash State Pedagogical University named after I.Y. Yakovlev), Scientific Supervisor – a doctor of philological sciences, a senior lecturer Subbotina M.V. E-mail: _vea@mail.ru

и придать мысли особую убедительность (для понимания содержания и значения конкретного аргумента чрезвычайно важна семантика ключевых слов лексической цепочки), а редукция – дискурсивный комментарий словесного ряда: экспликация совокупности лингвистических и экстралингвистических средств, обеспечивающих понимание и интерпретацию аргумента аудиторией в соответствии с намерением ратора; дискурсивный комментарий показывает, как посредством словесного ряда термины положения связаны с терминами обоснования.

На вербальном и логико-понятийном уровнях редукция включена в схему аргумента. Схема – логическая форма аргумента; она показывает отношение каждого довода к положению и отношения доводов между собой, она стилистически индивидуальна. В качестве названия каждого конкретного отношения используются общие места прагматической риторики. Схема позволяет не только судить о строении сложной мысли, но и определять её корректность. Схема аргумента эксплицирует соответствие нормам логики.

Анализ риторической композиции позволяет выявить состав аргументации, содержательную ценность речи, речевое содержание как таковое, индивидуализированные формы речевых поступков, отношение этих поступков к экстралингвистической ситуации.

Замысел автора реализуется, прежде всего, в категории образа автора. Эта категория является центральным символом текста, следствием отношения автора к образу читателя (получателя текста). Читатель интересуется образом автора наряду с предметным содержанием; для получателя текста существенно в процессе осмысления сопоставить две стороны содержания: предметно-идейную, связанную с описанием ситуации, и модальную, связанную с образом автора. Образ автора эксплицируется исследователем текста в риторической композиции текста.

Рассмотрим, как изменяется авторский замысел на примере сравнения риторических композиций стенограммы выступления Первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на Генеральном совете Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) 29 января 2008 года и материалов СМИ, освещающих данное событие: статьи И. Иванова «Первый вице-премьер Дмитрий Медведев: «Главное, чтобы министерства ловили мышей»» («Российская газета», 31 января – 6 февраля 2008 г., № 20) и публикации М. Морозова «Ловить мышей», а не протирать штаны», появившейся на страницах общественно-политической газеты «Трибуна» 1 февраля 2008 года.

Стенограмма выступления представлена двумя частями: приветствием Д. Медведева участников совета и заключительным словом. Риторическая композиция вступительного слова содержит три аргумента, в которых пять, тринадцать и два

довода соответственно. В риторической композиции второй части, содержащей комментарий вице-премьера к обсуждаемым на совете вопросам, семь аргументов, в состав которых входят от одного до шести доводов.

Статья, опубликованная в «РГ» в самом начале предвыборной кампании, в которой вице-премьер выступал в качестве кандидата в Президенты РФ, имеет структуру рекламного текста:

1) заголовок – «Первый вице-премьер Дмитрий Медведев: «Главное, чтобы министерства ловили мышей»»;

2) подзаголовок – «На этой неделе первый вице-премьер Дмитрий Медведев побывал на заседании Генерального совета Федерации независимых профсоюзов»;

3) основной текст;

4) комментарий – «Все эти задачи сможет реализовать правительство, которое будет сформировано после 2 марта»;

5) подписи.

Основным текстом статьи является сложно-подчинённое предложение с косвенной речью. Прямая речь журналиста содержится лишь в подзаголовке и в комментарии. Несмотря на имеющееся в газетном тексте указание на оригинальное высказывание (оно наличествует в структуре названия статьи и в словосочетании «прямая речь»), которое выделено в графическом и шрифтовом плане), сама речь Д. Медведева подаётся в изменённом виде.

Трансформация авторской воли прослеживается во всём публицистическом тексте, причём дана она на различных уровнях.

На *семантическом уровне* изменения обнаруживаются в различной степени цитирования – от дословного воспроизведения оригинальных высказываний до пересказа: допускается замена союза (NB: по Аристотелю, союзы – основные определители движения смысла всякой речи); перестановка частей оригинального текста; подмена высказывания, содержащего намерение, высказыванием, представляющим данное намерение как состоявшийся факт и др.

На *логическом уровне* манипуляции с авторским замыслом прослеживаются в следующем.

1. Статья И. Иванова, в отличие от выступления Д. Медведева, строится как один аргумент, за основное положение которого берётся высказывание «Главное, чтобы они [министерства] ловили мышей, а не протирали штаны и не занимались бюрократической волокитой». Эта фраза была произнесена первым вице-премьером в середине заключительного слова, когда он высказывал своё мнение по поводу структуры органов власти, регулирующих трудовые и социально-трудовые отношения в стране.

Д. Медведев сказал: «Как вы понимаете, плюсы и минусы есть в любой системе – и в системе, которая опирается на единое министерство, и в

системе, которая предполагает раздельное министерство, – на мой взгляд. Думаю, что вы с этим согласитесь. Главное, чтобы (или это министерство, или соответствующий департамент, или другие органы) просто «ловили мышей», а не просиживали штаны, не занимались бюрократической волокитой. Но я считаю, что основная задача министерства – или единого или раздельного – все-таки заключается в том, чтобы принимать документы и проводить экспертизу»².

Положение данного аргумента «Какой должна быть структура органов власти?» обосновывается доводом «Система, опирающаяся или на единое министерство, или на раздельное. Главное, чтоб эта система «ловила мышей» (т.е. выполняла свои функции)», который соотносится с положением как противные и несходные вещи: структура ↔ функции (в этом противопоставлении наблюдается разрушение логической причинно-следственной связи между данными понятиями). Как видим, при цитировании была опущена важная инструктивная часть, заявленная Д. Медведевым: «...я считаю, что основная задача министерства ... все-таки заключается в том, чтобы принимать документы и проводить экспертизу»

(второй довод, относящийся к первому как признак), в статье оставлена только фразеологическая часть, а то, что было доводом в аргументе оригинального высказывания, стало основным положением аргумента статьи.

2. Изменена последовательность авторской мысли. Так, в своём вступительном слове Д. Медведев для выделения значимых вопросов использовал вводные слова «первое», «второе», «третье», «четвёртое», «и последнее», «в заключение». В газетной же статье «третье» разделено на три самостоятельные части, которые даны в начале и разбиты «вторым». Далее следует «пятое», также разделённое на две части, причём одна из них объединена с «первым» из выступления вице-премьера. Фраза, высказанная Первым заместителем Председателя Правительства России в заключительном слове, в журналистском тексте стала седьмым доводом.

3. Положения аргументов оригинального текста переводятся в доводы аргумента в статье, нарушаются схемы аргументов авторского высказывания (см. рисунок).

Трансформация авторского замысла видна и на *грамматическом уровне*, например: высказы-

Схема аргумента в газетной публикации

Зеленые страницы

вание с придаточным условия «Если мы планируем кардинально повысить конкурентоспособность, производительность труда и качество жизни, мы должны вести разговоры и полноценные переговоры об отраслевых стандартах эффективной занятости и оплаты труда» переводится в простую двусоставную конструкцию с инверсией «частью долгосрочных программ развития страны, регионов, отраслей и бизнес-стратегий российских компаний должны стать соглашения социального партнерства и коллективные переговоры», при этом оно делается самостоятельным доводом.

На смысловую интерпретацию читателя большое влияние оказывает графическое оформление газетной статьи. В нашем случае каждый довод отмечен знаком «V», а вывод выделен полужирным шрифтом. При этом к основному положению (выводу) прикреплено высказывание «Все эти задачи сможет реализовать правительство, которое будет сформировано после 2 марта». Оно, не будучи частью положения аргумента, играет в статье, вышедшей в самом начале предвыборной кампании, роль «мифического» 25-го кадра.

Таким образом, видим, что журналистская статья, опубликованная в центральном издании³, даёт читателям свою версию речи представителя власти. Интересно заметить, что далее происходит тиражирование измененного замысла другими изданиями. Так, на следующий день, 1 февраля 2008 года, на страницах общественно-политической газеты «Трибуна» выходит заметка М. Морозова, посвящённая выступлению Д. Медведева на Генеральном совете Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Названием этой публикации становится фраза, повторяющая не высказывание Д. Медведева, а цитирующая публикацию «РГ»: «Ловить мышей», а не противать штаны». Если статья «Российской газеты»

имеет модальность рекламы, то текст «Трибуны», для которого она стала пропедевтическим материалом, имеет структуру обычной журналистской статьи. Такой приём является одним из очень сильных элементов убеждения.

Всякое словесное произведение – это реализация замысла, которая осуществляется с помощью риторической композиции. Изменение риторической композиции ведёт к трансформации авторского замысла. Технология изменения авторской воли многоуровневая, сводится к изменениям на семантическом, грамматическом и логическом уровнях.

¹ См. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию... // Антология русской риторики / Отв. ред. и сост. М. И. Панов. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. – с. 74: «...все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения».

² Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на Генеральном совете Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). 29 января 2008 года. Москва. www.rost.ru/official/2008/01.

³ «Российская газета» – общественно-политическая общенациональная газета России, которая имеет статус официального публикатора государственных документов: законодательные акты РФ вступают в силу после публикации в «РГ». Именно поэтому газета вызывает доверие читателя, который считает, что замысел авторов оригинальных текстов не нарушен и в аналитических материалах, и комментариях.

Поступила в редакцию 7 сентября 2009 г.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА КАК МЕТАЖАНР

А.М. Маркус

RUSSIAN MILITARY MEMOIRS AS A METAGENRE

A.M. Markus

Рассматривается терминологический аспект мемуаристики, затрагивается жанровая классификация, осмысливается метажанровая структура. Автор анализирует типологические характеристики, присущие категориям жанра и метажанра, акцентируя при этом различия и сходства данных феноменов.

Ключевые слова: мемуаристика, жанровая структура, метажанр, жанровые модификации.

The article deals with the terminological aspect of memoirs, touches upon genre classification and interprets the structure of metagenre. The author of the article analyses typological characteristics peculiar to the categories of genre and metagenre emphasizing the differences and similarities of the given phenomena.

Keywords: memoirs, genre structure, metagenre, genre modifications.

Исследователи уделяли большое внимание историческому становлению мемуаристики, ее жанровым спецификациям, поскольку проблема жанра мемуарной литературы – в связи с историческими изменениями в XX веке – оказалась весьма актуальной. Литературоведами рассматривалась проблема генезиса русских мемуаров.

Существует много определений термина «мемуаристика», но все они схожи в своей направленности с передачей и осмыслением прошлого сквозь призму своей памяти. Словарь русского языка 1999 года указывает также на тот факт, что мемуары – это литературные произведения в форме личных воспоминаний, что, в свою очередь, подтверждает факт о том, что отмечается тенденция сближения мемуаристики с художественной литературой. Литературный энциклопедический словарь 1987 года коррелирует поэтику жанра непосредственно с категорией памяти: «мемуарист, воспроизводя лишь ту часть действительности, которая находилась обычно в его поле зрения, основывается преимущественно на собственно непосредственных впечатлениях и воспоминаниях»¹.

Нам представляется, что определение Сиротиной И.Л. в полной мере отображает своеобразие мемуаристики. «Мемуаристика – это повествование или размышление о действительно бывшем, основанное на личном опыте и собственной памяти автора»².

Вопрос о жанре и метажанре весьма актуален в XX веке (разработки и достижения в области теории жанра и метажанра представлены в научных трудах М.М. Бахтина, Г.Н. Поспелова, Б.В. Томашевского, Ю.В. Стенника, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.О. Кормана, В.Е. Хализева, Ю.Н. Тынянова, Н.Л. Лейдермана, А.Е. Ануфриевой, А.Я. Эсалнек, Н.И. Великой). По нашему мнению, правильное определение жанра (который обретает смысл и функцию литературного кода) фокусирует читателя на необходимое получение информации и на способ прочтения данного текста, а также на его понимание.

Судьбоносный XX век свел воедино две страны с разным менталитетом (Россию и Германию). Историками осмысливалось многое, учитывались перипетии, коллизии, предпосылки и ужасные последствия этого слияния, но следствием было изучение исторического фактора, обезличивание тем самым эпохи. Многие знают события фронта, но только немногие смогут назвать генералов, ведущих людей в «преисподнюю» войны и пытающихся освободить людей от этого кошмара. В литературе превалирует, напротив, человеческий фактор, при этом верно найденный подход есть, в свою очередь, верно найденное и прочитанное произведение. Великие события прошлого, как и выдающиеся произведения искусства, таят в себе нераскрытые, неокончательные смыслы. Набегающие

Маркус Анна Михайловна, преподаватель кафедры английского языка, аспирант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета, научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Пономарева Е.В. E-mail: AnneMarks@rambler.ru

---

Anna M. Markus, lecturer of the Chair of the English Language, South Ural State University (Cheljabinsk), candidate of the chair of the Russian Language and Literature, South Ural State University, research advisor – Doctor of Philology, prof. E.V. Ponomaryova. E-mail: AnneMarks@rambler.ru

крутые волны времени то обнажают эти смыслы, наполняя их новым содержанием, то напрочь затягивают песком и сором, заглушая идущие от них сигналы. Великая Отечественная война и великая литература о ней давно испытывают набег этих волн. И самое сильное оружие в этой схватке, способное защитить нашу Победу, – это народная память³. Память, конечно же, ассоциируется и с категорией памяти в мемуаристике, обладающей достаточной степенью субъективности, но все же эта наша Память, мемуары материализуют нашу память. При прочтении ты узнаешь не только о беспощадной правде о войне и о реалиях фронтового солдатского быта, но и об отношении к самой войне и о личности во время войны, о ее самосознании.

Мемуарный жанр – сложное формирование литературы. В условиях европейской действительности он складывался на протяжении длительного времени, на основе национальных традиций, быта, истории, всего социально-политического уклада различных европейских народов⁴. Мы рассматриваем жанр как определенный род произведений, характеризующийся какими-либо сюжетными и стилистическими признаками и свойствами.

В литературоведении существуют три варианта жанровой классификации. Мы используем разработанную М.М. Бахтиным теорию жанра как «трехмерного конструктивного целого», в ней синтезируются все три традиции европейской поэтики. В основе жанровой теории М.М. Бахтина лежит полицентрический подход, при котором жанрообразующими являются содержание и структура произведения. М.М. Бахтин дает два взаимосвязанных определения «типического целого художественного высказывания». В первом случае акцентирована «сложная система средств и способов понимающего овладения действительностью»; в другом – сказано, что «все разновидности драматических, лирических и эпических жанров» определяются «непосредственной ориентацией слова как факта». Оба аспекта объединяются установкой на завершение: «Распадение отдельных искусств на жанры в значительной степени определяется именно типами завершения целого произведения. Каждый жанр – особый тип строить и завершать целое». Каждый из выделяемых ученым аспектов жанровой структуры содержит и позволяет увидеть всю его целостность, но взятую в одном из своих важнейших ракурсов или измерений. Поэтому и возможна характеристика «типа целого художественного высказывания» через любой из них или с акцентом на нем⁵. По мнению Н.Л. Лейдермана, жанр структурирует внутреннюю организацию художественного произведения, жанровая структура преобразует весь художественный материал в законченный образ определенного мира, являющийся воплощением эстетической концепции мира и человека в нем. При создании произведения искусства мастер слова творит путем отбора, обобщения и оценки действительно-

сти, он преобразует ограниченный образный материал в законченный образ (сфера жанра).

Рассмотрев различные подходы, мы решаем вопрос, считать ли мемуаристику метажанром или это отдельный жанр, отличный от других. Для этого необходимо определиться с терминологией в сфере метажанра, безусловен лишь один факт, что «мета» в психологии означает существование на более высоком логическом уровне, ключевым здесь является словосочетание более высокий, само слово от греч. означает «после», «за», «через».

Существуют три фундаментальных определения метажанра (с исторической, философской и литературной позиции). Нами не ставится задача осмысления первых двух, что, без сомнения, является важным для последующего изучения в области метажанра; нашей целью является рассмотрение с литературоведческой точки зрения. Н.Л. Лейдерман подчеркивает взаимосвязь своих размышлений по поводу метажанра с идеями Ю.Н. Тынянова о существовании «старших жанров». По их умозрению, метажанр – ведущий главный жанр, «некая принципиальная направленность содержательной формы, свойственная целой группе жанров и опредмечивающая их семантическое родство»⁶. Метажанр, по мнению Н.Л. Лейдермана, – это «некие общие конструктивные принципы, присущие ряду родственных с этой точки зрения жанров»⁷. Метажанр являет структурный принцип построения мирообраза, который возникает в рамках литературного направления или течения и «становится ядром» бытующей жанровой системы. «Присущий метажанру принцип построения художественного мира распространяется на конструктивно близкие, а затем на все более отдаленные жанры, ориентируя их структуры на освоение действительности в соответствии с познавательным-оценочным принципом метода, господствующего в направлении»⁸.

Исследователь Е.Я. Бурлина оценивает данное понятие с позиции соединения с культурой: метажанр в этом случае проводник данной культуры, метажанр, по мнению исследователя, является культурологическим аспектом жанра. Можно говорить о его синтетическом характере, но при этом нужно подчеркнуть, что при осмыслении мемуаров достоверность и ретроспективность в отношении культуры может быть двойной. Такая концепция создается К.М. Симоновым: «Всякие мемуары дают нам двойной круг знаний и представлений. Во-первых, мы через автора мемуаров воспринимаем то, что он видел и о чем написал, – людей и время... Второй круг – это круг наших знаний, представлений о самом авторе мемуаров: как автор выглядит в собственных глазах и какими глазами он видит других людей»⁹.

Метажанр своего рода наджанр, сверхжанр. Жанру и метажанру присущи грани схожего и отличного. В большей степени нас интересуют их отличия. Жанру присущи: каноничность, актуали-

зация, обновление канона, устойчивая конструкция, свой генезис; метажанр характеризуется большей величиной, он объединяет собой большее количество литературных явлений, внеродовая направленность (нет привязанности жанра к конкретному литературному роду), стремление метажанра выйти за рамки литературного пространства, характеризуется устойчивостью конструкции, тесная связь с культурой эпохи.

Сходства сводятся к тому, что в разные эпохи жанр то выходит в центр литературного процесса, то перемещается на его периферию. Жизнь метажанра в случае большой конвенциональности его структурно-семантической основы, очевидно, подобна жизни жанра. Примером этого может служить, «философский метажанр», который достаточно стабильно живет и развивается в русской поэзии последних двух-трех столетий, перемещаясь то в центр, то на периферию литературного процесса. Метажанры более неконвенциональные по своей внутренней природе отличает сильная привязанность к конкретной эпохе и ее культуре. Такие метажанры занимают в рамках определенной литературной системы ведущее положение. Однако такие метажанры имеют более короткую историю: их существование заканчивается с завершением конкретной исторической эпохи и ее культуры (невозможно, например, представить жизнь «социалистического метажанра» вне советской культуры)¹⁰. Необходимо указать также на то, что жанр и метажанр являются стратегиями художественной типизации, которая предопределяет выбор основных поэтических средств.

Метажанр является своего рода общей художественной структурой для группы текстов, которая обусловлена единым предметом изображения.

В основе метажанра укрупненные конструктивные принципы в отличие от собственно жанра. Эти принципы увеличивают жанр, придают ему такие масштабы, при которых теряется семантика жанра как внутренне сбалансированной системы, организующей произведение в целостный образ мира¹¹.

Метажанр располагается поверх обычных жанровых общностей и включает в себя художественные произведения, не всегда состоящие в прямой диалогической связи, порой литературно-стилистически разноплановые, но по общей семантической направленности примыкающие к одной наджанровой матрице, которая оказывается интегрирующим началом¹².

Исследователь Е.Л. Кириллова считает, что можно говорить о мемуарном метажанре, стоящем как форпост между литературой, эссеистикой и житнетворчеством. Мы придерживаемся той же позиции, необходимо говорить не о мемуарном жанре, а о мемуарном метажанре для того, чтобы не получилось слияния свойств, присущих и мемуаристике как метажанру и её жанровым модификациям. Мемуаристику как метажанр схематично можно изобразить следующим образом: мета-

жанр (жанровое ядро с устойчиво повторяющимися признаками) – жанровая типология первого уровня + жанровые модификации (изменчивые, внутренние) – типология второго уровня. Уровневые разграничения использует А.Я. Эсалнек. Безусловным подтверждением данной схемы служат слова исследователя Н.И. Великой, отмечающей, что мемуаристика – это сложная структура, «метажанр, который вбирает в себя множество жанровых модификаций, диапазон которых простирается от конструирования дневниковых заметок, от очерковых зарисовок, портретов, «силуэтов», «встреч», лирических монологов-исповедей до автобиографических повестей и романов»¹³. Нам, в свою очередь, хотелось бы добавить такие модификации, как полумемуарные «нарративные» мемуары, «Новая проза», роман с «ключом». Вся эта жанровая типология второго уровня настолько разнообразна, а художественные образы настолько оригинальны, что ни один из исследователей до сих пор не составил единой классификации всех модификаций. Русская военная мемуаристика является наджанром, метажанром, она единая система содержательных и формальных компонентов структуры произведения, эти компоненты повторяются в разных вариациях в каждом тексте и трансформируются в определенные мотивы, ситуации: 1) духовное состояние воюющего народа, 2) освобождение от страха, прорыв к свободе, 3) человек, исповедующий классовые и общечеловеческие ценности, утверждение достоинств, которые перечисляются и демонстрируются, поскольку «война обостренно и предельно обнажает характер человека»¹⁴.

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 216.

² Сиротина И.Л. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. (Серия «Symposium»; вып. 12). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 227.

³ Тема войны в литературе XX века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 9.

⁴ Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск, 1986. С. 31.

⁵ Тмарченко Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 18.

⁶ Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н.Л. Лейдерман. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1982. С. 135.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Лейдерман Н.Л. Жанровые системы литературных направлений и течений // Взаимодействие метода, стиля и жанра в современной литературе. Свердловск, 1988. С. 7.

⁹ Симонов К.М. Не золотая середина // Вопросы литературы, 1971. № 6. С. 84.

¹⁰ Подлубнова Ю.С. Жанр и метажанр: к проблеме разграничения [Электронный ресурс]. Материалы международной научной конференции «Литературные жанры: теоретические подходы в прошлом и настоящем. VII Поспеловские чтения». URL: <http://www.netslova.ru/podlubnova>. Загл. с экр.

¹¹ Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX–начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. С. 13.

¹² Подлубнова Ю.С. Метажанры в русской литературе 1920–начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 3.

¹³ Великая Н.И. О времени и о себе: мемуары М. Осоргина. Проблемы славянской культуры и цивилизации: Сб. ст. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 2001. С. 224.

¹⁴ Бондарев Ю.В. Человек несет в себе мир. М., 1980. С. 132.

Поступила в редакцию 2 июня 2009 г.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ПРИ ЯЗЫКОВОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ

А.А. Мендыгалиева

THE USE OF QUANTITATIVE ANALYSIS METHOD IN THE SPEECH PORTRAYING

A.A. Mendygalieva

Описывается применение метода количественного анализа, заключающееся в выделении частотных корневых морфем из общего речевого потока говорящего и составлении на их основе связного текста. На примере показывается, что частотная иерархия корней употребляемых лексем отражает иерархию смыслов в языковой картине мира говорящего.

Ключевые слова: картина мира, корневая морфема, синтаксическая связь, частотность, языковое портретирование.

This article describes an application of the quantitative analysis method that includes picking out frequent root morphemes from the speech flow and compiling a coherent text on their basis. It is demonstrated how the hierarchy of the frequent roots reflects the hierarchy of the senses that prevail in the speaker's worldview.

Keywords: frequency, root morpheme, speech portraying, syntactic connection, worldview.

При языковом портретировании преимущественно используются качественные методы анализа, а количественные выполняют, как правило, лишь вспомогательную функцию. Такая градация кажется вполне естественной, однако, при глубоком изучении вопроса нельзя не заметить, что количественные методы серьезно недооценены. Недооценка состоит в том, что использование количественных методов ограничивается созданием некоторой базы для дальнейшего качественного анализа полученного материала. При этом сама база не рассматривается как полноценная единица изучения.

Например, при изучении идеолексикона языковой личности посредством количественного анализа выделяются наиболее высокочастотные номинации, но за этим следует качественный анализ выделенных слов по семантическим признакам и выборка высших гиперонимов. Так, из базы, полученной посредством количественного анализа, извлекается лишь ядро, вокруг которого впоследствии строятся семантические поля, сети, иерархии смыслов и т.д. Причем это построение требует привлечения дополнительных номинаций, которых в изначальной базе не было и которые при-

влекаются путем опять же качественного анализа совокупного языкового материала.

В данной работе предпринимается попытка показать, как языковой материал может быть полноценно изучен посредством исключительно количественных методов анализа. В качестве языкового материала используются высказывания современных российских обывателей, полученные в ходе опроса посредством анкетирования, проведенного в 2009 году. В вопросы анкеты были заложены специальные стимулы, провоцирующие ответы, в совокупности отражающие картину мира респондентов. Корпус исследования составил более двух тысяч высказываний, из них более полутора тысяч произведены респондентами, определенными как «обыватели». Под обывателями в данном случае понимается «ориентированный на потребление слой общества, принимающий в качестве жизненных установок генеральную линию заданной элитой парадигмы, не анализируя ее содержательные и функциональные компоненты» (определение выведено в процессе изучения страт современного российского общества, а также на основе сопоставления словарных дефиниций).

Мендыгалиева Алия Аскарровна, соискатель кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета, научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Каплуненко А. М. E-mail: jalja@inbox.ru.

Aliya A. Mendygalieva, Translation, Translatory and Intercultural Communication chair post graduate (Irkutsk State Linguistic University), Scientific Supervisor – Prof. Alexander M. Kaplunenko, PhD (Russian philology). E-mail: jalja@inbox.ru.

Зеленые страницы

Рассмотреть все возможности использования количественного анализа в рамках статьи не представляется возможным, поэтому в качестве примера выбрана база, с которой информация считывается простейшим и, следовательно, наиболее показательным методом лингвистического анализа, а именно, методом установления синтаксических связей. Подобный способ выявления смысла представляется вполне оправданным, поскольку «вся информация, используемая в семантической интерпретации, должна быть представлена и в синтаксическом компоненте грамматики»¹.

Задачей данного анализа является выделение языкового ядра сознания посредством подсчета частоты использования обывателем тех или иных корней слов. Сегментация в данном случае производится скорее по морфологическим, а не семантическим признакам. Например, к корню «-влеч-» относятся слова: развлечение, увлечение, привлекательная, влечет и т.п., к корню «-строй-»: обустройство, трудоустройство, устроить, построить, стройная, настроение и т.п., к корню «-лаг-» / «-лож-»: вложение, сложное, положительный, лежачий и т.п., к корню «-чит-»: чтение, читать, рассчитаться, счёт, предпочтение и т.п. В качестве объекта исследования выбраны именно корни, а не основы слов, поскольку «несмотря на то, что тип языка задает возможность варьирования корней как в семантическом (многозначность), так и в формальном отношении (ср. чередования в корневых морфемах в славянских, германских и др. языках), корни составляют обычно неизменяемую часть серии словоформ и производных»². Хочется оговориться, что некоторые корни приводятся в не совсем правильной форме, но это допущение сделано для экспликации их этимологии.

Идущие от праславянского рунического письма исконные русские корневые морфемы имеют образное происхождение. Хотя множество корней в настоящее время употребляются метафорично и метонимично, их образ сохраняется в глубинной структуре языка. Поэтому по частоте употребления тех или иных корней, вне зависимости от контекстуального значения составленных из них слов можно судить об образе внутреннего мира, выраженного в языке. Например, при употреблении корня «-кол-» в любых словах можно увидеть образ прочного вертикального столба. Так, «околоть» значит «замерзнуть до состояния несгибаемости»; «колесо» является «устройством, вращающееся вокруг прочной оси»; «колени» соединяет два «кола» и т.д. Не все повторяющиеся в высказываниях обывателей корни являются исконно русскими, однако заимствованные слова, такие как «компьютер», «техника», «интернет», «кризис», «литература» и др., являются в русском языковом сознании предельно однозначными.

В процессе количественного анализа высказываний обывателей выявлено 193 корня, повто-

ряющихся 3 и более раз (см. таблицу), из них 56 корней повторяются 10 и более раз. В выборку включены также местоимения.

Образы, стоящие за корнями, разрозненно не являются достаточным материалом для языкового портретирования, так как «функционирование синтаксической системы можно уяснить себе лишь тогда, когда известна вся совокупность составляющих ее элементов и тем самым имеется возможность обнаружить внутренний закон, управляющий их соединением»³. Поэтому нельзя воспринимать составленную иерархию корней как простой набор морфем. Если воспринять весь анализируемый языковой материал как одно большое высказывание, то данный набор представляет собой его макропропозицию, которую можно разложить на отдельные пропозиции. Эти пропозиции имеют разный приоритет, обозначенный в таблице условной ступенчатостью.

Пользуясь методологией синтактики, можно определить синтаксические связи и построить предложения из слов, образуемых представленными корнями. Таким образом, становится возможным создание полноценного текста на базе математически точного количественного анализа содержания.

Построение иерархии повторяющихся корней позволяет увидеть зависимости и линейные связи между отдельными понятиями. Так, местоимение «я» повторяется в речи респондентов наибольшее число раз. Поэтому стоит признать «я» главным понятием картины мира. Между «я» и остальными понятиями на большом удалении стоит «семья». Следовательно, можно построить следующую цепь: *Сначала иду я, затем моя семья.*

Подчиненными «семье» являются нижестоящие понятия, образованные от корней «-раб-» и «-люб-». Спуск по ступеням иерархии приводит к конструкции *Семья – это работа и любовь.* Причем работа приближена к семье больше, чем любовь.

К корню «-люб-» вплотную примыкает подчиненная ступень, на которой стоят корни «-езд-» и «-жив-», чуть ниже «-спорт-» и «-все-», далее «-машин-», «-отдых-», «-строй-» и «-чит-». Здесь целесообразно проиллюстрировать процесс построения предложения из образованной корнями стеммы:

Стемма воплощается в следующее предложение: *Я люблю ездить на машине и жить – спортом и всем (остальным): строить, отдыхать и читать.* Разделение езды и жизни позволяет определить,

Ступени иерархии употребляемых обывателем корней слов

Корень		частота употребления					
0 ступень		быт	12	стран	7	ног	4
я	81	над / нуж	12	счаст	7	нрав	4
1 ступень		один	12	ты	7	образ	4
сем	57	реб	12	ясти	7	пет / песн	4
2 ступень		11 ступень		15 ступень		полит	4
раб	38	буд	11	благ	6	предел	4
люб	31	надеж	11	вис	6	рис (рисуя)	4
3 ступень		ход	11	дев	6	рок	4
езд	30	хот / хоч	11	деньг	6	рук	4
жив	29	12 ступень		долг	6	собств	4
спорт	28	интерес	10	интернет	6	суд	4
все	28	крас	10	клуб	6	твор	4
машин	26	ним	10	литер	6	час	4
отдых	25	очень	10	мер	6	чест	4
строй	25	ремонт	10	негатив	6	чуть	4
чит	25	род	10	плох	6	шит / швей	4
4 ступень		сад	10	поп (pop)	6	язык	4
кварт	24	стаб	10	программ	6	18 ступень	
куп	24	13 ступень		пут	6	важ	3
ум	24	вер	9	техник	6	вид	3
дом	23	ест	9	чув	6	день	3
уч	23	зна	9	шансон	6	драж	3
5 ступень		книг	9	16 ступень		дум	3
лаг / лож	20	муз	9	весел	5	дух	3
влеч	19	мы	9	внук	5	жадн	3
дат	19	ответ	9	вяз	5	завтр	3
авто	18	рус / рос	9	даль	5	игр	3
классик	18	хобби	9	карьер	5	информ	3
6 ступень		больш	8	кризис	5	камен	3
муж	17	вы	8	личн	5	команд	3
труд	17	комп	8	мать	5	комнат	3
отпуск	17	мног	8	найти	5	конч	3
стой	17	одеж	8	помн	5	крыт	3
чел-о-век	17	он	8	равн	5	леч	3
7 ступень		покой	8	рань	5	мал	3
дел	16	рыб	8	ряд	5	мест	3
пит	16	слов	8	семь	5	нач	3
рост	16	смотри	8	цвет	5	плат	
8 ступень		теле	8	юмор	5	площад	3
жен	15	14 ступень		17 ступень		полн	3
вест / вод	14	бит	7	бог	4	прост	3
дет	14	врем	7	бол (ball)	4	редк	3
лучш	14	город	7	воин	4	рубеж	3
мож	14	дерев	7	выс	4	сид	3
отриц	14	добр	7	говор	4	скром	3
разн	14	здоров	7	детект	4	сын	3
9 ступень		народ	7	доч	4	трат	3
друг	13	нес	7	идеал	4	тур	3
норм	13	нов	7	имет	4	ужас	3
общ	13	прав	7	кажд	4	хоз	3
хорош	13	сам	7	кредит	4	худ	3
10 ступень		сил	7	люд	4	цел	3
свой	12	стат	7	мнен	4	эконом	3

Зеленые страницы

что жизнь в данном случае понимается как оседлость. Поскольку корни «-езд-» и «-машин-» отстоят друг от друга на 3 шага, нельзя создавать прочную связку *люблю ездить на машине*. Под ездой подразумеваются поездки в отпуск, на природу, за рубеж и т. п., но наличие близкого расположения понятия «машина» позволяет судить, что езда на машине является приоритетной. Разделение спорта и всего остального позволяет выдвинуть предположение, что понятие спорта содержит не только прямое, но и метафорическое значение, включающее конкуренцию, завоевания, достижения и т. п. Однако в рамках данной иллюстрации не стоит углубляться в интроспекцию и тем более заменять корневые слова схожими по значению, поэтому конечный вариант предложения можно записать так: *Я люблю жизнь во всем: люблю ездить, особенно на машине, заниматься спортом, строить, отдыхать и читать*.

Дальнейшие построения осуществляются по аналогичной схеме.

Предикаты «строить», «отдыхать» и «читать» являются узлами для предложений следующей ступени иерархии, отстоящей на 1 шаг и выраженной корнями «-квартир-», «-куп-», «-ум-», «-дом-» и «-уч-». Складывается следующее: *Я строю дом или покупаю квартиру; дома я отдыхаю; я читаю, чтобы учиться и быть умным*.

На 3 шага ниже образуется очередная ступень, во главе которой стоит корень «-лаг-» / «-лож-», за которым следуют корни «-влеч-», «-дат-», «-авто-» и «-классик-». Образ, стоящий за корнем «-лаг-» / «-лож-», содержит в себе понятие чего-то застывшего, неподвижного, управляемого. Компиляция его с корнем «-влеч-» приводит к следующему пониманию связи: *Я заложник своих влечений; дайте мне автомобиль и (прочую) классику*.

Очередная ступень является одноуровневой и содержит корни «-муж-», «-отпуск-», «-стой-», «-труд-», «-чел-о-век-», из которых складывается связная конструкция: Мужчине стоит трудиться, в отпуске он человек. На шаг ниже находится ступень, включающая корни «-дел-», «-пит-» и «-рост-», сложение которых приводит к связи: *Мое дело – питаться и расти*.

Далее размещается корень «-жен-», следом за которым располагается одноуровневая ступень, включающая корни «-вед-» / «-вод-», «-дет-», «-лучш-», «-мож-», «-отриц-» и «-разн-», из чего образуется конструкция: *Женщина ведет детей лучше и может отрицать разное*.

Следующая одноуровневая ступень уместает корни «-друг-», «-норм-», «-общ-» и «-хорош-», которые образуют связь: *Нормальная община – хорошие друзья*.

Очередная ступень, тоже одноуровневая, представлена корнями «-быт-», «-над-» / «-нуж-», «-один-», «-реб-» и «-свой-», формирующими утверждение: *Для бытия нужен один свой ребенок*. Представляется, что следующая ступень, вклю-

чающая корни «-буд-», «-надеж-», «-ход-» и «-хоч-», относится к названному утверждению, так как оформляется следующим образом: *Хочу надежного хода будущего*.

На последней анализируемой ступени располагаются корни «-интерес-», «-крас-», «-ним-», «-очень-», «-ремонт-», «-род-», «-сад-» и «-стаб-», которые можно сгруппировать в виде конструкции: *Меня очень интересно заниматься моим родом, садом, красотой, ремонтом и стабильностью*. Конечно, понятие «ремонт» выглядит немного неуклюже на фоне высоких понятий рода, сада (как окружающего мира) и красоты. Возможно, это объясняется общей неуклюжестью функционирования заимствованных слов в русском языке. Однако смысловой компонент понятия «ремонт», включающий «преобразование», «улучшение», «совершенствование» и другие высокие понятия, гармонично продолжает линию утверждения.

На данной ступени стоит основа «-ним-», из которой можно сформировать лексемы «понимание», «заниматься», «снимать» и др. Однако при преобразовании основы «-ним-» в корень выясняется, что данная словообразовательная единица этимологически отсылает к старорусскому глаголу «ясти», от которого также образуется основа «-ест-» в таких словах как «обрести» и т. д., объединенных на 13-й ступени иерархии. Если обе эти основы выразить одним корнем, то корень «-ест-» расположится на 5-й ступени, а с 12-й и 13-й его производные придется исключить. Так что здесь возможны вариации, которые тем не менее не вносят существенных изменений в общий формирующийся смысл.

Соединение и развертка глубинных структур полученных предложений позволяет синтезировать образ картины мира обывателя в связный текст:

В мире есть я, и главное для меня – семья. Семью поддерживают работа и любовь. Но в первую очередь – работа. Я люблю жизнь – и спокойную, и стремительную. Моя жизнь – это достижение успехов, строительство, отдых и познание. Особенно я люблю ездить на машине и заниматься спортом. Я строю дом или покупаю квартиру. Дома я отдыхаю. Я читаю, чтобы учиться и становиться умным. Я заложник своих влечений; дайте мне автомобиль и другие классические товары. Мое дело – питаться и расти. Мужчине стоит трудиться, но ему нужен отпуск, чтобы чувствовать себя человеком. Женщине лучше заниматься детьми. Женщина может быть разной и склонна к отрицанию. Нормальное общество состоит из хороших друзей. Для бытия нужен хотя бы один свой ребенок. Хочется идти в будущее с надеждой. Меня очень интересует мой род, создаваемое мной окружение, улучшение моей жизни, красота и стабильность.

На каждой ступени прослеживается объединяющий категориальный признак. Так, нулевая ступень определяется категорией позиционирова-

ния («я»), на 1 ступени отражается высшая ценность, 2 ступень отражает ценности второго порядка, 3 ступень содержит обоснование бытия, на 4 ступени заложены нормы поведения, 5 ступень характеризует мотивацию, на 6, 7 и 8 ступенях распределены основные роли и функции, на 9 ступени строятся взаимосвязи, 10 ступень содержит основную установку, 11 ступень мотивирует установку, 12 ступень очерчивает круг интересов. Последующие уровни объединяют большие группы корней, что позволяет составлять сложные синтаксические целые.

На 13 ступени располагаются потребительские ценности и ценности третьего порядка. Из стоящих на ступени корней можно сложить различные словосочетания, такие как *просмотр телевизора, много одежды, знания в книгах, большие ешь, поход на рыбалку, мы верим* и т.п. На 14 ступени формируются различные установки. Так, соединяя корни 14 ступени, можно получить словосочетания *убить время, стать счастливым, обрести здоровье, нести добро, новые города и страны* и т.д. Неслучайно именно эта группа содержит элементы интимизации, выраженные лексемами «сам» и «ты». 15 ступень содержит ограничения и предостережения. Именно здесь размещены корни «-негатив-», «-плох-» и др. Из составляющих ее корней складываются словосочетания *чувство долга, чувство меры, зависимость от техники, зависимость от денег, программа пути, благородство девичества* и т.д.

16, 17 и 18 ступени являются наиболее емкими и содержат различную информацию из ментальной модели мира обывателя. На любой ступени можно сложить множество целостных синтаксических конструкций. Так, например, из корней только 17 ступени складываются высказывания: *Каждый имеет кредит; Люди руководствуются собственным мнением; Дочери нравятся вышивать; Честь – высший судья для воина; Образ – это язык бога; Политики творят беспредел* и многие другие. Однако число формируемых высказываний не бесконечно, но все же существует в пределах образов, заданных употребляемыми корнями. Здесь стоит отметить, что не все потенциально возможные предложения, составленные из такого

множества корней, существуют в языковом сознании обывателя. Нет нужды пояснять, что предложения вроде *Идеал людей – пришитые к ногам руки* содержат ложную пропозицию. Однако это не значит, что требуется привлечение дополнительного языкового материала для дифференциации истинных пропозиций. Ориентиром для установления синтаксических связей служит картина, раскрытая на первых 12-ти ступенях иерархии.

Так простая ступенчатая методика анализа частоты употребления корней позволяет конструировать языковые образы, напрямую отражающие картину мира. Но из-за высокой вариативности образов, содержащихся на нижних ступенях иерархии, языковая реконструкция ментальной модели мира становится крайне трудоемкой. Для упрощения данного процесса целесообразно обратиться к методологии семантики, включающей выделение гиперонимов, составление семантических полей и сетей, анализ синонимии, интертекстуальной воспроизводимости и т.п. Для глубокого анализа норм, установок и мотиваций наиболее удобно воспользоваться методологией прагматики, включающей изучение употребляемых фразеологизмов, ментативных и перформативных высказываний, аргументативности и пр. Объединение качественных и количественных методов анализа, без сомнения, является максимально эффективным в исследовании языковой картины мира. Однако стоит признать, что количественный метод при этом является не только самодостаточным, но и наиболее точным, так как исключает возможность ошибок интерпретации. Кроме того, проблема трудоемкости легко решается при обращении к инструментам современных компьютерных технологий.

¹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: пер. с англ. под ред. и с пред. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 71.

² Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Корень // Языкознание. Большой энциклопедический словарь: Гл. ред. Е.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 242.

³ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. С. 48.

Поступила в редакцию 14 декабря 2009 г.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФР В РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ

Т.А. Печенкина

PRAGMATIC POTENTIAL OF NUMERALS IN RUSSIAN AND GERMAN ADVERTISEMENT

Т.А. Pechenkina

Рассматривается прагматический потенциал цифр в российской и немецкой рекламе. Автор описывает приемы воздействия с помощью цифровых обозначений на сознание получателя информации, используемые современными российскими и немецкими рекламистами, описывает средства усиления прагматического потенциала рекламного текста, которые повышают выразительность и эффективность рекламы.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, прагматическое воздействие, цифровые обозначения, потенциальный покупатель, прагматическая доминанта, средства усиления прагматического потенциала, стилистическая фигура.

The article deals with the pragmatic potential of numerals in Russian and German advertisement. The author describes impact techniques by means of numerals that are now used by Russian and German admen. It also describes the ways of text pragmatic potential enforcement that increase advertisement significance and effectiveness.

Keywords: advertisement communication, pragmatic impact, numerals, potential buyer, pragmatic dominant, pragmatic potential enforcement means, stylistic figures.

Специалисты по рекламе постоянно совершенствуют пути воздействия на сознание человека. Одним из эффективных способов такого воздействия оказывается использование количественных обозначений, которые издавна считаются необходимым элементом массовой коммуникации, позволяющим точно и стилистически безупречно передать сообщаемую информацию. Современные рекламные тексты насыщены цифрами, сообщающими о цене, скидках, количестве предлагаемых товаров и услуг; при помощи цифр сообщается также о качестве предлагаемых товаров и условиях их приобретения.

В массово-коммуникативных рекламных текстах очень часто именно количественный аспект информации оказывается в фокусе внимания как создателя текста, так и аудитории, а это делает необходимым использование множества цифр. Однако функции цифр не ограничиваются передачей только фактуальной информации. По В.Г. Костомарову, конструктивный принцип языка массовой коммуникации реализуется в постоянном чередовании экспрессии и стандарта. Цифры, используемые в рекламе, подчас призваны не только сообщить о факте, но и вызвать эмоциональный

отклик. Как справедливо отмечает И.Б. Голуб, в подобных случаях числа, не утрачивая своей информативной функции, оказываются важнейшим средством усиления экспрессивности речи, а следовательно, средством прагматического воздействия.

Необходимо учитывать, что цифровые обозначения позволяют не просто описывать какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретировать ее, предлагая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием ситуации и навязывать ее положительную или отрицательную оценку, то есть в определенном смысле воздействовать на сознание получателя информации. Рассмотрим наиболее типичные приемы такого воздействия.

1. Высокая частотность цифр. Повышенная частотность использования цифр – общая закономерность рекламной коммуникации. Легко привести пример значительного по объему художественного текста, не включающего ни одной цифры, но количественные обозначения обнаруживаются едва ли не в любом рекламном объявлении. Вместе с тем встречаются такие рекламные тексты, в которых так много цифр, что они воспринимаются как прагматическая доминанта текста:

Печенкина Татьяна Александровна, аспирант кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета. Научный руководитель – докт. филол. наук, проф. А.П. Чудинов. E-mail: Erdman20061@yandex.ru

---

Tatiana A. Pechenkina, postgraduate, chair General Linguistics SUSU. Scientific Supervisor – A.P. Chudinov, PhD, professor. E-mail: Erdman20061@yandex.ru

Только с 21 сентября по 4 октября 40 моделей из новой коллекции со скидкой 30 %: Шуба из норки *De la Manie 60 190*, Пальто *Acasta 5 990*.

Множество цифр призвано создать у потенциального покупателя ощущение полной и точной информации. Показательны следующие примеры:

БАНК24.РУ: К 15-летию банка – новый вклад 24x7. Выгодный процент в подарок до 15,5 % годовых, сумма от 124 000 р.; срок 168 дней; пополнение.

Union Investment: Mit 5 macht er viele Tore. Mit 40 ein Jahr Halbzeitpause. 25 % sparen!

Создатели рекламы обычно предпочитают цифровые обозначения даже в тех случаях, когда специалисты по стилистике рекомендуют использовать имена числительные. Например, теоретически возможны следующие варианты отображения количества.

(1) *Откройте секрет красивого и ровного загара всего за пять дней!*

(2) *Откройте секрет красивого и ровного загара всего за 5 дней!*

Авторы справочников по литературному редактированию рекомендуют при обозначении чисел первого десятка использовать буквенные обозначения. Однако в рекламных текстах, рассчитанных на зрительное восприятие, предпочтение отдается цифровому способу обозначения чисел, который привлекает внимание к количеству и усиливает действенность речи.

Хватит, товарищ, без дела слоняться! Бизнесом малым пора заниматься! Деньги за 4 часа! СКБ-БАНК.

Морщины вокруг глаз разглаживаются за 1 час. Разве может быть лучше? Гарньер ультра-лифтинг.

Любимый сад 2 литра. Ещё больше Любимого! Ещё больше любви!

Турбослим Экспресс – это экспресс-похудение за 3 дня!

DERCOS: Комплекс против выпадения волос для женщин. Корни волос укрепляются. Их объём увеличивается за 3 недели. VICHY. Здоровье для кожи.

Эта закономерность относится и к немецким рекламным текстам. Например, реклама авиакомпании: *Der 1. Klasse-Effekt: Flieger gecancel. Dienstwagen geparkt. Arbeit erledigt.*

CLARINSMEN: Die Coole Tour Gel Hydratant. Die 2 in 1-Pflege am Abend für Bart und Haut.

Der neue clever 3-Tarif. Sie haben viel zu sagen. Wir nicht: ab 3 Cent/Minute.

EURO-FH: 4 Wochen kostenloses Probestudium. Per Fernstudium zum Erfolg!

Обобщая существующую практику, по мнению рекламистов, если что-то можно выразить цифрой, то это нужно непременно сделать, так как механизм психического воздействия цифры следующий: если человек выражается цифрой, то он все измерил, просчитал, представляет факт, а по-

тому готов ответить на любой вопрос. Таким образом, цифры часто воздействуют лучше, чем буквы.

2. Лукавые цифры. Немецкие и российские создатели рекламных текстов обычно стремятся сделать так, чтобы при обозначении цены, условий кредита или гарантийных обязательств цифры воспринимались потребителями рекламы как более приемлемые, более отвечающие ожиданиям и надеждам потенциальных клиентов. В соответствии с существующим законодательством реклама не должна предоставлять потенциальным клиентам ложную информацию, но она все-таки часто «лукавит», предоставляя информацию таким образом, чтобы клиент усвоил только то, что выдвигается на первый план.

Как известно, рекламные тексты различного типа опираются на непровольное внимание человека, которое не требует специального напряжения и сосредоточенности. В связи с этим А.А. Ухтомский отмечает, что «...человек воспринимает (видит, слышит, чувствует) не то, что ему сообщается, а то, что хочет воспринимать». Восприятие – в том числе и рекламы – зависит не только от воздействия на человека, но и от имеющейся у него доминанты. Доминанта – объективно существующий механизм человеческого поведения и мышления. Рекламисту обычно приходится работать с доминантой, перешедшей на стадию стереотипа, «когда в отличие от доминантного очага у клиента по поводу одного и того же рекламируемого объекта могут быть разные эмоции, чувства, мысли»⁵.

Несмотря на то, что стереотипы относятся к сфере идеального, их влияние на поступки людей огромно, например, каждый понимает, что 39 рублей и 99 копеек – это практически 40 рублей. Но как покупатель убеждает себя и окружающих в том, что это всего 30. Поэтому и в немецкой, и в российской рекламе количественное обозначение очень часто заканчивается «девяткой» или даже двумя-тремя «девятками».

Приведем несколько примеров подобного использования стереотипов в рекламных текстах:

MONCARA: Diamonds in Perfection Ringe je 499,- Galeria Kaufhof.

NOKIA 7900 Prism: 179⁹⁰ € mit Vodafone KombiPaket Zuhause240. Jetzt neu – die extravagante Nokia Prism Collection!

Кафе ONLY: Бизнес-ланч из 4-х блюд по цене 199 руб. 12.00–16.00.

3. Неполная числовая информация. Этот прием используется при сообщении в рекламе только одной из цифр, обозначающих количественный интервал. В данном случае сообщается только та цифра, которая максимально способна привлечь потребителя, но не дается сведений о другой границе интервала. Например, если в магазине продаются шубы, по цене от 10 тысяч до миллиона рублей, то в рекламе может быть сказано только о том, что стоимость шуб – «от 10 тысяч рублей». В этом объявлении нет обмана, но умал-

Зеленые страницы

чивается о том, что 10 тысяч – это цена детской шубки или цена шубы, имеющей какой-то серьезный изъян. Реклама сообщает только о минимальной цене.

Рассмотрим несколько конкретных примеров:

Volkswagen Passat: *Немецкое качество по российским ценам. Добро пожаловать в мир разумных вещей, в мир настоящего качества от 650 000 руб. Volkswagen Passat.*

Honda: *Endlich ein Hybrid für alle. Der neue Honda Insight. Schon ab 19.550 €.*

В данных рекламных текстах сообщается только о минимальной цене на автомобили «Фольксваген Пассат» и «Хонда». Однако потенциальный покупатель может не знать, что эта цена не включает ремни безопасности, противоугонное устройство и многие аксессуары, без которых эксплуатация автомобиля практически невозможна.

Не менее показательный пример обнаруживается в рекламе средств для снижения веса:

Худейте!.. По-новому, легко и без риска! С «Неолам-гелем» Вы теряете в весе до 410 г в сутки.

Наивный потребитель может предположить, что, используя новый гель, он за месяц похудеет на 12 килограммов. Однако адресант не всегда учитывает, что обозначению «до 410 г в сутки» вполне соответствует и потеря 10 граммов веса за сутки, которая может быть сведена на нет после чашки утреннего чая. Не менее показательна и следующая реклама услуг банка:

ING DiBa: *Achtung Immobilienbesitzer: Werden Sie Schlaufinanzierer! Bis zu 5.000 Euro sparen. (Darlehenshöhe – 100.000 Euro, Laufzeit – 10 Jahre, Zinsdifferenz in % – 0,5 %, Zinsdifferenz in Euro – 5.000, Wechselkosten ca. 200 Euro, mögliche Ersparnis ca. 4.800 Euro).*

В данной рекламе клиентам банка ING DiBa предлагается стать находчивыми финансистами и делается акцент на более выгодные условия погашения долга за недвижимое имущество, что дает возможность сэкономить свои деньги. Банк очень ловко оперирует цифровыми показателями, вместо указания процентного показателя за банковские услуги указывается конкретная сумма сбережений клиента при данных условиях займа, что фактически одно и то же (0,5 % и 5.000 Euro), но конкретная сумма воспринимается адресатом легче, чем процентный показатель. Однако клиент может и не принять во внимание то, что написано более мелким шрифтом в рекламе, поэтому он сэкономит только 4.800 Euro вместо заявленных 5.000 Euro.

Использование неполной информации объясняется тем, что задача рекламного текста состоит не в том, чтобы точно указать цену, а в том, чтобы привлечь и удержать интерес наибольшего количества «нужных» потребителей, способствовать принятию покупательского решения. Основными критериями выбора практически всех «рациональных» товаров являются цена, качество, а также цена и качество вместе. В качестве сильных торго-

вых аргументов и используются цифры, которые обладают большой убедительностью.

Следует отметить, что цифры особенно охотно используются в печатной рекламе, предназначенной для зрительного восприятия. Даже в небольшом печатном рекламном тексте можно привести достаточное количество необходимой информации – различные характеристики, цены, адреса, купоны и т.д. Конечно, их можно указать и в теле- или радиорекламе, но человек воспринимает цифры, прозвучавшие в эфире или мелькнувшие на экране, хуже, чем прочитанные в печатной рекламе.

С журнального листа потребитель усваивает детали без особого труда. Они получают интересную информацию для себя, как стать привлекательным и успешным человеком, где купить хороший и желаемый автомобиль по выгодной цене и т.д. Поэтому производители товаров и услуг, чтобы привлечь покупателя, прибегают к таким «уловкам», как обозначение цены в рекламном тексте следующим образом: например, от 650 000 руб. или от 3 % до 7 %, до 410 г. в сутки, за 1850 руб., а в немецкой рекламе – ab 50.000 Euro, bis zu 25 %.

4. Информация о скидках, льготах, подарках. Еще один прием прагматического воздействия состоит в ориентации на так называемые «импульсивные покупки», которые делаются под влиянием мгновения (психологически точно угаданного создателями рекламы). Создатели рекламы отвлекают внимание потребителей от основных параметров товара путем привлечения внимания к цифрам, указывающим на скидки, льготы, подарки:

Сделай вклад – и ... повезет + 50 призов ЧЕЛЯБИНВЕСТБАНК.

Далеко не все люди задумываются о реальной возможности получить один из обещанных призов, а также об иных условиях вклада. Возможно, банк действительно планирует потратить средства на 50 призов, но компенсирует свои финансовые потери тем, что снижает процентную ставку. В результате оказывается, что в действительности реклама помогает банку экономить деньги, а люди, сделавшие вклад в расчете на получение приза, могли бы сделать вклад на значительно более выгодных условиях.

В рекламе доставки продуктов на дом предлагается скидка: *Вкусные суши домой и в офис. Скидка 20 %.*

Однако потенциальный покупатель не всегда учитывает, что это стандартная для предприятий общественного питания скидка, которая связана с тем, что не будет расходов, необходимых в том случае, если покупатель не будет есть суши в зале ресторана.

Сообщение о скидках, распродажах, подарках, льготах наводит многих людей на мысль о необходимости воспользоваться предлагаемой услу-

гой/товаром, пока существуют льготные условия. Рекламодатели привлекают в этих случаях потребителей неординарными рекламными слоганами, в которых активно используются количественные обозначения. Рассмотрим несколько примеров:

Riesen-Rabatt für Ihre Zwerge: der Multivan United mit 1.500, € Rabatt pro Kind. Volkswagen

В данной рекламе фирма «Фольксваген» сделала акцент на то, что *der Multivan United* – это семейный автомобиль и, как правило, кто покупает такие автомобили, тот имеет не одного, а несколько детей. Привлекая этим аргументом покупателей, фирма делает скидку на каждого ребёнка 1.500, €, если в семье 2 ребёнка, то скидка 3 000, €, если 3 ребёнка – 4.500 € и т.д. А это уже привлекает любителей таких автомобилей.

5. Цифры в составе стилистических фигур.

К средствам усиления прагматического потенциала рекламного текста относится также и экспрессивность: «Экспрессивность рекламного текста рассматривается нами ... как система используемых в тексте языковых средств и приёмов, которая позволяет наиболее выразительно представить денотат рекламы – товар / услугу – и прагматическую интенцию адресанта, вследствие чего воздействовать на сознание, поведение и деятельность адресата». К средствам усиления прагматического потенциала рекламного текста относится также использование риторических фигур, способных повысить выразительность и эффективность рекламы. Нередко внешняя сторона фигуры действует настолько сильно, что мешает человеку задуматься над смысловым содержанием: в таких случаях красивая форма воспринимается адресатом как важный аргумент в пользу того выбора, который навязывается создателями рекламы.

Наиболее распространенная стилистическая фигура в рекламных текстах – это дублирование количественных обозначений. Как известно, повтор издавна считался одной из наиболее эффективных риторических фигур. В данном случае речь идет об особой разновидности этой фигуры – о цифровом повторе. Рассмотрим следующие примеры:

Только 3 дня, чтобы похудеть? Не сомневайтесь! Турбослим Экспресс поможет всего за 3 дня уменьшить объёмы на 3 сантиметра!

Пегас-Тур: А нам 10 лет! В честь дня рождения дарим скидки клиентам. Закажите тур в Египет, Чехию, Францию, Венгрию, Германию, Израиль, Японию, на Бали и получите скидку 10 %.

Разумеется, кому-то может показаться, что повтор цифр в сочетаниях 3 дня и 3 сантиметра, а также в обозначениях 10 лет и 10 % – это просто случайность, однако специалисты по рекламе знают, что такая «случайность» тщательно подготовлена и служит важным средством воздействия на адресата рекламы.

Этот же способ встречается и в немецкой рекламе, например:

GREECE: Ein echtes Erlebnis 16. 000 km Küste, 16 000 Fluchten aus dem Alltag.

ROWOHLT BERLIN: 80 Tage, 80 Nächte, 80 Betten – mit Helge Timmerberg einmal um die Welt: eine phantastische Reise durch Traum und Wirklichkeit.

Повтор числительных в этих случаях позволяет мастерам рекламы усилить их восприятие.

Следующий прием усиления прагматического воздействия при помощи цифровых обозначений – это **градация**, которая в данном случае представляет собой использование цифр с последовательно повышающимся количественным значением. Вот один из примеров:

PEUGEOT: Mit dem neuen PEUGEOT Partner Tepee bleiben Sie auch in ungewöhnlichen Situationen flexibel. Auf Wunsch mit 2 seitlichen Schiebetüren, Multifunktionsdach mit 3 Fenstern und vielen Ablagen, 4 herausnehmbaren Einzelsitzen hinten, zahlreichen Stau- und Ablagefächern, Offroad-Optik und erhöhter Bodenfreiheit und hervorragenden Fahreigenschaften. Genießen Sie seine vielseitigen Eigenschaften.

LONDA COLOR: Процвай, упрямая седина! Стойкий цвет до 1 2 3 4 5 6 недель.

В рекламных текстах встречается также нисходящая градация с уменьшающимся количественным значением. Например:

Подарки покупателям 5 000 руб., 3 000 руб., 1 500 руб.

MINOAN LINES: Wissen Sie bereits... wohin Sie Ihre nächste Reise führt? Ermäßigungen: 30 % Rückfahrtermäßigung, 20 % Jugendermäßigung, 20 % Ermäßigung für ADAC Mitglieder, 10 % Frühbucher-Rabatt.

Использование данной фигуры, состоящей в таком расположении количественных обозначений, при котором каждое последующее содержит увеличивающееся или уменьшающееся количественное значение, способствует нарастанию или ослаблению производимого впечатления. Очень типичны для современной рекламы такие примеры: *до 1 2 3 4 5 6 недель, mit 2 seitlichen Schiebetüren, Multifunktionsdach mit 3 Fenstern und vielen Ablagen, 4 herausnehmbaren Einzelsitzen hinten, 5 000 руб., 3 000 руб., 1 500 руб., 30 % Rückfahrtermäßigung, 20% Jugendermäßigung, 20 % Ermäßigung für ADAC Mitglieder, 10 % Frühbucher-Rabatt*, которые имеют в рекламе эмоциональную значимость.

Следующий прием усиления прагматического воздействия – это **инверсия**, которая в данном случае представляет собой расположение количественных обозначений в позиции, наиболее привлекающей внимание адресата, что позволяет повысить экспрессивность речи. Показательны следующие примеры:

CABERNET SAUVIGNON: 300 солнечных дней в году наслаждайся!

Зеленые страницы

MERCEDES: 22 Sekunden zum Öffnen des Dachs. Danach verliert Zeit ihre Bedeutung.

В данных примерах инверсии цифры, расположенные в самом начале фразы, максимально привлекают внимание адресата рекламы.

Следует отметить и такой прием воздействия с использованием цифр, как **антитеза** – противопоставление количественных обозначений. Рассмотрим примеры:

DURACELL: Один аккумулятор и целый мир впечатлений!

В данном рекламном тексте словосочетание «целый мир» употребляется в значении *много*, что составляет яркий контраст числу «один»: *один – много*.

ASSTEL: Ein Lächeln sagt mehr als tausend Worte. Schöne Zähne für 5,31€ pro Monat.

GREECE: Eine Stadt. Tausend Pulsschläge.

Вышеприведенные рекламные тексты построены на контрасте следующих количественных обозначений: *один – много, ein (eine) – tausend*. Следует подчеркнуть, что для немецкой культуры характерно символическое значение числа 1 000:

это количественное обозначение используется с целью повышения экспрессивности высказывания при обозначении неопределенного множества на основе приема гиперболизации.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что цифры в рекламе, с одной стороны, помогают информировать об услугах и товарах, с другой – оказывают на потенциального потребителя эмоционально-психологическое воздействие. Назначение рекламы заключается в убеждении людей в том, что товар предназначен для них, что, покупая его, они получают определенную пользу. Количественные показатели могут служить важным аргументом для потенциальных покупателей, «сухие цифры» способны придать товару свойства, которые помогают покупателю приблизиться к своей мечте. Вместе с тем весьма показателен несомненный параллелизм приемов, используемых современными российскими и немецкими рекламистами, что свидетельствует о значительном сходстве процессов развития практики рекламной деятельности в России и Германии.

Поступила в редакцию 23 ноября 2009 г.

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ ЭМОЦИЙ РАДОСТЬ И ГРУСТЬ В ПОЭЗИИ А.А. ФЕТА И Ф.И. ТЮТЧЕВА

Е.С. Скляр

THE LINGUISTIC NOMINATION OF EMOTIONS JOY AND SADNESS IN A.A. FET'S AND IN F.I. TYUTCHEV'S POETRY

E.S. Sklyar

Рассматривается языковая номинация первичных эмоций *радость* и *грусть*, объективированных в лирике А.А. Фета и Ф.И. Тютчева. Сопоставляется лексика, номинирующая эмоции, на уровне парадигматических и синтагматических связей, а также на уровне семантики.

Ключевые слова: эмоции, первичные эмоции, радость, грусть, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев.

In the article the author examines the linguistic nomination of the primary emotions joy and sadness objectified in A.A.Fet's and in F.I. Tyutchev's lyric poetry. The author also compares the lexemes nominating the emotions on the level of paradigmatic and syntagmatic relations and also on the level of semantics.

Keywords: emotions, primary and secondary emotions, joy, sadness, A.A. Fet, F.I. Tyutchev.

Выражение эмоций в художественном тексте происходит посредством языка, который располагает большим количеством средств, призванных обозначать эмоции: «соответствующая лексика, фразеологизированные синтаксические конструкции, особая интонация, порядок слов. Основная роль здесь принадлежит, безусловно, лексике»¹. В данной статье мы обратимся к текстам А.А. Фета² и Ф.И. Тютчева³, на основе которых представим языковую номинацию первичных эмоций *радость* и *грусть* на лексическом уровне.

В своем исследовании мы опираемся на работу М.Л. Бутовской, которая вслед за Дарвином и другими учеными выделяет первичные и вторичные эмоции. К первичным, или базовым, эмоциям ученый относит те, которые появляются уже в первые месяцы жизни и которые присутствуют в репертуаре всех без исключения человеческих культур (положительные – радость/счастье, интерес/удивление, отрицательные – гнев, грусть, страх и отвращение). Вторичные появляются позднее и связаны с формированием самосознания и усвоением культурных правил и стандартов поведения. В современной литературе к вторичным эмоциям относят эмпатию, смущение, зависть, стыд, гордость, чувство вины и любовь⁴.

В поэтическом наследии А.А. Фета и Ф.И. Тютчева представлены наименования всех

первичных эмоциональных состояний, однако наиболее частотными и лексемно разнообразными оказались группы слов, называющих эмоции *радость* и *грусть* (см. таблицу).

Название эмоции	А.А. Фет		Ф.И. Тютчев	
	Количество лексем	Количество с/у	Количество лексем	Количество с/у
Радость	42	330	45	125
Грусть	31	152	26	76
Страх	26	105	16	50
Гнев	14	37	17	37
Интерес	9	15	8	11
Отвращение	1	1	4	4

Каждая эмоция может быть представлена прямой номинацией эмоции (*радость*; *грусть*), синонимическими наименованиями эмоциодоминанты (*веселье*, *отрада*; *горе*, *печаль*); производными и непроизводными лексемами разной частеречной принадлежности, имеющими словообразовательные связи с прямыми и синонимичными номинациями эмоций (*весело*, *ликовать*, *радоваться*; *безотрадный*, *грустить*), а также многозначными словами, переносные значения которых служат для выражения эмоциональных состояний (*золотой* 'счастливым, благоприятный, блестящий, великолепный'⁵, *праздник* 'испытываемое от чего-л. наслаждение, приятное, радост-

Скляр Елена Станиславовна, аспирант кафедры русского языка ГОУ КГУ (Курск), научный руководитель – докт. филол. наук, проф. Бобунова М.А. E-mail: SklyarElena@yandex.ru

Elena S. Sklyar, Russian Language, chair post-graduate (Kursk State University), Scientific Supervisor – Prof. Maria A. Bobunova, PhD (Russian philology). E-mail: SklyarElena@yandex.ru

Зеленые страницы

ное чувство, а также сам источник наслаждения, радости⁶, *просветлеть* 'стать ясным, спокойным, радостным'⁷, *торжество* 'чувство радости, ликования по случаю победы, успеха в чем-л.'⁸.

Эмоция *радость* объективирована в текстах А. Фета 42 лексемами в 330 словоупотреблениях, в стихотворениях Ф. Тютчева – 45 лексемами в 125 словоупотреблениях. Общими оказались 28 слов разных лексико-грамматических классов:

– имена существительные: *блаженство, веселье, восторг, отрада, радость, сладость, счастье, торжество*;

– имена прилагательные: *блаженный, веселый, восторженный, золотой, отрадный, рад, радостный, сладкий, сладостный, счастливый*;

– глаголы: *блаженствовать, ликовать, любоваться, просветлеть, радовать, радоваться, торжествовать*;

– наречия и слова категории состояния: *весело, радостно, сладко*.

Всего на долю общих наименований приходится более 60% от общего числа слов, представляющих указанную эмоцию (62 % – Тютчев; 67 % – Фет).

Группа индивидуальных лексем в поэзии А. Фета разнообразна по частеречному составу. Сюда вошли и существительные (*счастливцев*), и прилагательные (*довольный*), и глаголы (*восхищаться, восхищаться*), а также наречия и слова категории состояния (*отрадно, сладостно*). Половину списка занимают сложные производные слова: *безумно-счастливый, освежительно-радостно, отрадно-лакомый, радостно-близко, сладко-сладко, сладостно-суровый, томительно-сладкий*. У Ф. Тютчева нами выявлены следующие индивидуальные лексемы: *веселость, восхищенье* 'высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-л., восторг'⁹, *довольство* 'чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения'¹⁰, *ликованье, наслаждение, праздник, усладитель; златой, праздничный; веселиться, восхищать, восхищенный; золотить, порадовать; блаженно-равнодушный, блаженно-роковой, сладко-беззаботно*.

Отличительная особенность индивидуальных наименований состоит в том, что они или низко-частотны, или единичны, за исключением лексемы *отрадно* (наречие и слово категории состояния), которая в лирике А. Фета употребляется 11 раз.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоняя, –
Мне так *отрадно* с тобой:
Не отходи от меня! (Фет, с. 116);
Сердце трепещет *отрадно* и больно,
Подняты очи, и руки воздеты (Фет, с. 72).

В целом наше исследование показало, что Ф. Тютчев чаще, чем А. Фет, употребляет имена существительные (ср. 15 – Тютчев, 9 – Фет), а А. Фет – наречия и слова категории состояния (ср. 8 – Фет, 4 – Тютчев).

В лирике А. Фета высокочастотными оказались слова *счастье* (64 словоупотребления, далее – с/у), *радость* (25 с/у), *восторг* (20 с/у) и *рад* (20 с/у), в поэзии Ф. Тютчева – *радость* (11 с/у), *весело* (9 с/у), *веселый* (7 с/у). Обратим внимание на то, что самая частотная лексема в текстах А. Фета – существительное *счастье* – заметно превосходит (более чем в 2,5 раза) вторую по частотности лексему *радость*. Интересным представляется тот факт, что Ф. Тютчев использует слово *счастье* всего 4 раза.

Сопоставим лексикографические портреты существительного *радость*, которое встречается в произведениях обоих поэтов и занимает верхние позиции в частотном списке. Как оказалось и А.А. Фет, и Ф.И. Тютчев редко используют эпитеты для характеристики слова, репрезентирующего данное эмоциональное состояние. Зафиксированные нами определения (*веселая, земная, старинная, утраченная, явная* – Фет, *тайная и убитая* – Тютчев) единичны.

Отличительной особенностью поэзии А.А. Фета является активное использование субстантивных пар, при этом в генитивных конструкциях слово *радость* может быть и главным компонентом (*радость жизни, радость сближенья, радости земли, радость страданья*), и зависимым (*питомец радости, улыбка радости*). Подобные сочетания с указанным существительным в лирике Ф.И. Тютчева не выявлены.

Своеобразны и глагольные связи существительного *радость*:

Фет	Тютчев
	субъект действия
<i>не знать предела сиять теплиться</i>	<i>пролиться</i>
	объект действия
<i>вкусить радость дать радость дышать радостью объять радостью чують радость</i>	<i>ставить в измену радости пережить радость петь радость узнать цену радостям явиться на радость</i>

У А.А. Фета глаголы характеризуют *радость* как нечто необъятное (*не знать предела*), слабо или ярко проявляющееся (*сиять, теплиться*), как то, чем можно проникнуться (*дышать радостью*), что можно интуитивно чувствовать (*чують*), ощущать (*вкусить*), чем можно охватить и подчинить себе (*объять радостью*). У Ф.И. Тютчева радость наделена свойствами жидкости (*пролиться*), ее можно восхвалять (*петь*), испытывать (*пережить*) и оценивать (*узнать цену радостям*).

Таким образом, высокочастотное существительное *радость* в поэтическом лексиконе двух авторов имеет разные синтагматические связи, что свидетельствует о специфике данного фрагмента языковой картины мира.

Эмоция *грусть* номинирована в поэзии А.А. Фета 31 лексемой в 152 словоупотреблениях, в поэзии Ф.И. Тютчева – 26 лексемами в 76 словоупотреблениях. Общими оказались 17 лексем – большая часть списка (Фет – 55 %, Тютчев – 65 %). Среди них:

– имена существительные *горе* ‘душевное страдание, глубокая печаль, скорбь’,¹¹ *печаль*, *скорбь* ‘глубокая печаль, горесть’,¹² *скука*, *тоска*, *уныние*;

– имена прилагательные *безотрадный*, *горестный*, *горький*, *грустный*, *печальный*, *унылый*;

– глаголы *грустить*, *тосковать*;

– наречия и слова категории состояния *безотрадно*, *грустно*, *жаль* ‘о чувстве грусти, горечи по поводу отсутствия, утраты, исчезновения и т. п. кого-, чего-л.’¹³.

К группе общих наименований примыкают сходные сложные прилагательные *грустно-сиротливый* (Фет) и *грустно-сиротеющий* (Тютчев).

Список индивидуальных лексем в поэзии А. Фета представлен существительными *грусть*, *кручина* и *хандра*, глаголами и глагольными формами *вздыхать* ‘тосковать, горевать, грустить’,¹⁴ *докучать*, *жалеть*, *наскучить*, *скорбящий*, прилагательными *прискорбный*, *тоскливый* и наречиями *горько*, *тоскливо* и *грустно-небрежно*. У Ф. Тютчева – существительными *горечь* ‘тяжелое чувство, вызываемое бедой, несчастьем, неудачей, обидой и т. п.’¹⁵, глаголами *скорбнуть*, *удручать*, *унывать*, прилагательными *заунывный*, *грустно-молчаливый* и наречиями *уныло*, *грустно-безответно*.

Если все индивидуальные наименования, выявленные в лирике Тютчева, являются низкочастотными или единичными, то у Фета в эту группу попали и частотные лексемы, например, существительное *грусть* (10 с/у) и прилагательное *тоскливый* (8 с/у):

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с *грустию* дыхания мороза (Фет, с. 221);
Пойми хоть раз *тоскливое* признание,
Хоть раз услышь души молящей стон!
(Фет, с. 128).

Отметим, что в анализируемых стихотворениях Ф. Тютчева отсутствует прямая номинация исследуемой эмоции – лексема *грусть*, однако зафиксирован ряд из шести однокоренных слов (*грустить*, *грустный*, *грустно*, *грустно-безответно*, *грустно-молчаливый*, *грустно-сиротеющий*).

Наиболее употребительными лексемами у А.А. Фета являются слова *тоска* (19 с/у) и *печаль* (17 с/у), у Ф.И. Тютчева – *тоска* (15 с/у) и *горе* (10 с/у). Обратимся к сопоставительному анализу синтагматических связей частотного слова *тоска*.

В отличие от существительного *радость*, лексема *тоска* получает разнообразные качественные характеристики. А.А. Фет неоднократно использует имена прилагательные с приставками *бес-* и *не-*

со значением отрицания для описания указанного состояния с разных сторон: *бессильная*, *неизбежная*, *непонятная*, *непраздная*. Выявленные эпитеты можно разделить на группы по разным признакам: с точки зрения временного периода (*вешняя*, *молодая*, *прошедшая*), по ощущениям (*нежная*), по открытости чувства (*тайная*). Ф.И. Тютчев тоже использует прилагательные с приставкой *не-* (*невыразимая*, *неразделяемая*). С помощью эпитетов передается степень переживания чувства (*жгучая*), его искренность (*задушевная*) и осмысленность (*тупая*, *зловещая*).

Сопоставим глаголы, с которыми связано данное имя существительное.

Фет	Тютчев
	субъект действия
<i>затихнуть</i>	
<i>омрачить</i>	
	объект действия
<i>будить в тоске</i>	<i>внимать без тоски</i>
<i>вспомнить тоску</i>	<i>говорить с тоскою</i>
<i>глядеть с тоской</i>	<i>изнемогать с тоскою</i>
<i>дорожить тоской</i>	<i>не находить с тоскою</i>
<i>искать с тоской</i>	<i>мысли</i>
<i>истерзать тоской</i>	<i>подавить тоской</i>
<i>нестись к тоске</i>	<i>проникнуть тоской</i>
<i>подждать с тоскою</i>	<i>сознать с тоскою</i>
<i>помочь тоске</i>	<i>томиться тоскою</i>
<i>пропасть от тоски</i>	
<i>раздарить с тоской</i>	
<i>расстаться с тоской</i>	
<i>устоять пред тоской</i>	
<i>хотеть воли тоске</i>	

Нами не выявлено общих глаголов, управляющих указанной лексемой. В тематическом отношении тоска у Фета многолика. Она может оказывать негативное влияние на человека (*истерзать тоской*, *пропасть от тоски*), пред неизбежною тоскою ничто не может устоять, но при этом человек все же способен сопротивляться тоске (*расстаться с тоской*), в результате чего она может затихнуть. Тоска у Фета переходит в разряд ценных явлений (*дорожить тоской*, *хотеть воли тоске*), которые хочется вспоминать (*вспомнить тоску*, *нестись к тоске*). Тяжелое, гнетущее чувство в поэзии Фета сопоставимо с чувством высшей удовлетворенностью жизнью: *Своей тоской, как счастьем, дорожу* (Фет, с. 128); *Ожившая память несетя К прошедшей тоске и веселью* (Фет, с. 115).

В поэзии Ф. Тютчева тоской можно преисполниться (*проникнуть тоской*), а можно ощущать беспокойство от этого чувства (*томиться тоской*). Как и у Фета, тоска отрицательно влияет на жизнь человека (*изнемогать с тоскою*, *подавить тоской*).

В целом лексика, называющая эмоции *радость* и *грусть*, в поэзии и А.А. Фета и Ф.И. Тютчева используется для передачи переживаний лирических героев и для создания природных картин. Ср.:

Зеленые страницы

Фет	Тютчев
... <i>Счастью</i> сердце легко дается: Мне близ тебя хорошо и поется (Фет, с. 123); ...Без тебя я <i>тоскую</i> бе- зумно, Ты улыбку мою унесла (Фет, с. 126); И гибкий тигр с пушистою тигрицей, Неслышные, в ярме пред колесницей Идут, махая <i>весело</i> хвостом (Фет, с. 170); <i>Печальная</i> береза у моего окна, и прихотью мороза разубрана она (Фет, с. 105);	Душа, увы, не выстрадает <i>счастья</i> , Но может выстрадать себя (Тютчев, с. 170); ...И человек отчаянно <i>тос- кует</i> (Тютчев, с. 129); С горы бежит поток про- ворный, в лесу не молкнет птичий гам, и гам лесной, и шум нагорный – все вторит <i>весело</i> громам (Тютчев, с. 52); Еще земля <i>печален</i> вид, а воздух уж весною дышит... (Тютчев, с. 89).

В поэзии (особенно у А. Фета) существует не-разрывная связь между природой и внутренним миром человека: *К себе зазывала любовь И блеском и страстью пахучей, Не только весельем дубов, Но счастьем и ивы пахучей* (Фет, с. 260).

Порой авторы «рисуют» сложные эмоцио-нальные состояния, передаваемые целым комплек-сом чувств, нередко антонимичных.

Фет	Тютчев
Но там же, в саду миро- зданья, Где <i>радость</i> и <i>счастье</i> - привычка Забыты, отвергнуты сча- стьем Кустарник и серая птичка (Фет, с. 79); Странное чувство какое-то в несколько дней овладело Телом моим и душой, целым моим существом: <i>Радость</i> и светлая <i>грусть</i> (Фет, с. 43);	...О, сколько горестных минут, <i>любви</i> и <i>радости</i> убитой! (Тютчев, с. 148); ...Минувших дней <i>печаль</i> и <i>радость</i> , твоя утраченная младость, моя погибая <i>любовь</i> ! (Тютчев, с. 57); Живя, умей все пережить: <i>печаль</i> и <i>радость</i> и <i>тревогу</i> (Тютчев, с. 118).

Для лирики Ф.И. Тютчева характерно использо-вание лексики, называющей данные эмоции, и при разработке темы общественных отношений: *И вот в рядах отечественной рати Опять не стало смелого бойца – Опять вздохнут о горестной утрате Все честные, все русские сердца* (Тют-чев, с. 198), – что не свойственно поэзии А. Фета.

Таким образом, проведенный сопоставитель-ный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что в лирике А. Фета и Ф. Тютчева много общих черт, однако есть и различия, проявляющиеся как в списочном составе лексем и их частотности, так и на уровне парадигматических и синтагматиче-ских связей. Все это является ярким свидетельст-вом своеобразия поэтического лексикона каждого автора.

¹ Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи (на материале глагольной лексики в художественном тек-сте) : учеб. пособие. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 3.

² Фет А.А. Сочинения. Стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 41–278.

³ Тютчев Ф.И. Сочинения в 2-х т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 39–222.

⁴ Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эво-люционные и кросс-культурные коммуникации челове-ка). Научный мир, 2004. С. 177–178, 189.

⁵ Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. С. 620 (далее – МАС, номер тома и страницы).

⁶ МАС. Т. 3. С. 356.

⁷ МАС. Т. 3. С. 519.

⁸ МАС. Т. 4. С. 386.

⁹ МАС. Т. 1. С. 218.

¹⁰ МАС. Т. 1. С. 414.

¹¹ МАС. Т. 1. С. 333.

¹² МАС. Т. 4. С. 116.

¹³ МАС. Т. 1. С. 471.

¹⁴ МАС. Т. 1. С. 167.

¹⁵ МАС. Т. 1. С. 334.

Поступила в редакцию 25 декабря 2009 г.

КОНЦЕПТОСФЕРА КОМИЧЕСКОГО НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТОВ

Г.М. Хасанова

CONCEPTUAL DOMAIN OF THE COMIC IN ENGLISH FUNNY STORIES

G.M. Khasanova

Посвящена актуальной проблеме когнитивного изучения концептуальной сферы комического. Автором применяется когнитивно-прагматический подход к анализу базовых концептов: «Взаимоотношения», «Характер», «Жизнь», «Политика», «Прогресс», «Интеллект».

Ключевые слова: анекдот, концептосфера, концепт, семантическое поле, речевой жанр, экспрессивность.

The present article is devoted to the topical problem of the cognitive study of the conceptual domain of the comic. The author applies the cognitive – pragmatic procedure to the analysis of semantic fields related to the basic concepts «Human Relationships», «Character», «Life», «Politics», «Progress», «Intellect».

Keywords: funny story, conceptsphere, concept, semantic field, speech genre, expressivity.

Наука о языке изучает тексты различных речевых жанров. Этой теме посвящены труды М.М. Бахтина, И.Г. Дьячковой, Е.Я. Шмелевой, А.Д. Шмелева, В.В. Дементьева, М.Ю. Федосюк и др.

М.М. Бахтин отмечает, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои типы высказываний», которые он называет речевыми жанрами. «К ним относятся и бытовой диалог, и рассказ, и письмо, и приказ, и разнообразные деловые документы»¹.

В последнее время большое внимание уделяется лингвистами и рассмотрению такого вида комического, как анекдот. Так, Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев исследуют текст анекдота с точки зрения жанровой и языковой специфики. По их мнению, «анекдот как речевой жанр выделяется тем, что обладает особым «метатекстовым» вводом. В этом заключается отличие анекдотов от острот и шуток, которые, напротив, «метатекстовыми вводами» в коммуникативной ситуации предвзяты не могут. В самом тексте анекдота обнаруживаются два языковых слоя: с одной стороны, это речь рассказчика, описывающего то, что происходит; с другой – это речь персонажей, которых рассказчик поочередно изображает. Для каждого из указанных слоев обнаруживаются языковые черты, определяющие функционирование анекдота...»².

С точки зрения прагматики анекдот рассмат-

ривается как коммуникативный акт (Э. Лендваи, А.А. Петрова). Прагмалингвистика описывает различные типы анекдотов: анекдот-спор, анекдот-пародия, анекдот-загадка, анекдот-абсурд и другие. Следовательно, то, как «анекдот будет понят, зависит не только от качества самого текста, но в значительной степени от характеристик реципиента, а именно его культурного багажа, знания реалий (истории, географии, литературы, музыки и т. п.), а также языковых особенностей»³. Речи реципиента свойственны такие прагматические характеристики, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, авторское намерение и т. д. Экспрессивность составляет основную часть коннотативного значения языковых единиц.

Исходя из этого, текст анекдота может приобретать положительную или, наоборот, отрицательную оценку. Положительно реципиентом оценивается юмор добрый, нацеленный на то, чтобы рассмешить слушателя.

Неоднозначно реципиентом оценивается юмор, граничащий с иронией, так как, изображая отрицательное явление в положительном виде, ирония противопоставляет таким образом то, что должно быть, тому, что есть, осмеивает данное с точки зрения должного.

Более категорично, скорее отрицательно, оцениваются сарказм, сатира и «черный» юмор. Сарказм отличается резкостью суждения и беспощад-

---

Хасанова Гульнара Маратовна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмәгилова. E-mail: gulnara200@mail.ru

---

Gulnara M. Khasanova, Senior Teacher of Russian and Foreign Languages Chair of Zagir Ismagilov Ufa State Academy of Arts. E-mail: gulnara200@mail.ru

ностью, всегда указывает на негативное отношение говорящего к действительности. Сарказм – это жесткая насмешка, которая может открываться позитивным суждением, но в целом всегда содержит негативную окраску и указывает на недостаток человека, предмета или явления.

В истории литературы сатира является видом комического, отличающегося от других видов (юмора, иронии) резкостью обличения. Наряду с сатирой и сарказмом существует и понятие «черный» юмор, которое несет в себе негативную окраску описываемого объекта или явления.

Интересным, на наш взгляд, представляется рассмотрение текста анекдота с позиций семантического синтаксиса (И.Р. Седаков, В.В. Седов, О. Фавстова), так как «анекдот всегда связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть»⁴. Анекдот в особой языковой форме отражает типичные ситуации жизни человека (обывателя и гражданина): семья, школа, армия, работа, политика, больница, магазин и т. п., поэтому можно считать, что в анекдоте по-своему отражается действительность. «И в этом смысле современный народный анекдот предстает в виде ярких осколков, в которых сверкает и переливается карнавальное мироощущение. Сложные вместе осколки эти дают особое отражение мира, модель мира. Мир, созданный в современном народном анекдоте, выглядит как смеховой антимир, в котором все иначе, чем в мире официальных догм»⁵.

Помимо традиционной трактовки категории комического и его видов в современной лингвистической литературе утверждается новый, когнитивный ракурс описания данной категории. Когнитивная лингвистика ставит своей целью понять, изучить и, по возможности, описать «концептосферу» человека (по терминологии Д.С. Лихачева), то есть языкового сознания и определенного образа мира, существующего в голове человека. «Концептосферой» именуется совокупность имеющихся в сознании концептов. Большинство ученых-лингвистов (Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, В.Б. Касевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин) концепт воспринимается как базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом. Концепты в когнитивной лингвистике признаются «единицами, не только структурирующими информацию об окружающем мире, но и способствующими ее кодированию средствами языка. Категоризация мира в сознании человека происходит на уровне прототипов, которые понимаются как культурно-маркированные представления некоторой обобщенной категории»⁶. Концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятель-

ности и процессов познания действительности в виде неких «квантов» знания. Концепт имеет логично организованную структуру, состоящую из исходного базисного элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов.

Поскольку предметом нашего исследования является описание концептосферы комического в текстах английских анекдотов, мы считаем возможным осуществить комплексный когнитивно-прагматический анализ языковых единиц на функционально-семантической основе сферы «Человек и его жизнедеятельность». Методика анализа анекдотов состоит из трех ступеней. На первом этапе исследования тексты анекдотов классифицируются тематически. Затем выделяются слова-идентификаторы. Анекдоты, имеющие общие слова-идентификаторы, структурируются в одно семантическое поле, которое, в свою очередь, соотносится с определенным концептом.

В проведенном нами исследовании тексты анекдотов нами были отнесены к различным семантическим полям, к таким как «Брак», «Здоровье», «Лень», «Компьютер», «Право», «Смышленность», которые, в свою очередь, соотносятся с базовыми концептами «Взаимоотношения», «Жизнь», «Характер», «Прогресс», «Политика», «Интеллект».

В ходе анализа мы выяснили, что концептосфера «Человек и его жизнедеятельность» может быть представлена в виде семантической организации, включающей в себя вышеперечисленные концепты. Рассмотрим более подробно каждый из этих концептов.

1. Концепт «Взаимоотношения» соотносится с семантическими полями: «Дружба», «Любовь», «Отцы и дети», «Брак» и др.

A woman accompanied her husband to the doctor's office. After his check up, the doctor called the wife into his office alone. He said, 'Your husband is suffering from a very severe disease, combined with horrible stress. If you don't do the following, your husband will surely die. Each morning, fix him a healthy breakfast. Be pleasant, and make sure he is in a good mood. For lunch make him a nutritious meal he can take to work. And for dinner, prepare an especially nice meal for him. Don't burden him with chores, as this could further his stress. Don't discuss your problems with him. If you can do this for the next ten months to a year, I think your husband will regain his health. On the way home, the husband asked his wife, 'What did the doctor say?'

«You are going to die», she replied.

Данный текст анекдота соотносится с семантическим полем «Брак», так как здесь можно выделить следующие слова-идентификаторы: *woman, husband, wife*. Соответственно данное семантическое поле включается в концепт «Взаимоотношения», сигналом реакции смеха здесь служит ирония, реализованная в последних строках.

2. Концептом «Жизнь» могут быть объединены следующие семантические поля: «Смерть», «Здоровье», «Опыт», «Надежда», «Время», «Счастье», «Несчастье», «Голод», «Свобода» и др.

E.g.: The psychology instructor had just finished a lecture on mental health and was giving an oral test.

Speaking specifically about maniac depression, she asked, 'How would you diagnose a patient who walks back and forth screaming at the top of his lungs one minute, then sits in a chair weeping uncontrollably the next?'

A young man in the rear raised his hand and answered, 'A basketball coach?'

Словами-идентификаторами в данном примере являются: *psychology instructor, mental health, maniac depression, diagnose, patient, lungs*, соотносящиеся с семантическим полем «Здоровье».

Данный текст пронизан юмором, «порождая противоречивую модель в сознании получателя, показывая контраст между изображением и тем, чего ждет наша мысль»⁷.

3. Концепт «Характер» представлен следующими семантическими полями: «Лень», «Лесть», «Болтливость», «Профессиональная непригодность», «Трудолюбие», «Прилежность», «Эгоизм», «Здравомыслие», «Торопливость» и др.

E.g.: A man goes to the doctor and tells him that he has not been feeling well. The doctor examines him, leaves the room and comes back with three different bottles of pills. The doctor says: 'Take the green pill with a big glass of water after lunch. Then just before going to bed, take the red pill with another big glass of water'. Startled to be put on so much medicine the man stammers:

'Jeez, doctor, exactly what's my problem? Doctor says: 'You are not drinking enough water'.

4. Концепт «Прогресс» состоит из семантических полей: «Инновации», «Компьютер» и др.

E.g.: A man was crossing a road one day when a frog called out to him and said, 'If you kiss me, I will turn into a beautiful princess'. He bent over, picked up the frog, and put it in his pocket. The frog spoke up again and said, 'If you kiss me and turn me back into a beautiful princess, I will tell everyone how smart and brave you are, my hero'. The man took the frog out of his pocket, smiled at it, and returned it to his pocket. The frog spoke up again and said, 'If you kiss me and turn me back into a beautiful princess, I will be your loving companion for an entire week.' The man took the frog out of his pocket, smiled at it, and returned it to his pocket. The frog then cried out, 'If you kiss me and turn me back into a princess, I will stay with you for a year and do anything you want.' Again the man took the frog out, smiled at it, and put it back into his pocket. Finally, the frog asked, 'What is the matter? I've told you I'm a beautiful princess that I will stay with you for a year. Why won't you kiss me?'

The man said, 'Look, I'm a computer programmer. I don't have time for a girlfriend, but a talking frog is cool.

Словами-идентификаторами здесь являются: *computer programmer, time*, соотносящиеся с семантическим полем «Прогресс», так как согласно сказочному сценарию (*frog, princess*) действие должно было бы разворачиваться по-иному.

Комический эффект здесь вызывает «полная серьезность в рассказе неправдоподобного, но удивляет не абсурдность, а не касающаяся этого деталь»⁸.

5. С концептом «Политика» соотносятся семантические поля: «Ложь», «Правда», «Право», «Бизнес» и др.

E.g.: The neighborhood butcher burst into the lawyer's office and demanded of the man behind the desk:

'If a dog steals a piece of meat from my shop, is the owner liable for the theft?'

'Of course he is,' replied the lawyer.

'That's what I wanted to know,' exploded the butcher.

'Your dog just took a dollar steak'.

'I'm very sorry', was the calm response. Now if you will just give me another dollar it will cover the fee for my advice'⁹.

Слова-идентификаторы *lawyer's office, lawyer, advice* реализуются в семантическом поле: «Право».

Здесь раскрывается несовершенство современной правовой системы. Автор помещает данный концепт в фокус внимания и, таким образом, дает ему оценку.

6. Концепт «Интеллект» реализуется в семантических полях: «Смышленость», «Глупость», «Учение» и др.

E.g.: A preacher was making his rounds to his parishioners on a bicycle, when he came upon a little boy trying to sell a lawnmower. 'How much do you want for the mower?' asked the preacher. 'I'm just trying to make enough money to buy a bicycle,' said the little boy. After a moment of consideration, the preacher asked, 'Will you take my bike in trade for it? The boy said, 'You got a deal'. The preacher took the mover and tried to crank it. He pulled on the string a few times with no response from the mower. The preacher called the little boy over and said, 'I can't get this mower to start.' The little boy said, 'that's cause you have to cuss at it to get it started.' The preacher said, 'I'm a minister, and I can't cuss. It's been so long since I've been saved that I don't know if I even remember how to cuss'. The little boy looked at him happily and said, 'Just keep pulling on that string. It will come back to you!'

Здесь можно выявить слова-идентификаторы *little boy, trying to sell; to buy a bicycle; to cuss*, соотносимые с семантическим полем «Смышленость».

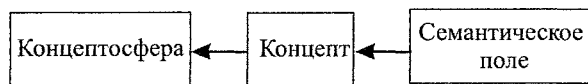
В данном примере наблюдается дружеская дистанция общения участников коммуникации: священника и мальчика.

В ходе концептуального анализа нами был рассмотрен обширный текстовый материал англ-

Зеленые страницы

лийских анекдотов и мы пришли к заключению, что концептосфера комического «Человек и жизнедеятельность» широко представлена базовыми концептами: «Взаимоотношения», «Жизнь», «Характер», «Прогресс», «Политика», «Интеллект» и, по сути, не имеет четких границ.

Схематически концептуальный анализ текста анекдота выглядит так.

В прагматическом аспекте текстовый анализ анекдотов¹⁰ выявил, что наблюдаются три разновидности нарушений: 1) эффект обманутого ожидания; 2) противоречие или несоответствие; 3) непредсказуемость.

Эффект обманутого ожидания может быть реализован в любом звене цепочки: на уровне субъекта, объекта, действия, признака, локатива или на уровне текста в целом. Это мы можем проследить в следующем тексте анекдота:

E.g.: Teacher: Jimmy? What are the three words which children often use at school?

Jimmy: I don't know.

Teacher: That's right!

Таким образом, эффект обманутого ожидания базируется на возможности вероятного прогнозирования и способности к формированию версии о дальнейшем ходе событий.

Противоречие – это несоответствие между формой и содержанием, явлением и сущностью, случайным и необходимым. Примером может служить следующий текст анекдота:

E.g.: How does an elephant hide in a cherry tree? – By painting its toenails red. Противоречие (слоны не могут спрятаться на вишневом дереве) не снимается с логической точки зрения (в соответствии с фоновыми знаниями коммуникантов, слоны не красят ногти). Однако в игровом, комическом мире подобное псевдоразрешение принимается, и именно благодаря этому и создается комический эффект данного текста.

Непредсказуемость – третья из разновидностей нарушений, рассматриваемая нами в примерах текстов английских анекдотов. Отметим, что непредсказуемость, как таковая, характерна в большей степени для так называемых «абсурдных анекдотов».

E.g.: Pilot (calling back to airport by radio): I'm lost!

Airfield Operator: Quick, tell me your location!

Исследование показало, что из трех приведенных выше разновидностей нарушений (эффект обманутого ожидания, противоречие, непредсказуемость) в текстах анекдотов наиболее сильный комический результат наступает при эффекте обманутого ожидания. Таким образом, можно говорить о том, что эффект обманутого ожидания яв-

ляется универсальным принципом, лежащим в основе всех комических явлений.

Следующий этап анализа текстов английских анекдотов также связан с когнитивно-прагматической характеристикой категории комического. Большинство анекдотов в своей основе, как мы считаем, имеет сценарные когнитивные модели, которые иначе можно определить как ситуационные. Анализ текстового материала показал, что ситуационный юмор основывается на трех главных факторах: 1) противоречии между внешней характеристикой предмета и его природой (например, лягушка и человек); 2) присутствии идеального предмета (например, пародируемого человека); 3) присутствии самого наблюдателя, видящего отношение родства между двумя объектами, но, несмотря на их схожесть, замечающего различную природу объектов и расценивающего объект с «чужими» чертами как смешной¹¹.

Другая разновидность ситуационного юмора – юмор, основанный на ситуационной неоднозначности. Ситуация, как и средства языка, может быть неоднозначной, т. е. у нее может быть несколько интерпретаций.

E.g.: A man was told by his doctor: "You are going to make medical history, you are the only man ever reordered who has become pregnant."

The man replied: "This is terrible, what my neighbours will say, I'm not even married".

Как видно из приведенного анекдота, комический эффект заключается не в обыгрывании языковых средств, которые чаще всего влияют на его результат, а в неоднозначности ситуации. В данном анекдоте выявляются социальные условности: 1) биологическая, физиологическая особенность мужчины; 2) негативное отношение общества к людям, которые воспитывают детей в неполных семьях (при наличии одного из родителей).

Языковой юмор тоже имеет три составляющие. Что касается первых двух компонентов, то, как и в случае сходства двух объектов в ситуационном юморе, в анекдоте противопоставляются в чем-либо схожие языковые единицы, поэтому их можно спутать друг с другом и не сразу заметить несоответствие между формой и содержанием. Существует большое разнообразие видов языковых единиц, провоцирующих такую путаницу: лексические, словообразовательные и синтаксические омонимы, лексико-семантические варианты слов (полисемия); слова, противопоставленные по прямому и переносному значению; фразеологизмы, противопоставленные свободным словосочетаниям и т.д. Например, текст анекдота, основанный на неоднозначности языковых средств:

E.g.: Mistress (to a new maid): "Now, when you wait on the guests at dinner, I want you to be very careful and not to spill anything."

Maid: "Don't worry, I won't say anything."

В данном анекдоте комический эффект достигается при обыгрывании значений глагола "to

spill” “пролить” и “*проболтаться*”, т. е. здесь наблюдается такое языковое явление, как полисемия.

Третий компонент одинаков в языковом и ситуативном юморе, поскольку говорим о реципиенте – слушателе или читателе, который понимает текст. Очевидно, что «реципиент является очень важным компонентом в данной схеме, потому что текст анекдота имеет прагматическую направленность»¹².

Обобщая вышесказанное, отметим, что концептуальный анализ текста анекдота предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, описание обозначаемого ими концептуального пространства; в-третьих, определение базового концепта этого пространства.

Кроме того, нами установлено, что комический эффект в текстах английских анекдотов может быть реализован в самых различных концептах с соответствующими им семантическими полями путем нарушения норм. Таковыми являются: эффект обманутого ожидания, противоречие или несоответствие, непредсказуемость.

В прагматическом аспекте нами был исследован ситуационный и языковой юмор, который может быть окрашен положительно или отрицательно. В зависимости от жанрово-стилистической окрашенности текст анекдота может быть дифференцирован как ирония, сатира, сарказм, «черный» юмор.

Таким образом, концептосфера комического является совокупностью связанных между собой

концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складываются миропонимание носителя языка, его смеховая культура. Богатство языка определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептосферой.

¹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. URL: <http://genhis.philol.msu.ru/article/124.shtml>.

² Шмелева Е., Шмелев А. Рассказывание анекдота как русский лингво-специфический речевой жанр. URL: <http://fixed.ru/pricling/conf/stilsists/rasskbetmse.html>.

³ Уткина А.В. Когнитивные модели и их репрезентации в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. Пенза, 2006. С. 97.

⁴ Уткина А.В. Указ. соч. С. 127.

⁵ Мухтаруллина А.А., Муратова В.Э. Коммуникативно-функциональное описание языка. Концептосфера «любовь–ненависть» в текстах английских лирических песен: сборник научных статей. Ч. 2. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 73.

⁶ Уткина А.В. Указ. соч. С. 45.

⁷ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 113.

⁸ Обуткина Е.Е. Коммуникативно-функциональное описание языка. Языковая игра в текстах английских анекдотов: сборник научных статей. Ч. 2. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 46.

⁹ Муратов Э.Н. Сборник юмора на английском языке. *Laughs and smiles*. М., 2003. С. 61.

¹⁰ Обуткина Е.Е. Указ. соч. С. 175.

¹¹ Обуткина Е.Е. Указ. соч. С. 96.

¹² Обуткина Е.Е. Указ. соч. С. 97.

Поступила в редакцию 15 июня 2009 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81
ББК 81.0

КОНЦЕПТЫ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

И.А. Морозова

THE CONCEPTS «MAN» AND «WOMAN» AS A REFLECTION OF GENDER STEREOTYPES IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

I.A. Morozova

Представлена рецензия на вышедшую в издательстве Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена монографию В.А. Ефремова «Мужчина и «женщина» в русской языковой картине мира» (2009). Автор статьи подробно рассматривает предложенные в монографии характеристики гендерных стереотипов на когнитивном уровне и концептуальный анализ избранного фрагмента национальной концептосферы. Работа В.А. Ефремова характеризуется как значимое исследование, вносящее вклад в изучение базовых концептов русской лингвокультуры.

Ключевые слова: когнитивная и гендерная лингвистика, концепт, концептуальное пространство, гендерные стереотипы, русская языковая картина мира.

This article is devoted to the book ««Man» and «Woman» in the Russian Language Worldview» by V.A.Efremova (2009) which was published at the RSPU named after A.I. Gertsen Publishing House. The author of the article reveals the description of gender stereotypes on a cognitive level and the conceptual analysis of a fragment of national conceptsphere presented in the monograph. Efremov's work is characterized as a significant research which makes an important contribution to the study of basic concepts of Russian linguistic culture.

Keywords: cognitive and gender linguistics; a concept; concept space; gender stereotypes; Russian language worldview.

В последние десятилетия в современном языкознании в рамках антропоцентрической парадигмы появились и активно развиваются различные междисциплинарные научные направления: лингвокультурология, лингвоконцептология, когнитивная и гендерная лингвистика, призванные через язык раскрыть когнитивную, духовную, ментальную, коммуникативную, социальную природу человека. Стержневым понятием перечисленных направлений является концепт. В настоящее время в центре внимания отечественных исследователей находятся коммуникативно релевантные ментальные единицы двух типов: универсальные

концепты, представленные в любой картине мира, и лингвоспецифические концепты, выражающие особенности национальной картины мира.

Монография В.А. Ефремова ««Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 184 с.) посвящена концептам, которые совмещают и универсальные, и национальные черты. Избранный автором интегральный подход к рассмотрению бинарных концептов «мужчина» и «женщина» обеспечивает многоаспектность исследования и соответствие актуальному принципу междисциплинарности.

Морозова Ираида Алексеевна, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института, докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: iraida morozova@mail.ru

---

Iraida A. Morozova, a candidate of Philology (Ph.D.); an associate professor, Department of Russian language and methods of its teaching of Borisoglebsk State Pedagogical Institute; a doctorant of the department of Russian language of Moscow State Pedagogical University. E-mail: iraida morozova@mail.ru

Признавая названные концепты самостоятельными ментальными единицами, В.А. Ефремов предлагает рассматривать их как особый специфический тип структурирования концептов, которые вступают между собой в комплементарные отношения, создавая в сознании носителя языка некую целостность (актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго), и обозначать термином «концептуальное пространство» (с.21). В разделе «Концептуальное пространство как фрагмент концептосферы» исследователь обосновывает выбор термина, перечисляет отличия данного типа от иных типов концептов, отграничивает предлагаемое понятие от сходных, но не тождественных терминов – «ментальное пространство» и «фрейм».

Как известно, количество средств, вербализующих ключевые концепты «мужчина» и «женщина» в русском языке, огромно. Несмотря на значительное число работ в рамках когнитивной и гендерной лингвистики, посвященных разноаспектному изучению средств объективации этих концептов, автор монографии смог найти очень интересную и, что важно, до сих пор никем не занятую научную нишу. Он четко очерчивает рамки своего исследования, объектом которого являются ядерные лексемы номинативного поля изучаемых ментальных единиц – «номинации, связанные с полом и – отчасти – возрастом человека (например, *девушка, женщина, мужик, пацан* и др.)» (с. 6). Новизна рецензируемого сочинения заключается, на наш взгляд, именно в совмещении разных направлений анализа объекта изучения: диахронического и синхронического, когнитивного и психолингвистического, этнолингвистического и культурно-речеведческого.

Анализируя средства вербализации концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’», В.А.Ефремов в основном акцентирует внимание на гендерных стереотипах: описывает их экспликацию в отечественной лексикографической практике (гл. 1), определяет комплексный характер и роль в концептуализации представлений о мужчине и женщине (гл. 2), через сопоставление старых и новых стереотипов показывает их динамику, нашедшую отражение в изменениях русской языковой картины мира (гл. 3).

Основную часть работы предваряют необходимые теоретические предпосылки. Кратко представлены и охарактеризованы лингвистические подходы к теории концепта – лингвокогнитивный, психолингвистический, лингвофилософский, лингвокультурологический, лингвоконцептологический, собственно лингвистический. Исследователю удалось верно передать суть каждого научного направления, корректно прокомментировать различные точки зрения на природу концепта.

Обобщая многочисленные публикации, посвященные изучению картины мира, В.А. Ефремов излагает историю вопроса, выделяет две плоскости

её описания (содержательные и формальные свойства), детализирует разновидности (концептуальная – языковая), разграничивает понятия «модель мира» и «картина мира», подчеркивает, что последняя «представляет собой диалектическое единство статики и динамики, стабильности и изменчивости» (с. 30). В монографии особое внимание уделяется вопросу «Картина мира и гендер», отмечается, что концептуальная картина мира в отличие от языковой меняется гораздо быстрее, так как отражает результаты познавательной и социальной деятельности, в то время как отдельные фрагменты языковой картины мира дольше сохраняют архетипические, «реликтовые» представления (в т. ч. гендерные стереотипы) людей о мироздании» (с. 38). Поэтому предпринятое автором работы изучение языковой картины мира в гендерном аспекте видится весьма актуальным.

В главе 1 «Концептуальное пространство ‘мужчина’ – ‘женщина’» и его вербализаторы» В.А. Ефремов уточняет терминологический аппарат исследования, останавливается на истории основных средств объективации анализируемого концептуального пространства – слов, которые выражают представление о мужчине или женщине «в чистом виде», вне какой-либо этнической, религиозной, профессиональной или иной принадлежности (с. 42). Исследователь дает подробное диахроническое описание номинаций мужчины и юноши (*муж, мужчина, мужик; юноша, детина, малой, малец, парень, хлопец, парубок, пацан*), женщины и девушки (*жена, женщина, баба, дама; дева, девица, девка, девушка, барышня, дивчина, мадемуазель, мисс*).

В этой части работы автор также характеризует гендерные стереотипы, свойственные не только наивному сознанию, но и метаязыковой деятельности учёных-лексикографов, которые находят эксплицитное и имплицитное выражение в различных толковых словарях. На примере дефиниций ядерных вербализаторов концепта «женщина» (лексем *женщина* и *баба*) автором продемонстрированы постоянные и меняющиеся гендерные стереотипы в сознании носителей русского языка. Проведенный анализ лексикографического материала позволил В.А. Ефремову «вскрыть гендерные стереотипы коллективного мышления лексикографов, которые, с одной стороны, транслируют неизменные представления патриархального сознания о мужчинах и женщинах, а с другой, – с разной степенью осознанности отражают изменения в русском лингвоментальном пространстве» (с. 85).

В главе 2 «Концептуальное пространство ‘мужчина’ – ‘женщина’: психолингвистический аспект» автор монографии предлагает обзор разных точек зрения на концептуализацию и теорию стереотипа в современной гуманитарной науке, опираясь на теоретические сведения смежных с лингвистикой дисциплин – психологии, социологии, философии и др. Стереотипы сознания, в том

числе гендерные (упрощающие и обобщающие, эмоционально окрашенные, культурно и социально обусловленные мнения и суждения о качествах, атрибутах и нормах поведения «типичных» представителей того или иного гендера), В.А. Ефремов рассматривает как один из источников структурирования некоторых концептов (с. 94).

Для анализа представленности гендерных стереотипов в структуре концептов «мужчина» и «женщина» он обращается к данным «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова и др. (2002), сопоставляет их с результатами социологических, психологических и этнографических исследований зарубежных авторов. В итоге такого сопоставления получен обширный список универсальных и национально специфических гендерных стереотипов и элементов прототипа-идеала, которые входят в структуру анализируемых ментальных единиц (мужчина – *сильный, мужественный, средних лет, является мужем, семьянином, защитником* и др.; женщина – *красивая, женственная, молодая, физически слабая, объект сексуального интереса мужчины, выступает в роли матери, жены* и др.). По мнению В.А.Ефремова, компоненты концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’» характеризуются по схожим векторам концептуализации, кроме того, «в концептуализации представлений о женщине гендерные стереотипы играют большую роль, чем при концептуализации «мужчины» (с. 106–107).

Обращение к результатам других психолингвистических исследований (словарные статьи книги А.Д. Палкина «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей». – М., 2004) автору монографии дало возможность выявить, как формируется представление о маскулинности и феминности в сознании детей переходного возраста (11–12 лет).

Этнолингвистическая специфика структурирования концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’» в национальной картине мира была определена уже не только на основе анализа лексикографических сведений, но и данных Национального корпуса русского языка.

В главе 3 «Трансформации русской языковой картины мира и концептуальное пространство «‘мужчина’ – ‘женщина’» изменения в изучаемом фрагменте языкового сознания рассматриваются через социолингвистические модификации русской языковой картины мира в целом. В.А. Ефремов показывает зависимость концептуализации представлений о мужчине и женщине на рубеже XX–XXI веков от 1) жаргонизации языка и мышления, 2) американизации языка, 3) давления просторечия, генетически связанного с территориальными диалектами, на кодифицированный русский язык, 4) попыток вернуться к языку и культурным ценностям дореволюционной России, 5) снижения уровня общей культуры и утраты элементов традиционной русской культуры, 6) трансформаций традиционной

гендерной стратификации общества (с. 132–140). Приведенные им примеры наглядно демонстрируют, как перечисленные факторы отражаются на основных средствах вербализации концептов «мужчина» и «женщина».

Особое внимание уделяется трансформациям в сфере обращений к лицам мужского и женского пола. Следует отметить богатый иллюстративный материал, предлагаемый в данной главе: для доказательства своей мысли автор монографии привлекает различные типы современного дискурса (художественные, публицистические, рекламные тексты).

Логичным продолжением анализа старых и новых гендерных стереотипов является рассмотрение гендерных асимметрий в языке, под которыми исследователь понимает «лингвистическую фиксацию неравноправного сосуществования мужчин и женщин и принижения социокультурного статуса последних» (с. 141).

В соответствующем разделе характеризуются номинации лиц женского пола в аспекте культуры речи. В нем В.А. Ефремов достаточно смело критикует (может быть, не всегда оправданно?) «феминистский настроенных исследовательниц» (с. 150) (формообразование автора сохранено – И.М.), констатирующих андроцентризм русского языка; создателей современных словарей (Кузнецов С.А. «Большой толковый словарь русского языка»; Колесников Н.П. «Толковый словарь названий женщин»; Граудин Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. «Грамматическая правильность русской речи») за необоснованное включение в состав словника и неправомерную «стилистическую маркированность данных слов» (с. 145).

Для полноты и симметрической завершенности последней главы автор монографии характеризует языковые новации и маскулинные практики. В числе первых исследователей он обращается к анализу лингвистической модели маскулинности усредненного русского мужчины через анализ оппозиций *мужское – детское, мужское – гомосексуальное*, описывает мужские номинации-неологизмы последних лет (*мачо; метросексуал, ретросексуал, хаммерсексуал, уберсексуал* и аналогичные производные).

Таким образом, через анализ гендерных стереотипов и гендерных асимметрий В.А. Ефремов убедительно показывает, что «языковое сознание русского человека концептуализирует идеи маскулинности и феминности в образе мужчины и женщины особым, специфическим образом» (с. 166). Если раньше в отечественной лингвистике проблему гендерных стереотипов рассматривали в основном на материале фразеологического фонда (чаще – в сопоставительном аспекте), то автор рецензируемой работы ставит данную проблему в рамках русской языковой картины мира в целом. Описывая основные вербализаторы концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’» в диахронии и

синхронии, он представляет динамику определенного фрагмента концептосферы.

Монография имеет четкую структуру, логичное построение, что даёт возможность свободно следить за ходом авторского рассуждения. Хотелось бы, однако, чтобы заключение было более развёрнутым, это позволило бы, на наш взгляд, обобщить предшествующее изложение и окончательно убедить читателя в справедливости оценок, рассуждений и выводов исследователя. Библиографический список работы включает разнообразные научные источники, словари и справочники (в том числе новейшие, изданные в 2009 году), характеризуется обширностью и полнотой.

К положительным моментам следует также отнести серьезный критический (и вместе с тем толерантный) подход к научным изысканиям других ученых, на фоне которых В.А. Ефремов уточняет свою собственную точку зрения на рассматриваемые проблемы. Полученные в работе выводы интересны, достоверны, убедительны. Автор продемонстрировал высокий уровень эрудиции широкий лингвистический кругозор, способность

работать в междисциплинарных областях знаний.

Рецензируемое сочинение представляет собой законченное научное исследование, которое, несомненно, имеет теоретическую и практическую значимость. Предлагаемый материал, тщательно отобранный и прокомментированный, может быть использован в лекционных и практических курсах по когнитивной и гендерной лингвистике, лексикологии и культуре речи, общему языкознанию и лингвострановедению. Эта книга, с одной стороны, характеризуется высоким уровнем научной сложности и информативности, с другой стороны, отличается доступностью и занимательностью изложения. Она с полным правом может быть адресована не только лингвистам, но и всем, интересующимся вопросами истории и современного состояния русского языка.

Следует положительно оценить монографию В.А. Ефремова как исследование, продвигающее вперед изучение ключевых коммуникативно релевантных концептов «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира и вносящее вклад в разработку лингвокогнитивной методики.

Поступила в редакцию 16 февраля 2010 г.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляются печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ Microsoft Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность, контактная информация (адрес, телефон, e-mail)).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов (данная информация предоставляется на русском и английском языке), текст статьи, литература оформляется в виде концевых сносок.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Лингвистика»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, кафедра общей лингвистики, ответственному секретарю Жеребятевой Екатерине Сергеевне. E-mail: olingv@susu.ac.ru

5. Ознакомиться с полной версией правил подготовки рукописей и примером оформления можно на сайте ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкой: «Научная деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 21 (197) 2010

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 11**

Редактор Н.М. Лезина

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 08.06.2010. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ 203/389.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск,
пр. им. В.И. Ленина, 76.